

11/91

A young woman with a light-colored headband and a floral dress is sitting in a large haystack. She is smiling slightly and looking towards the camera. The background is filled with golden straw.

MBDI

ISSN 0236-3283

Главный редактор
Владимир БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
фото Вадима ОПАЛИНА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик №1.
По всем вопросам экспедирования
и полиграфического исполнения
обращаться в издательство «Дом»

© «МЫ», 1991
Издательство «Дом»
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юхтвет
Соинипрвят Финляндия

Сдано в набор 20.08.91 г.
Подписано в печать 02.09.91 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
Изд. л. 12,72. Тираж 1000000

11/91
ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

- Юрий Карякин.** «Али есть в нас закон природы такой?..»
К 170-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского2
Алеша Набиуллин:
«Сажусь за рояль, чтобы слышать музыку...»70

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

- Альберт Лиханов.** Мужская школа. Роман74
Рауль Мир-Хайдаров. Мать пиковая. Роман. Продолжение...14
Юрий Лобов. Виктор Иммануилович. Рассказ166
Андрей Максимов. Смерть всегда в прошлом.
Фантастический рассказ130
Александр Радашкевич. Вы все со мной. Стихи68

ПРОБА ПЕРА

- Ира Лобусова.** Плюнуть и послать. Рассказ123

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

- Дорогая моя девочка!..** Школа этикета Веры Мурашовой160
Письма в «Мы»10
Ищу друга188

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

- Владислав Пронин.** Александр Васильевич, бывший Саша...118

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

- Каждый может, как Наполеон.** Только быстрее125
Сергей Цебаковский. Поиск аварийных НЛО. Продолжение...144
Музыкальные страницы.179
На малом экране. Видеообзор190
Телега жизни. Сатира и юмор.....184

Случалось ли вам, молодые люди, обнаруживать в себе, в одноклассниках такую захваченность познанием, когда не то что глаза и лицо, а спина, затылок передают внутреннее напряжение, шевеление догадок, скрип мозгов? Честное слово, такое бывает на уроках. Я тому свидетель. И наблюдала это не однажды. И только на уроках Юрия Федоровича Карякина.

Возможно, вы знаете этого человека как народного депутата, видели и слышали его на трибуне парламента страны. Но главную часть своей жизни Юрий Федорович проводит за письменным столом — своей судьбой, своей профессией сделав разгадывание гения Достоевского, которому в эти дни исполняется 170 лет. И приоритет некоторых открытий на этом пути специалисты у нас в стране и за рубежом признают за Юрием Федоровичем Карякиным.

А началось все с истории, когда Театр на Таганке заключил с Карякиным договор на инсценировку пьесы по «Преступлению и наказанию». За Карякиным, историком и литературоведом, уже прочно утвердилась репутация высокообразованного человека, знатока русской филологии. А уж Таганка и ее главный режиссер Юрий Любимов в те 60-е имели прямое отношение к понятию «слава». И тем не менее эти два человека ошиблись, меряя работу по Достоевскому тремя

«АЛИ ЕСТЬ В НАС ЗАКОН ПРИРОДЫ ТАКОЙ?..»

Юрий КАРЯКИН

То обновление, которое мы сейчас переживаем, в конечном счете будет спасено (или погублено) теми, кто вступил в это обновление, — подростками.

У нас сейчас очень шумное время. Оно оглушает. Очень уж многие стараются друг друга перекричать, и крик слишком часто заменяет тихий труд души и мысли, долгую, тяжелую ра-

договорными месяцами. «Читаю, слушаю, принимаю, заблудился», — вспоминает Юрий Федорович. Тогда он поступил так, как, наверное, еще никто, и нигде не изучал никакого писателя. Он порезал две книги «Преступления и наказания», обклеил страницами все стены комнаты, заперся от всех и вся, переходя от листа к листу, от стенки к стенке, много-много месяцев изучал, слушал, думал... (А в школе на этот роман, кажется, и сейчас отводят восемь часов.)

Вот уже больше двадцати лет он каждый год приходит на Достоевского в школу. По собственному желанию. Договаривается с какой-нибудь школой, с какой-нибудь учительницей — уступить ему сколько можно часов. Зачем ему это надо? Затем, что это нужно вам. Затем, что если на девять десятых человек запрограммирован в детстве, то и тратить на него в это время нужно на девять десятых больше. А тратить Юрию Федоровичу есть что.

Поэтому вам сегодня повезло: его слово — для всех вас. Потребуется работа не из простых — думать. Зато познаете радость опровержения. Опровержения устойчивого школьно-учительского мнения, что шные мысли и концепции недопустимы пониманию детей.

боту самопознания и познания мира, а ведь только такой труд, только такая работа может подготовить человека к действительно серьезным поступкам, а может быть, и к подвигу.

Достоевский: «Вы говорите, что нравственно поступать лишь по убеждению. Но откуда же вы это вывели? Я вам прямо не поверю и скажу напротив, что безнравственно поступать по своим убеждениям. И вы, конечно, уже ничем меня не опровергнете... Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: а верны ли мои убеждения?»

Не только «капитал разом» (Раскольников), но и жажда «скорого подвига» (Подросток) — это, оказывается, вовсе не добродетель.

Сколько лет надо учиться для того, чтобы хорошо строить мосты? Сколько — чтобы лечить и вылечить? Быть хорошим агрономом, лесником? Для начала — пять-шесть как минимум. А без этого мосты будут проваливаться, люди, хлеба, леса — вымирать... Так почему же перестроить все общество «по новому штату», по новым социальным и духовным основаниям легче, чем строить мосты, лечить, выращивать урожай? Жажда «скорого подвига», враждебная долгому труду подготовки, самовыделки, чревата не просто ошибками, а преступлениями. Это, оказывается, не просто недостаток, а порок, причем в области духовных отношений — во много раз больше и страшнее, чем во всякой другой.

Кто не хочет быть талантлив-

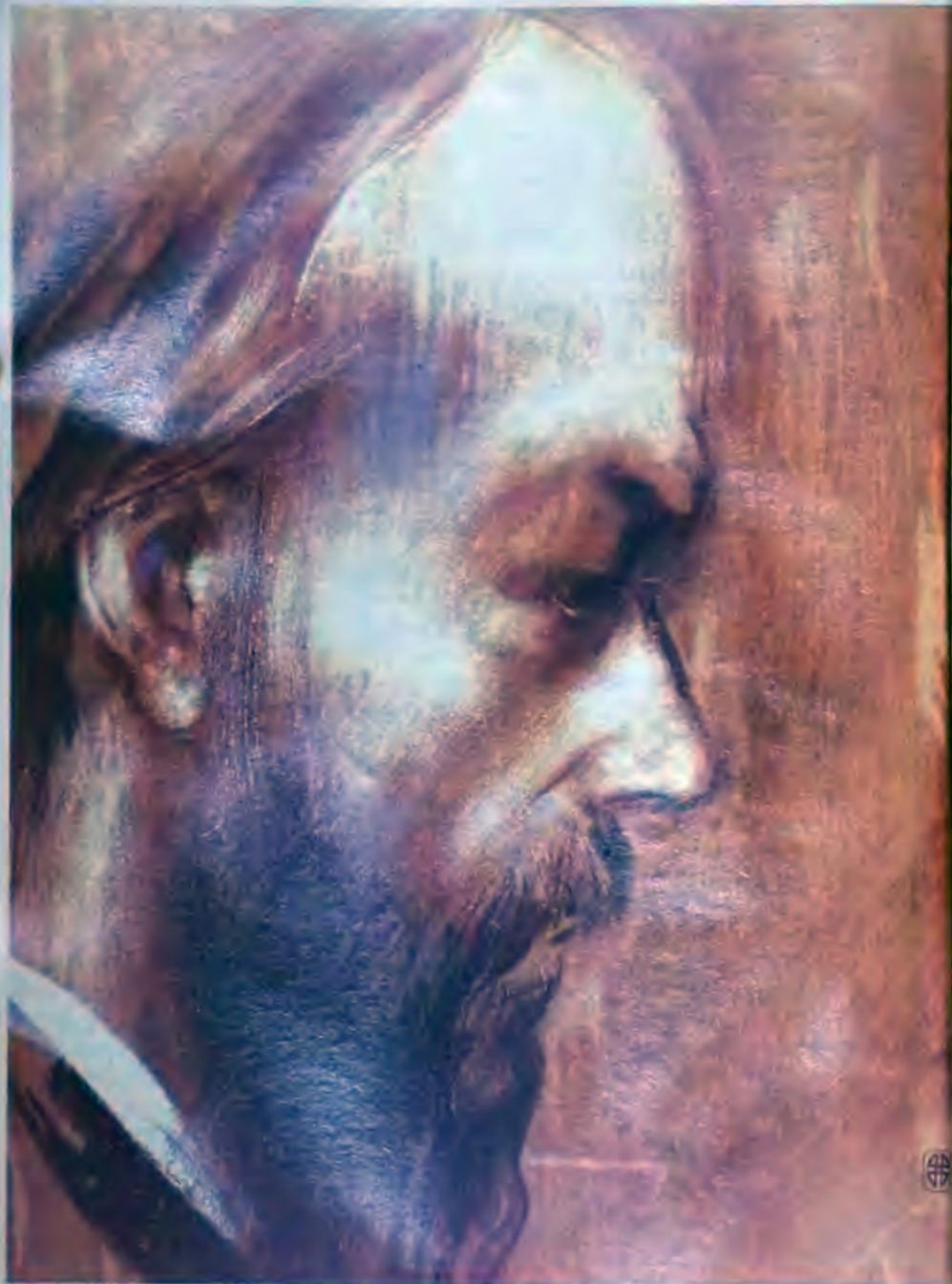

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

вым — талантливым в своей профессии, в жизни, во всем! Но что такое талант? Помимо всего прочего, это ненависть к собственной бездарности и потребность, воля, умение вытравлять ее, эту свою бездарность, вытравлять беспощадно, бескомпромиссно и весело (потому что она смешна и больше всего боится смеха над собой).

Трагична ирония истории, давно подмеченная Гегелем: история учит тому, что на ее уроках никто не учится. Но если и сейчас мы позволим себе остаться никудышными учениками, если и сейчас уроки истории не будут извлечены, то не сохранится и самой истории. Закончатся вообще всякие уроки.

«Преступление и наказание» написано в 1866 году. Запомните этот год! Год начала нового миропонимания, открытого литературой! Тысячи лет люди жили по законам естественного круговорота: все повторится, жизнь продолжится и после нас. «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...» Достоевский вдруг задал вопрос: а если не будет?

Человечество, в сущности, раньше жило тем подростковым, юношеским мироощущением, которому не страшны никакие повороты судьбы. Тем ощущением, которое точно выразил Подросток Достоевского: «Поправлюсь! Я это чем-нибудь наверстаю... Каким-нибудь добрым поступком... Мне еще пять-десять лет впереди!» А теперь на

нас впервые дохнуло холодом абсолютного небытия. Но задача спасения человеческого рода от самоубийства военного и биологического нет. Мы все — уже участники истории, которая стала борьбой за историю. Жизнь человеческого рода стала борьбой за эту жизнь, за жизнь природы. Будущее нам с вами не дано-даровано. Отныне его надо добывать, защищать.

Как?

В 1866 году Достоевский впервые поставил вопрос не только о новом мышлении, но и о новом чувствовании. Точнее — о чувстве нового мышления. Его главная «идея — чувство» — «найти человека в человеке».

Одна вещь всегда известна человеку о самом себе — совесть, а отсюда и добросовестность. Пусть я не гений, но я должен в меру своей добросовестности познать гения, познать познанное гением. Нам дарована (даром досталась) гениальная книга. Прочитать ее за день-два можно. А постичь? Постичь книгу, которая выстрадана жизнью, писалась годами, за каждую строчку которой уплачено тем, что вообще не поддается никакому подсчету? Тогда мы только начнем что-то понимать, когда муравьем по каждой странице проползем. Есть у нас такое время? Нет такого времени. Чудовищное положение... Но надо не пожалеть сил. Если вы не пожалеете сил, то получите награду, которую

даже сами не представляете. Потому что в сущности мы познаем через гения то, что он давно знал о нас. То, что он давно познал как наше спасение.

Для всех истинных художников всегда были главными, глобальными проблемы — духовности, нравственности, гуманизма. А уже все другие проблемы от них производные. Существует факт, который никто не в силах опровергнуть: веками одни и те же произведения литературы читаются с неослабевающим интересом. Потому прежде всего, что задают самые глубокие, сокровенные, живые струны совести. И эти струны существуют в людях все эти века. Потому одно только и важно — «найти человека в человеке», что существуют объективные законы нравственности.

Вы не считаете литературу, искусство точными науками? Давайте разберемся.

Раскольников с чего начинается? С того, что всех людей поделил на вшей и гениев. Гений должен через все перешагивать. Но в результате это оказывается для человечества самоубийством, если каждый будет через всех перешагивать. В эпилоге, в снах Раскольникова и создана картина самоубийства человечества. Достоевский спрессовал время: от убийства одного человека до конца человечества. Обращая историю. Пока говорят «не убий человечества», соглашаясь на убийство человека, гибель человечества будет оттягиваться, но спасения не будет.

Не было бы смерти — не было бы нравственности. Если человек совершит духовное преступление — ему за это воздастся. Это не гипотеза. Это точное знание. Это аксиома.

«Преступление и наказание» — единственный в мире роман о матереубийце. Мать Раскольникова из-за сына сходит с ума, из-за него умирает. Его теория о двух разрядах — теория трусливая. Спросите: а ну, Родион Романович, матушку в какой разряд? Вошь она? А он — боится об этом подумывать. Там, ночью, в каморке, было хорошо, там «дым, туман, струна звенит в тумане», дебют придумал, как в шахматах. Но — явь, люди приближаются, и надо ходить пешкой, имя которой — мать, сестра, Соня... Чем кончил Раскольников? «О, если бы я был один!» Что значит — один? Это значит — без вестей ко всем и ото всех, то есть без — со-вести.

«Али есть в нас закон природы такой, какой не знаем мы, но какой кричит в нас?» — спрашивает Достоевский. Это и есть закон совести. Знаем его, не знаем, он все равно существует.

По Достоевскому, сострадание есть главный и, может быть, единственный закон бытия человеческого. Представьте. Большой стол, много яств, люди едят, а рядом голодный ребенок... На виду у всех каждый поделится с ребенком. Но в жизни слишком много стен, за которыми не видно, как голоден, как несчастлив, как страда-

ет другой человек. Стены возводятся, чтобы совесть — ослепла, онемела. Но совесть ломает эти стены.

Закон совести действует как всякий закон: преступившему будет отмщение. Раскольников мучается, кричит: «О, если бы я был один!» Со всеми быть не хочет, со-весть хочет отрезать. Преступление по совести возможно, говорит он вначале. А оказалось, что преступление — это и значит убить совесть. Кровь по совести невозможна.

Преступление Раскольникова не столько в том, что он убил, сколько в том, что возомнил себя высшим. «Арифметика» его теории: одного убью — десятых осчастливлю. На поверхности положительная цель — одарить многих. Но под ней, мы знаем, — доказать свою принадлежность к высшим. Обе цели сошлись, склеились. Средства? Неправые — убийство. Но ведь и настоящая цель неправая — самоутверждение за счет других. Значит, цель определяет средства, но не оправдывает их.

Почему Раскольникову понадобилось убеждать себя, утверждать себя в роли благодетеля: вон, мол, сколько людей осчастливлю? Потому что переименованное преступление — невыносимо, а переименованное — даже вдохновляет. Это формула не только Раскольникова, но и общечеловеческая. Простое и страшное открытие делает Достоевский: неправые средства —

и есть настоящее выражение настоящих целей, тоже настоящих. Когда человек сталкивается

с неправыми средствами, что-то здесь не то, что-то здесь не так, как бы красиво и благородно ни звучала цель провозглашенная.

Переименование отрицательных целей в положительные есть не что иное, как самообман. Обмануть — просто, но и просто поймать на обмане. Самое сложное — самообман. Это тайна. Человек, совершающий самые низкие, подлые поступки, все же пытается выдать себя за хорошего, он лицемерит, объясняет: это во имя... во благо... Почему он все время оглядывается на добро? Почему маскируется? Лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели, сказано мудрецом. Почему платит? Достоевский: «Тут тайна».

Да, великие художники не только и не столько открыватели тайн, сколько открыватели существования тайн. Да, нет ничего в мире менее известного, чем человек. И все же литература уже открыла кое-что такое, что не будет опровергнуто никогда. Конечно, в области нравственности законы реализуются неизмеримо сложнее, чем в физике. Но не менее объективно. И хотя развязка здесь длится дольше, но она в некотором роде и пострашнее. Наглый, хохочущий аргумент — «цель оправдывает средства» — сейчас наконец бит. Но бит ценой самой дорогой из всех возможных: нарушение объективных

законов нравственности стало смертельно опасным для всего рода человеческого. Бессовестность — погубит, совесть — спасет. И уже не отдельного человека, нацию, а все человечество. И погубит или спасет уже не только нравственно, духовно, но и физически. Веками невидимые обывочным глазом нравственные законы обрели вдруг физическую осязаемость и силу.

Искусство постигает смысл нравственных преступлений так, как это не под силу никакой судебной инстанции. Оно привлекает таких свидетелей, каких и быть не может ни на каком обычном суде. Но оно никого не обвиняет и никого не оправдывает. Сила искусства, полномочия искусства — найти в человеке совесть и оставить его наедине с ней. Только одна мера наказания, зато самая высшая: страшный суд совести. Только одна мера помилования, и тоже самая высшая: исполнение приговора — собственного приговора — оно предоставляет самому человеку.

«И о тебе эта история рассказывает», как бы говорит Достоевский читателю. О тебе, если есть в тебе неправота целей, скрываемая самообманом, если боишься ты точного самосознания. У тебя могут быть своя старуха — процентщица, своя Лизавета, только они иначе называются. Могут быть, даже если ты не убивал их буквально. И тогда все равно страдать за тебя будут и мать, и сестра,

и Соня... «Преступление и наказание» — модель духовной жизни каждого человека.

Объективные законы нравственности — это значит не только то, что они независимы от человека. Но и то еще, что человек от них зависим.

Установлено: за четыре с лишним тысячи лет известной нам истории человечества было всего-то навсего около трехсот лет мирных. Все остальное время люди жили до войны, во время войны, после войны. И опять перед новой войной... То есть люди жили в сущности для войны и войной. Это военное настоящее, военное прошлое, военное будущее наложило глубокую печать на все людские отношения. И вот выяснилось: «убий человечество» и началось с «убий человека». Но тем самым люди стали перед выбором: либо выучиться сострадать, понимать и слушать друг друга, относиться к каждому человеку, к каждой народности, каждой расе как к неопределимому достоянию человечества, либо... Вы, я, он, она, они — все оказались перед этим выбором. На наших глазах вечная «реалистическая» формула «цель оправдывает средства» дооправдывалась до предельного, абсолютно абсурдного варианта. Под угрозой все человечество, вся жизнь. И все же: укрепление мира (цель) опять оправдывает чудовищную гонку вооружений и сверх вооружений (средства). Жизнь оправдывает... смерть.

Сегодня ни у кого нет алиби. Алиби — отсутствие человека в данном месте в данный момент, там и тогда, когда и совершается преступление. Все живут на этой земле. Все знают, что на этой земле готовится (уже совершается) самое страшное преступление против жизни. И никто не может сказать: меня здесь сейчас нет. И преступники главные все известны: все те, для кого «есть вещи поважнее мира»...

У Достоевского сказано: «Но пуще всего не запугивайте себя самих, не говорите: «один в поле не воин». Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен. Не подражайте тоже и некоторым фразерам, которые говорят: «Не дают ничего делать». Все это фразеры и герои поэм дурного тона, рисующиеся собой лентяи. Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра».

Это раньше человек рождался, чтобы улучшать жизнь. Теперь рождается на спасение жизни. Никакие интересы — классовые, партийные, национальные — все вместе взятые — не стоят интересов общечеловеческих. Нет и быть не может ничего на свете, ради чего можно было бы принести в жертву род человеческий. Лучше быть разными в жизни, чем одинаковыми в смерти. Собственно, разное — и есть жизнь. Одинаковое — есть смерть. Только бы не опоздать. Когда и крикнуть будет некому, как герою Достоевского:

«Пять минут, всего, всего пять минут опоздал!». Опоздал!..» Знаете, даже ваш выбор профессии — это не только выбор своей судьбы, но и выбор способа спасения человечества.

Достоевский перевел людей в другие координаты еще тогда, когда жизнь считалась вечной, гарантированной. Но сегодня его вопросы, вопросы философские, нравственные, вечные, как никогда стали неотложными, социальными, политическими. Вопросы, которые до Достоевского и во времена Достоевского традиционно в одиночестве переживались великими умами и сердцами человечества, стали вопросами масс, вопросами для всех и каждого.

Перед каждым из нас, буквально перед каждым встал прямой вопрос: на какое время ты работаешь — на живое или на мертвое? Тем ли занят? То ли делаешь? Так ли? Не опоздаешь?

* * *

Если у нас, у наших детей и внуков будет история, то в ней будет записано: 1991 год был годом Федора Михайловича Достоевского. Тогда ЮНЕСКО призвало всех людей Земли чтить своего гения. И может быть, скажут потомки: Земля избежала катастрофы, потому что люди обрели открытое гением новое мышление — чувство.

Материал подготовила
Татьяна ПОСЫСАЕВА

Я НЕ МОГ ТАК ЖИТЬ

Меня очень огорчают некоторые из писем, которые вы публикуете. Я имею в виду письма от ребят, попавших в платную компанию. Вот, например, из письма Оли Г. из Теплогорска (№ 1 за 1991 г.) ясно, что она всей душой хочет завязать со своей прежней жизнью, но не представляет себе — как это сделать?

Расскажу о себе. Когда мне было 13—15 лет, я тоже гулял с «конторой»: пили, курили, лазили по чердакам и подвалам, прогуливали школу...

В 16 лет у меня наступил перелом. Я больше не мог так жить. Но для того, чтобы снова зажить по-человечески, мне понадобились годы. Сейчас мне 19 лет, я учусь в вечерней школе, работаю, занимаюсь дзю-до. Собираюсь поступать в институт...

Все, что переживает сейчас Оля, — явление временное, оно растает, как прошлогодний снег. А что останется? Ничего, если она не приложит всю свою волю, чтобы достичь чего-то в жизни, чтобы всем своим существованием осознать, что жизнь — хорошая штука, а в разных там «камерах» — бесполезное существование. Поверьте, это

лучший способ вырваться из замкнутого круга. Я сам прошел через все это.

Удачи вам, ребята!

И. Д.
Москва

ВСЕ КОНЧИЛОСЬ БЛАГОПОЛУЧНО...

У меня был парень. Мне казалось, что у нас настоящая любовь. Шли месяцы, и я была очень счастлива, тем более, что раньше мне приходилось много переживать из-за моей внешности.

После второго его визита к нам домой у матери пропала золотая цепочка. Подозрение у меня падало на кого угодно — только не на него. Он казался мне тогда самым лучшим!

Три раза он одалживал у меня по 25 рублей. Как я, так его любя, могла отказать? Но через месяц, вновь после его визита, у нас в доме опять пропали деньги. На этот раз крупная сумма. Я всячески отгоняла от себя эту мысль, но сомнений, увы, уже не было.

Я все рассказала маме. Мы поехали к нему и узнали, что он сбежал из нашего города.

Я очень переживала, и мне казалось, что жить больше нельзя, когда твоя первая любовь так жестоко и грязно обманута.

Все кончилось благополучно. Мы нашли его адрес, и он вернул деньги. Но вот я уже сомневаюсь, что когда-нибудь смогу по-настоящему полюбить.

Э. К.
г. Львов

ЗАЧЕМ ДЕЛИТЬ?

Вот я и стала преступницей... Да, преступницей. Точнее — воровкой.

Нет, конечно, я не ворую у чужих. Но вот что произошло.

Я надела в школу свитер моей сестры. Еще — взяла из ее кармана семечки. И еще — спрятала под подушку самое лучшее яблоко, чтобы оно досталось мне. Вот и все мои преступления.

Я живу в нормальной семье, у меня все есть. Я отличница. Казалось бы, мы живем дружно. Но сестра долго выговаривала мне за мое «воровство», а потом... Потом я увидела плачущую маму. Нет, это невыносимо!

Что же происходит со мной, с моими родственниками? С раннего детства нас приучали к разделению. Вот твое мороженое, а вот мое. Так поступали родители — чтобы мы не ссорились. Все всегда делили. Но как это нелепо — делить между родными людьми! Ну что ж, казнить теперь меня за то, что я надела чужой свитер? Но ведь это вещь моей родной сестры, родной!

А может, я и вправду воровка?..

Нина
Витебская обл.

ВЫХОДА НЕТ

В одном из номеров вашего журнала вы советуете девушке, у которой испорчены отношения в семье, попробовать объясниться с матерью. Неужели вы и в самом деле думаете, что это возможно? Это ведь со стороны легко сказать — поговори спокойно, попробуй понять собеседника...

У меня дома тоже история с матерью. Меня тоже никто не хочет понять. Я не раз пробовал говорить спокойно. Но что же мне делать, если родная мать называет меня

сволочью и гонит из дома только за то, что я никак не могу устроиться на работу? Тут уж, извините, выхода нет — или ответить тем же, или упасть с крыши... Пусть бы ваш психолог, попав в подобное положение, попробовал сохранить спокойствие.

А.

г. Новокузнецк

ПРИЧЕМ ЗДЕСЬ ВОЗРАСТ?

Мне 16 лет. Полтора года назад я познакомилась с Виталиком (сейчас ему 14 лет). Мы полюбили друг друга... И вот в один осенний день он пишет мне записку: «Найди себе другого, мы друг другу не подходим по возрасту...»

Теперь он ходит с другой. Но я его продолжаю любить.

Неужели для чистой любви имеет какое-то значение возраст?

Без подписи
г. Николаев

О НЕМ ВСЕ ЗАБЫЛИ

Журнал «Мы» выписывают моему младшему брату, но я тоже читаю его. Когда я взял в руки № 11/12 за 1990 год — долго не мог его открыть. С обложки смотрела на меня девушка — с таким презрением и такой болью. Так стало не по себе. Перевер-

ну пару страниц, вновь обращаюсь к обложке, опять пару страниц, опять к обложке. Смотрю на бычок в ее руке, черную телогрейку с меткой и не вижу их. Я смотрел и смотрел на фотографию, разобрал фамилию на метке — Соловьева (кажется). О чем же думала она, глядя в объектив Игоря Гаврилова, о чем думает сейчас?

Людей со странными взглядами на окружающих и на себя я увидел два года назад. Я интересовался музыкой, сделал «всегда неполный» сборник стихов и песен Бориса Гребенщикова. И вдруг... Просят у меня денег пятеро ребят, у них длинные волосы, джинсы. Не хватает рубля, а в винном только дорогое шампанское. После моего взноса один из парней убежал, а другой, оторвав неподвижный взгляд от асфальта, что стоило ему немалых усилий, спросил: «Ты Бориса Гребенщикова любишь?..»

Мы разговорились. Только позднее мне стало ясно, что это — другая жизнь, отличная в корне от того, чем был я. Судите сами: школа — председатель городского пионерского штаба, член совета дружины, Артек, техникум — комсомол, член комитета комсомола, все свободное время — в секции легкой атлетики, армия — кандидат в члены КПСС.

Моя жизнь два последних года — это андеграунд с его портвейном и стихами, сига-

ретами не только с табаком, песни ребят (хорошие о душе, о любви и злые о стране глупцов и людях, которые ее населяют), ночи в расписываемых подъездах, теории «космического разума». Путешествия до Таллинна автостопом на хипповую маевку, затем на «собаках» (электричках) от города до города...

Я видел, какие «вертолеты» летали у парней после клея «Момент» в пакете, как другие просили спасти их от тишины, которая после поллопуха колес и двух-трех косяков. А я до двадцати лет любил лимонад, да и вообще то и сейчас тоже.

Что же происходит? Почему наша жизнь заставляет каждый день «улетать» хороших, талантливых ребят,

а проснувшись на другой день, видишь свет и людей опять такими, каковы они есть, — черны-серо-белыми.

Я не умею петь, играть на гитаре, главное у меня — познать людей, дать им то, чего сейчас так мало — внимание к человеку, его проблем, его внутреннему миру. Хочу помочь чем можно. Иногда ведь так мало нужно такому человеку, что стоит или тихонько бредет в толпе, спешащей вперед за очередным «знаменосцем»: о нем все забыли, а на некоторых даже и потоптались. Как, например, эта девушка с обложки. Вот бы только не забыть еще и всех «за обложкой».

Спасибо за журнал.

Никита А.
г. Пенза

ПРЕСС-КЛУБ «ШКОЛЬНИК» ИЗВИНЯЕТСЯ

Последний номер журнала «Мы» за прошлый год принес много тягостного десятикласснику из Казани Ренату Санукову.

Представьте себе: за вашей подписью появляется в печати письмо на тему — «Я отбираю деньги у своих сверстников». Представили? Как вокруг вас брезгливо зашептались одноклассники, какую выволочку устроили учителя, как от позора краснели родители перед всеми знакомыми и сослуживцами? И как вы всех и каждого умоляете не верить: это не я, не я...

Ренат и его отец смогли приехать в Москву только через несколько месяцев и неопровержимо доказали, что Ренат к тому письму никакого отношения не имеет. Просто какой-то юный подлец воспользовался его адресом и фамилией.

Пресс-клуб «Школьник» приносит свои извинения Ренату и его близким за невольное причиненный им моральный ущерб. И просит казанских ребят, особенно из круга знакомых Рената, быть осторожнее: среди вас есть мошенник, способный опозорить вас на всю страну.

Рауль МИР-ХАЙДАРОВ

МАСТЬ ПИКОВАЯ

РОМАН

Часть II

Гостевой дом располагался в колхозном саду. Это был вычурный особняк, обнесенный густой сеткой-рабицей высотой почти в два метра, окруженный со всех сторон парком из декоративных деревьев и редких кустарников. За парком, огороженным изящным забором, вдоль которого тянулась проволока для сторожевых волкодавов, простирался большой массив из яблоневых деревьев.

Подъезжая к дому, Сухроб Ахмедович заметил, как суетилась обслуга во дворе, и понял: приказ о встрече гостя поступил недавно.

Просторная, высокая застекленная галерея зимнего сада вела в дом. По правой ее стороне располагался выложенный голубым кафелем крытый бассейн. «Не мешало бы искупаться», — подумал Сенатор, сожалея, что не захватил с собою купальные принадлежности. Каково же было его удивление, когда, войдя в отведенную ему комнату гостиничного типа, он увидел на кровати мягкий банный халат приятного золотистого цвета, плавки в фирменной упаковке, белое махровое одеяло и такое же полотенце. Все было абсолютно новое. Сенатор тут же облачился в халат, оказавшийся ему впору, и отправился в бассейн. Сначала он заглянул в сауну, которая выходила прямо к бассейну: там уже хлопотал бритоголовый человек: он ладил в предбаннике электрический самовар и загружал холодильник чешским пивом. «Вполне цивилизованно живет хан», — снисходительно отметил гость. Правда, он уже был наслышан о здешней роскоши, о комфортабельных охотничьих домиках в горах, необыкновенных конюшнях с мраморными колоннами и резными дверями, где содержались десятки чистопородных скакунов. Но бассейн с подогретой водой и прекрасные купальные принадлежности, оказавшиеся ему впору, превосходили всякие ожидания.

Он долго и с удовольствием плавал, разглядывая купальный зал с высокими стрельчатыми окнами и стенами, выложенными из красного необожженного кирпича, со стеклянным потолком, легко драпированным темно-вишневой плотной тканью, с пальмами в кадках, с редкими карликовыми деревьями, расставленными повсюду, ковро-

Продолжение. Начало в № 10.

вами дорожками и паласами, коврами, тщательно подобранными по цвету.

Человек, возившийся в сауне, на минуту выглянул из дверей.

— Сухроб-ака, сто десять паласов как устроит?

После сауны Сенатор решил немного отдохнуть. Войдя в комнату, он быстро разобрал кровать и нырнул под простыню. Перед столь важной встречей необходимо было выспаться, чтобы чувствовать себя достаточно бодрым. Заснул он мгновенно и спал бы, наверное, долго, но через пару часов его разбудил тот же утренний сотрапезник в скрипучих сапогах.

— Прошу прощения, Сухроб-ака, — осторожно коснувшись плеча Сенатора, ласково проговорил он, — но скоро приедет хозяин. Повара уже давно принялись за ужин. Вставайте.

Прокурор оделся и вышел в сад.

Уже смеркалось. Деревья перед приездом хозяина полили из шлангов, и в саду чувствовалась свежесть, как после дождя. Сказывалось и окружение огромного яблоневого сада. Легкий ветерок доносил запах спелых яблок. От диковинных деревьев и кустарников, частью еще цветущих, от розария и малинника исходил волнующий аромат. Благоухание волнами струилось с гор, поросших ореховыми рощами и дикой алычой. Эти неповторимые запахи, смешавшись здесь, в низине, у дома, и создавали чудесную ауру, в которой дышалось легко и свободно.

На дальних и ближних аллеях зажглись фонари, разноцветные огоньки осветили беседки и густые кусты можжевельника, которые, как утверждают знающие люди, оберегают от многих болезней и сообщают человеку долголетие. Слегка поблескивал под фонарями красный песок, которым были посыпаны ровные дорожки. Все это невольно настраивало на эгегический лад... В эту минуту Сухроба Ахмедовича окликнул все тот же человек:

— Пожалуйста, следуйте за мной, хозяин ждет вас.

Они миновали купальный зал, прошли до конца стеклянную галерею, свернули налево в коридор с паркетными полами, застеленными ярко-красной ковровой дорожкой. Наконец провожатый толкнул одну из дверей и сделал приглашающий жест.

Сухроб Ахмедович вошел в комнату с приглушенным, мягким освещением. Он не сразу разглядел человека, лежавшего в свободной позе на высокой курпаче у стены. Как только Акрамходжаев с приветствием на устах направился к нему, тот, несмотря на свою грузную комплекцию, легко поднялся и тоже пошел навстречу, обнажив в улыбке золотые зубы. Они сошлись как раз посередине комнаты и обменялись крепким рукопожатием.

— Пожалуйста, прошу к дастархану, — радушно произнес хозяин, указывая на ковер.

Сухроб Ахмедович огляделся. Комната оказалась обставленной на

восточный манер, то есть в ней не было ни стола, ни стульев, никакой мебели вообще; кругом богатые ковры, курпачи, подушки. Большие окна, выходящие в розарий, распахнуты настежь. На улице еще стояла жара, но в зале чувствовалась прохлада. Наверняка днем здесь держали на полу в мелких корытах ледяную воду: это был старый восточный способ охлаждать жилые помещения.

— Извините, ради аллаха, что заставил вас ждать, — сказал хан Акмаль, заняв прежнее место у стены, — дела, заботы. Сами понимаете, непростое время, перестройка. Хотим и новой власти доказать, что не зря нам вручили вот эти знамена. — И он глазами показал куда-то за спину гостя.

Акрамходжаев невольно оглянулся: вся стена, завешенная огромным кроваво-красным ковром, была сплошь заставлена свернутыми бархатными знаменами. Зрелище, конечно, впечатляло. «Ничего себе, место для встречи организовал», — отметил про себя Сухроб Ахмедович.

— Не успели доложить о вашем приезде, как раздался звонок из обкома. Пришлось срочно выехать в Наманган. Не обижайтесь, у каждого свое начальство. Не мог же я сказать, что у меня человек из ЦК — начались бы расспросы: кто, откуда, зачем, почему о его приезде мы ничего не знаем?.. — и хан Акмаль внимательно посмотрел на Сенатора, проверяя, как он отреагирует на его слова.

Но Сенатор сделал вид, что не придавал значения этой фразе. Он понял, что хан зондирует почву, пытаясь выяснить, кто стоит за его визитом. Поглядев на влажные волосы директора, отекшее ото сна лицо, Акрамходжаев решил, что Акмаль-ака, скорее всего, находился в этом же доме, отдыхал, а потом плавал в бассейне. Но он сделал простодушное лицо и проговорил:

— Я понимаю, Акмаль-ака. Работа есть работа... У меня ведь частный визит... К тому же я приятно провел время, за что весьма вам благодарен. У вас дивный бассейн и прекрасная сауна, таких и в Ташкенте мало.

— Стараемся. В Аксае всегда рады гостям. Что же вы, Сухробджан, раньше не приезжали? — наклонившись к нему, лукаво спросил хан.

Сенатор слегка усмехнулся, но ответил на этот раз без обиняков:

— Раньше должность не позволяла, Акмаль-ака, а сейчас я подумал, что и мне пришел черед навеститься в Аксай, посмотреть, как вы живете. Я много наслышан о вас...

Его откровенность немного озадачила хана, и он не сразу нашелся, что ответить.

— Гостям мы всегда рады, — повторил Арипов, — и вы убедитесь в этом. Новое время, новые люди. Я читал ваши статьи, они и тут были замечены. Я рад за вас и горд, что у нас правовая мысль не дремлет — не все должно приходить к нам из Москвы. Я всегда стоял

горой за таких людей, как вы. Конечно, в том, что вы у нас до сих пор не бывали, не ваша вина и не моя, а вина тех, кто вовремя не привез способного человека, который здесь всегда мог найти помощь и понимание. Зря считают некоторые что аллай утратил свое значение для Узбекистана. Так могут думать недалекие люди... Искренне рад вашему приезду, Сухроб-ака.

Он похлопал в ладоши, и тут же в комнату вошли две девушки удивительной красоты. Они расторопно убрали чайник и пиалы, стоявшие перед хозяином, накинули поверх клетчатой скатерти белоснежную и принялись заставлять дастархан закусками, вазами с салатами и фруктами. Затем в комнату вошел во всем безукоризненно белом обслуживавший Сенатора утром безмолвный старик и на отдельном подносе подал две высокие бутылки коньяка и две рюмки.

Директор объединения самолично разлил коньяк и, подвинув гостю рюмку, налитую до краев, проникновенно сказал:

— Вы мой гость, и я рад, что вы нашли дорогу к моему дому. Выпьем за знакомство в столь трудное для страны время. Вам ли не знать, сколько врагов у перестройки! Но мы и этот этап одолеем. Партии все по плечу! За знакомство, за партию, работающую в новых условиях гласности и демократии! — И хозяин протянул рюмку через щедро накрытый дастархан.

«Ах ты, старый лицедей», — подумал гость, но, широко осклабясь, с готовностью поддержал тост. Едва он выпил, хозяин пододвинул ему тарелку с лимонами.

— Пожалуйста, попробуйте. Это из нашего лимонария. Он приносит полмиллиона дохода в год. Первое время отправляли учеников в Ташкент. Теперь сами организовали платные курсы и продажу саженцев. Деньги лежат у предприимчивого человека буквально под ногами. Только завистники любят считать их в чужих карманах. Кстати, как поживает Тулкун Назарович? — спросил он вдруг.

— Слава аллаху, жив-здоров. По-прежнему полон энергии и замыслов. Нам, молодым, есть у кого учиться, с кого брать пример, — ответил Сенатор уклончиво.

Хан удовлетворенно кивнул.

— Это хорошо, что вы, Сухроб Ахмедович, о старых кадрах тепло отзываетесь. Теперь ведь молодых хлебом не корми, только дай прошлое осмеять да охаять. А мы ведь тоже не сидели сложа руки, знамена не за красивые глаза присуждают, а за труд... А еще вот что скажу, Сухроб-джан: мир, как на трех китах, стоит на дружбе, на крепкой сцепке мужских рук.

— На круговой поруке, — иронически поправил его сотрапезник, но хан иронии не понял, он одобрительно улыбнулся и предложил тост за друзей и за круговую поруку. Гостю пришло в голову, что хан, похоже, хочет его напоить, поэтому он старался хорошо закусывать. Внесли горячие закуски: тандыр-кебаб и нарын, тончайше нарезан-

ную крутую лапшу, смешанную с мелкими кусочками печени и обложенную кружочками казы и репчатым луком. Затем девушки поставили дымящийся ляган с мантами. С такой закуской захмелеть сложно, подумал осторожный гость.

Обладатель двух Гертруд как бы невзначай спрашивал Сухроба Ахмедовича то об одном, то о другом человеке: он усиленно зондировал почву, пытаясь выяснить, кто из его друзей — нахлебников послал к нему этого гостя. Он-то догадывался, что тучи сгущаются над его головой, потому что с недавних пор как-то разладилась связь Аксая с Ташкентом. Но фамилии людей, которые он называл, выкладывая, как карты из колоды, казалось, не производили впечатления на этого непробиваемого человека, непринужденно развалившегося за его дастарханом. Арипов спохватился, что не выведаль у него еще ничего, а сам уже порядком раскрылся, но остановить себя не мог и потихоньку наливался злобой. Спросить напрямую, кто прислал Акрамходжаева и с какой целью, не позволяла гордость. К тому же роль гостеприимного хозяина обязывала не торопить события.

Сухроб Ахмедович умело поддерживал разговор. Как по крутой спирали, нарастал список имен, интересующих Акмаль-хана, но Сенатор по-прежнему отвечал вежливо и уклончиво, а порой с наигранным простодушием, удивляясь про себя кратким, но метким характеристикам тех лиц, о которых вспоминал хан. Упоминание двух-трех фамилий в определенном контексте буквально поразило Сенатора — уж эти люди казались ему такими неподкупными, строгими, принципиальными, а оказывается, и они давно водили дружбу с Ариповым, и дружба эта их ко многому обязывала.

Акрамходжаев видел, что хозяин дома, упустив инициативу в разговоре, начинает потихоньку раздражаться и много пить. Пора было переходить к цели своего визита, но удобного момента еще не представилось. В сущности то, что директор агрообъединения нервничает и теряет уверенность, было Сухробу Ахмедовичу на руку.

Разливая остатки второй бутылки, хан Акмаль окончательно понял, что форсирует события в ущерб самому себе. Ташкентский гость пить умел, и аппетит у него был на зависть. Он чувствовал, что пьянеет и что его захлестывает раздражение. Следовало сделать перерыв, выйти на воздух, чтобы собраться с мыслями, ведь разговора по существу еще не было. Но первый раунд он начисто проиграл.

Поэтому он сказал веселым, безмятежным тоном:

— Давайте, Сухроб-джан, я покажу вам ночной парк. У меня такие редкие деревья и кустарники, что ташкентский ботанический сад может позавидовать. Кто знает эту мою слабость, дарит мне саженцы экзотических, реликтовых пород деревьев, кустов, цветов. Теперь и вы будете знать путь к моему сердцу... А пока мы погуляем, девочки обновят дастархан, проветрят комнату, а повара опустят в котел рис. Что бы мы ни ели, чем бы ни закусывали, все равно царь узбекского

стола — плов. Поверьте, в Аксае его готовить умеют, хотя вы, господа ташкентцы, думаете, что все самое лучшее только у нас.

— Нет, что вы, я так не считаю, да и как можно подумать такое после вашего тандыр-кебаба и лепешек с джиззой. И девушки у вас красавицы, наверное, таких и в знаменитом хореографическом ансамбле «Бахор» не сыскать, — откровенно льстил Сенатор хозяину. Прямая лесть пришлась хану по душе.

— Молодец, спасибо, что оценил. Сразу видно человека со вкусом. А то иной приедет, ото всего нос воротит: это ему не так, то не нравится. Пойдем, Сухроб, дорогой, подышим у кустов можжевельника. Это, говорят, жизнь продлевает.

Парк был не только тщательно спланирован ландшафтным архитектором, но и умело освещен. Тут наверняка хорошо поработали профессиональные осветители. Сейчас сад был освещен несколько по-иному, чем во время вечерней одинокой прогулки Сенатора. Хозяин загородного дома, конечно, знал, какой ошеломляющий эффект производил его ночной сад на гостей. Мощные прожектора снизу подсвечивали огромные, уходящие в темноту звездного неба неохватные дубы или стройные японские деревья фейхоа. То вдруг неожиданно высвечивались дорожки, то все гасло, и только в чаще деревьев вдруг вспыхивал яркий источник света.

Это было настолько необыкновенное зрелище, что даже Сухроб Ахмедович, кое-где побывавший и кое-что повидавший на своем веку, воскликнул:

— Фантастика!

— Это вам не Ташкент, не вшивая госдача, — самодовольно буркнул хан, довольный впечатлением, произведенным на важного гостя.

Сенатор на минуту представил, какие иллюминации, фейерверки и салюты устраиваются здесь, когда хан организует прием по случаю своего дня рождения. «Отшумели его карнавалы», — подумал он, глядя на Арипова, склонившегося над клумбой ночных фиалок.

— Хотите, я вам покажу мое любимое место в парке? — спросил хан Акмаль.

Запах ночных фиалок чувствовался так остро и был так нежен, что Сухробу Ахмедовичу не хотелось уходить из этого дивного уголка, но он негромко сказал:

— С удовольствием, Акмаль-ака, с удовольствием...

Они свернули по дорожке налево, обойдя по-новогоднему освещенные голубые ели, кактусовую плантацию, кипарисовую аллею, и тут Сенатор почувствовал запах воды и увидел огромный, почти двадцатиметровый аквариум, искусно освещенный изнутри, с боков и сверху. Дно аквариума мерцало розовой, хорошо глазурированной керамической плиткой, а стены, как и в бассейне, оказались выложены голубой. Он был разделен тонкими стенками на три части. Во всех трех делянках цвели лилии и лотосы. Такое волшебство Акрамходжа-

ев видел впервые. Нежные белые, желтые, розовые, лиловые лилии, чем-то напоминающие гибридные хризантемы, — от этого великолепия нельзя было оторвать взгляд. Задевая стебли лилий и лотосов, зашевелились в глубине сонные золотые карпы.

Негромко трещащие компрессоры постоянно подавали кислород в аквариум, и мелкие пузырьки, поднимавшиеся со дна, создавали удивительно живую картину. Тугие листья лилий оттеняли благородный цвет кувшинок. На одном листе, как изумрудная брошь, неподвижно сидела лягушка. Трещали цикады, привлеченная светом, роилась над водоемом мошкара. Зрелище это буквально завораживало. «Гипноз какой-то», — сказал про себя Сенатор и пожалел, что не захватил фотоаппарат, — дивный получился бы кадр.

— Вот эти неземные цветы больше всего волнуют мою душу, — с чувством проговорил хан Акмаль. — Жаль, мало выпадает времени бывать здесь. Это мой самый любимый уголок в парке.

Прокурор, увидев обитую плющом скамейку с высокой спинкой, хотел направиться к ней, чтобы немного посидеть на свежем воздухе, созерцая эту красоту, но хозяин дома взял его под руку.

— Пора, плов не любит ждать. Повар уже дважды сигналил фонариком от летней кухни.

Как только они расположились у обновленного дастархана, снова объявился Сабир-бобо с двумя бутылками коньяка. Прогулка подействовала на обоих отрезвляюще, особенно на директора агрообъединения, к нему как будто вернулось хорошее настроение — так по крайней мере показалось гостю.

— Хорошо, что догадались погулять по ночному саду, посетить мой любимый уголок. Теперь вы мне, Сухроб-джан, стали как-то ближе, понятнее. И давайте выпьем за ваш приезд, за дела, что привели вас сюда. За успех!

Ночь шла на убыль. Вошла одна из девушек и внесла огромный ляган плова, обсыпанный сверху зернами дашнабадских гранат.

После прогулки аппетит вернулся к хозяину дома. Он ел, активно подбадривая гостя, придвигая к нему лакомые кусочки курдючной баранины. Попутно рассказывал, что особо уважаемых гостей он угощает правой частью туши, потому что баран на пастбище всегда ложится на левый бок, и по этой причине правый бок вбирает куда больше солнечных лучей — оттого мясо его оказывается сочным и целебным, а вес гиссарских баранов в этих краях достигает семидесяти килограммов.

Каким же гурманом надо быть, чтобы учитывать такие подробности, с юмором подумал Сенатор, и это в том краю, где люди месяцами не видят даже мороженого мяса. Правда, он отметил, что баранина в плове действительно необычайно вкусная. Надо не забыть рассказать об этом Шубарину, решил Акрамходжаев.

За оживленным разговором они незаметно управились с ляганом

Рисунки Лёныа ХАМЕТРЯНА

плова, и тотчас вошли девушки с кумганами и медными тазиками, надраенными до солнечного блеска, и мужчины вымыли горячей водой руки. Наконец Сенатор решил приступить к цели своего приезда.

— Дорогой Акмаль-ака, хоть я прежде и не числился в ваших друзьях, но все же решился на самостоятельный визит в Аксай, и вот почему. Мне известно, что многие ваши друзья и покровители отвернулись от вас, бросили вас на произвол судьбы. Ими, скорее всего, движет страх за собственное благополучие. Они сообразили, что над вами сгущаются тучи. Уже подготовлены документы, чтобы лишить вас депутатской неприкосновенности.

Он закурил и предложил сигарету хану, лицо которого оставалось непроницаемым. Хан взял сигарету и с минуту молчал, выпуская плавные кольца дыма, а затем спросил:

— Раз уж вы решились на такой шаг, как визит в опальный Аксай, значит, у вас были к тому серьезные причины?

Акрамходжаев потянулся через дастархан и пододвинул к себе поближе тарелку с тонко нарезанными лимонами. Он намеренно тянул время. От того, как хан примет все его предложения, зависел успех задуманного Сенатором предприятия.

— Вы совершенно правы, причины есть. Но прежде мне хотелось бы кое о чем вам рассказать... Вашим делом занят следователь по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР, — проговорил Сенатор, стараясь интонацией смягчить сказанное. — Помогают ему коллеги-следователи из КГБ, которые остерегаются утечки информации. Вы, наверное, знаете, каких людей уже успели арестовать и в Ташкенте, и в области, и можете представить, в каком свете они способны выставить вас и вашего друга Шарафа Рашидовича. Ну, тому, как говорится, ни холодно, ни жарко, он на том свете, и пусть земля ему будет пухом, зато теперь все стрелы полетят в вашу сторону, тем более что Анвар Абидович Тилляходжаев решил добровольным признанием и покаянием вымолить себе жизнь, а он вас щадить не станет, вы ведь с ним долго соперничали...

— Сволочь! — вырвалось вдруг зло у Арипова. — Однажды я ударил его плетью, теперь жалею, что не забил до смерти!

Сухробу Ахмедовичу показалось, что хан исчерпал все свои силы в этой вспышке гнева. Хан тут же затих; враз опали крутые плечи под тонким шелковым халатом и тяжело опустилась бритая голова. Всем своим видом он изображал покорность судьбе. Сенатор подумал, что подоспел момент сказать главное.

— Выход один. Вам нужно уезжать, пока не поздно.

— Куда? — прозвучал локорный голос аксайского Креза.

— Надо подумать, — воздушевился гость, — вам можно отправиться в Южный Казахстан, в Чимкентскую, Джамбулскую или даже Алма-Атинскую области, где вы не будете ощущать ни оторванности

от своих корней, ни языкового барьера. Там вы сумеете незаметно раствориться среди людей. Есть и крайний вариант. Пока идет война в Афганистане, я могу переправить вас через Аму-Дарью. Конвои джихадистами эта дорога хорошо охраняется. Там более двух миллионов узбеков. Оттуда вам не заказана дорога ни в одну мусульманскую страну, где обитают сунниты, — в Турцию, например, или Кувейт, а может, даже в Саудовскую Аравию. Но этот путь, я должен сразу оговориться, обойдется вам недешево.

— Ну, вариант с Афганистаном снимем сразу, я хотел бы умереть на своей земле, там я пропаду с тоски. А насчет Южного Казахстана — подумаю. А что? Пойду дорабатывать до пенсии куда-нибудь завхозом или ночным сторожем, — обладатель двух Гертруд убавкивал бдительность Сенатора.

— Это я предусмотрел, — отозвался гость, — я приготовлю вам новый паспорт и пенсионную книжку. Заранее пригляжим вам приличный дом с хорошей усадьбой, чтобы вы смогли пересидеть где-нибудь в тиши всю эту перестройку и гласность. Если же что-то изменится в жизни страны, как рассчитывают многие уважаемые и авторитетные люди, вы вернетесь из изгнания.

— Неплохая идея, неплохая, — сказал хан Акмаль, расправив плечи и приободрившись, — давайте-ка, Сухроб-джан, выпьем еще, я что-то протрезвел от ваших сообщений.

Выпили. Прокурор долго и тщательно закусывал, давая возможность выговориться хозяину дома.

— А зачем, Сухроб-джан, вам, преуспевающему функционеру, попавшему в струю нового времени, нового мышления, пытаться спасти меня? К чему? Откуда такая забота, когда все от меня отвернулось?.. Бросили на произвол судьбы, как вы выразились? Ведь даже сам Первый, которому я помог подняться на этот пост, не протягивает мне руку помощи, наверное, считая, что я уже обречен... Какие же планы у вас и кого вы представляете?.. Ни один из ныне сильных людей, как я уразумел, для вас не авторитет. Так почему ваш выбор пал на меня, человека из старой, затасканной колоды, представляющего самую черную ее масть — пиковую?

«Ничего себе, — подумал прокурор, — вопросы, что называется, в лоб и требуют таких же прямых ответов. Иначе он мне не поверит».

Сухроб Ахмедович заговорил самым искренним голосом:

— Вы правы, я действительно не ставлю ни в грош тех, о ком мы говорили ранее, хотя они до сих пор на коне. Скажу больше, раз уж пошел такой прямой и откровенный разговор. Если теперь я не поставил бы в один ряд с ними Тулкуна Назаровича, к которому все-таки испытываю симпатию, то в моих дальнейших планах нет места даже для него, иначе бы я с ним согласовал свой визит к вам. Все это отработанный пар, заигранные колоды, фигуры вчерашнего дня. Они работали в иной обстановке, в ином времени, к которому при любых

переменах возврата больше не будет. Большинство из них не знало настоящей борьбы в жизни, им все досталось на блюдечке с голубой каемочкой: кому по родству, кому по землячеству, кому по происхождению, кого-то из них посадили на пост люди, подобные вам, чтобы иметь наверху своего человека, а точнее, марионетку. Сегодня они пребывают в растерянности и озабочены одним: как выжить, как сохранить свои привилегии, ничего не меняя в нашей жизни. А чтобы что-то перестраивать, надо иметь мысли, знания, желание, тогда как эти лица привыкли к руководящим указаниям сверху. Теперь окажется, что послушание — не главная добродетель, что требуется инициатива, собственное мнение, все то, что еще вчера порицалось и подавлялось. Конечно, еще многие по привычке важничают, но все больше становится очевидным, кто есть кто и кому какая цена. Разве в такой ситуации им до вас, Акмаль-ака? Каждый напоследок старается как можно больше урвать из кормушки: квартиру, машину, дачу — для себя и для детей. Вот чем сейчас они заняты. Им не до Арипова и не до судьбы своего отечества. Могут ли я рассчитывать на таких людей?

Гость украдкой глянул на хозяина дома, чтобы понять, какое впечатление произвела на него эта эмоциональная речь, но по отрешенному лицу хана трудно было что-либо угадать, хотя в том, что он слушал внимательно, Сенатор не сомневался.

— Теперь, что касается вас. Почему мой выбор пал на вас, почему я решил протянуть вам руку помощи? За вами реальное знание ситуации в крае, знание души, традиций и чаяний народа. Наверняка не исчерпано до конца ваше политическое и финансовое влияние на события...

Хан Акмаль по-прежнему слушал, прикрыв веки, но руки, нервно перебиравшие четки, выдавали его волнение.

— Убежден, что такой человек, как вы, заслуживает помощи, несмотря ни на какие ваши ошибки, заблуждения, злоупотребления, — продолжал с вдохновением Сухроб Ахмедович. — Вы спрашиваете, кого я представляю, кто стоит за мной и какие цели преследую я сам? Представляю я лишь себя самого, человека, который реально знает обстановку на сегодня, а в будущем имеет возможность оказывать влияние на события в крае. Акмаль-ака, вам нужен преемник. Ваше место все равно рано или поздно кто-нибудь займет, и я решил, что мне это по силам. И вам, наверное, лучше знать своего преемника в лицо. Ваши друзья, имея власть, проворонили ситуацию, и сегодня без сожаления отдаст вас на заклятие, и, если я, единственный, прорвался к вам с предложением помощи, не логично ли благословить именно меня, назначить своим преемником?

После небольшой паузы он продолжал:

— Политика вещь тонкая, и я в ней, честно говоря, пока не слишком большой дока, но я найду себе стоящих советников, кон-

сультантов. Один, я думаю, уже есть. — Сенатор выразительно посмотрел на хозяина дома. — Сейчас возникло много неформальных объединений. Порою в их программах я вижу рациональное зерно... Я отберу из них лучшее, столько же, сколько наиболее амбициозных идеологов, отыщу идеи, которые будут перспективны в сложившихся обстоятельствах.

— Что-то любопытное в ваших суждениях есть, — метнув на него быстрый взгляд, произнес хан. — Эх, если бы я мог хотя бы года два три консультировать вас и поддерживать! Мы с вами преобразили бы наш край. — И он потянулся к пачке сигарет. Увидев, что она опустела, хан сказал: — Я сейчас принесу.

И исчез из комнаты.

Отсутствовал он долго, минут десять. Вернулся с двумя пачками «Кента» и небрежно бросил их на дастархан.

— Скажите, Сухроб-джан, — самым заинтересованным тоном спросил он, — чем же я буду обязан вам за риск, за попытку сохранить мне жизнь? Я привык за все платить и хотел бы знать цену. Идеи идеями, а деньги деньгами. Если вы собираетесь меня заменить, как вы выразились, чтоб играть впредь такую же роль, как и я, в судьбах края, вам следует кое-что иметь в кармане: политика без денег мертва, особенно у нас на Востоке...

— Особенно на Востоке, — с готовностью подхватил Сенатор. — Идея зеленого знамени ислама витает в воздухе, и она притягательна для многих. На такие дела не скуются. В нашем крае, по моим скромным подсчетам, на руках гуляет около двух миллиардов незаконно нажитых денег. Я знаю весьма состоятельных людей, у которых различными методами можно выбить немалые суммы. Например, в обмен на информацию... Есть еще один хороший способ добычи денег: я готовлю на фирменном бланке ЦК КПСС секретный документ, разумеется, фальшивый, в котором будет туманная информация о якобы предстоящей денежной реформе и о суровых правилах обмена купюр исключительно по месту работы — с подробной декларацией и так далее; тут страху нагнать несложно. Этот документ я буду показывать нужным мне лицам, и это подстегнет их к крупному денежному вкладу в мое дело.

— Сухроб, ты — хитрец! Такая идея не могла прийти в голову даже мне. Да, ты действительно политик, настоящий восточный политик... Скажи честно, почему не начал эту операцию с меня? Я бы клюнул...

Подача оказалась столь к месту, что Сенатор оживился:

— Ну, во-первых, не в деньгах счастье. Вы понимаете, я их в конце концов найду. А во-вторых, зачем мне вас обманывать, если я хочу с вами сотрудничать и очень рассчитываю на вашу помощь. И не только финансами... К тому же, как вы понимаете, денежная реформа неизбежна, ведь идет нарастание инфляции.

— Логично. Но все-таки, сколько ты рассчитывал заполучить в Аксае?

Настойчивость, с какой обладатель двух Гертруд допытывался насчет денег, несколько смущала прокурора.

— Я хочу попросить вас об одной услуге, которая куда важнее, чем деньги.

— Что может быть важнее денег? За деньги можно требовать любой услуги,— пристально всматриваясь в него, ответил хан.

— Я имею в виду ваше досье на многих интересующих меня людей. Говорят, картотека эта уникальна, вы ее собирали по крохам, систематически, в течение двадцати лет. Я бы не хотел, чтобы эти бесценные сведения попали в руки КГБ. Бумаги не помогут вам, а лишь усугубят ваше положение, слишком взрывоопасно их содержание. Если бы мы располагали временем, я бы доставил сюда новейший комплект компьютера и специалистов, и они месяца за три-четыре заложили бы все в его память, и не пришлось бы содержать столь внушительные хранилища в ваших знаменитых подземельях со штатом людей, имеющих к ним доступ. Сделали бы несколько копий и хранили бы их в надежных тайниках, а уничтожить все заложенное в компьютер — дело секундное.

— Да, возможности компьютера я вовремя не оценил. Жизнь, быт, информатика — все стремительно меняется... Я уже порой за чем-то не поспеваю. Ведь для того, чтобы уничтожить все мои материалы, нужно по крайней мере недели две и помощь нескольких человек, не гнушающихся тяжелой физической работой.

— Раз уж мы заговорили о вашем любимом детище, позвольте я задам один вопрос?

— Пожалуйста.

— Шараф Рашидович не опасался растущих объемов ваших досье?

— Нет, именно от него я получал много интересующих меня материалов. Однажды от него доставили в Аксай целый опечатанный контейнер бумаг. Шурик мне доверял...

— Шурик? — растерянно переспросил Сенатор.

— Разве вы не знали, что я Шарафа Рашидовича называл Шуриком?.. Значит, дорогой Сухроб-джан, хотите заполучить мое досье, а заодно и мои деньги? — спросил хан Акмаль, поднялся и неторопливо прошелся по комнате.

Вместо ответа Сенатор утвердительно наклонил голову и потянулся к пачке «Кента».

И тут произошло неожиданное. Хан Акмаль вдруг сделал стремительный рывок к дастархану, у которого полулежал гость на мягких подушках, переступил через него, словно через неодушевленный предмет, и с силой ударил его ногой по руке, дотянувшейся до «Кента». Пачка сигарет, словно выпущенная из катапульты, глухо

ударилась в оконное стекло. Сухроб Ахмедович не успел вскочить на ноги, как хан начал пинать его ногами, приговаривая:

— Дураков ищешь, мент поганый? Думаешь, не знаем, с кем ты в Ташкенте якшаешься день и ночь, что ходишь в доверенных людях у нового Прокурора Республики и у его заместителя, которые пересажали половину уважаемых людей республики? Сейчас ты подробно расскажешь, с кем так замечательно придумал отнять без особых хлопот у меня все: и деньги, и тайны людей, правящих Узбекистаном. Кто тебе помог? Москвичи, следователи по особо важным делам или твои друзья в здешней прокуратуре? Или в КГБ такую складную сказку сочинили — ислам, зеленое знамя, деньги во имя будущего свободного Узбекистана?.. Вот сейчас вызову человека, большого мастера по части дознания... Не скажешь — живым не выпустим. И смерть, достойную предателя своего народа, придумаем: сжарим живьем в тандыре, а потом отдадим свиньям, чтобы и следа твоего поганого в Аксае не осталось... А теперь послушай меня, умник. Ты думаешь, закон в руках у прокуратуры, суда, юстиции, МВД, КГБ? Чуть собачья! Хозяин один, имя его — партия! Я, к твоему сведению, член ЦК, депутат в обоих Верховных Советах. Да, я могу ошибаться, даже совершать преступления, но я и люди, подобные мне, неподсудны. Самое большое наказание, которое может меня постичь, — это отправка на пенсию с персональными привилегиями, которые таким, как ты, законникам, и не снились. Да ты сначала поинтересовался бы, дурья башка, кто из Москвы, из больших людей бывал здесь? С кем я общался там, у них, в столице? У кого с Шарафом Рашидовичем гуляли в гостях на дачах? Они ведь тут такое вытворяли! А у меня все зафиксировано, подшито в дело. У меня натура такая — люблю всяческую отчетность. Так что, милый, я с этими людьми в одной обойме, в одной упряжке... Кто же позволит меня посадить?! А ты предлагаешь мне покинуть страну, где я настоящий хозяин. Не выйдет! Пока у руля партии и государства мои друзья, ни тебе, ни твоим коллегам я не по зубам, заруби это себе на носу. А сейчас ты на собственной шкуре испытываешь, испугался я тебя или нет, даже если ты и заведующий отделом ЦК. — И он громко крикнул: — Ибрагим! Ибрагим!

И тут же в комнату влетел утренний сотрапезник Сухроба Ахмедовича, подбежал к лежавшему гостю и пнул его кованым сапогом в бок. Острая боль отозвалась в позвоночнике, и Сенатор закричал.

— Кричи, кричи, тут тебя ни твое КГБ, ни ОБХСС не услышат, — злорадно вымолвил хан и засмеялся.

Ибрагим рванул правую руку Сенатора к себе, чтобы надеть наручники, но тут вышла заминка. Защелкнуть наручники мешали часы «Роллекс». Увидев, что его помощник замешкался, хан Акмаль поспешил ему на помощь и вдруг удивленно, с каким-то испугом воскликнул:

— Откуда у вас, Сухроб-джан, эти часы? — Вопрос прозвучал в таком тоне, что Ибрагим невольно отстранился, почувствовав, что произошло какое-то недоразумение.

Сенатор моментально уловил растерянность хозяина и понял, что это его единственный шанс остаться живым. Поэтому, собрав всю выдержку, он спокойно ответил:

— Японец подарил.

— Из Страны Восходящего Солнца, что ли? — вытирая взмокший лоб, спросил обладатель двух Гертруд.

— Артур Александрович Шубарин, — раздельно произнес Senator.

— Артур Александрович ваш знакомый? — уже совсем ошалело спросил хан Акмаль.

— Да, мы с ним хорошие друзья, и он мне многим обязан, — еще спокойнее произнес гость и, словно ничего не произошло, потянулся за второй пачкой сигарет.

Хан услужливо высек огонек из зажигалки и закурил сам.

— Ничего себе история вышла... Я-то думал, ты засланный казачок.

Сомнения все еще отражались на его одутловатой физиономии. Но вот лицо хана Акмаля просветлело. Повернувшись к Ибрагиму, он сказал:

— Соедини-ка нас по срочной с Артуром. Сейчас глубокая ночь, наверняка он дома. Скажи, что его беспокоит Сухроб Ахмедович Акрамходжаев.

Прежде чем выйти из комнаты, Ибрагим снял с подоконника телефонный аппарат и поставил его перед Сенатором.

«Хоть бы он оказался дома», — как заклинание, твердил про себя Акрамходжаев. Они продолжали молча курить. Разрядить обстановку хану, видимо, не хватало фантазии, а у гостя для светской беседы были слишком напряжены нервы. Так они просидели минут семь — восемь. Эти мгновения для Сухроба Ахмедовича показались часами.

Наконец распахнулась дверь, и на пороге появился второй утренний сотрапезник Сенатора. Вежливо обращаясь к гостю, он произнес:

— Сухроб-ака, пожалуйста, возьмите трубку: на проводе Ташкент.

Как ни старался прокурор себя сдерживать, он так торопливо рванул трубку, что это не осталось незамеченным хозяином.

— Здравствуйте, Сухроб Ахмедович, — раздался в трубке, как всегда, бодрый голос Шубарина, — рад вас слышать. Но, честно говоря, не ожидал, что вы забрались так далеко. Надеюсь, приятно проводите время у моих друзей? — Японец говорил в свойственной ему манере, лаконично, но с подтекстом. Он сразу догадался, что прокурор попал в беду и что разговор прослушивают.

— Да, ночь выдалась фантастическая. Сожалею, что не подбил вас на совместную поездку. Здесь такой удивительно волшебный парк, бассейн, сауна, и хозяин встречает по-хански.

— Не зажарил ли он для потехи кого-нибудь из гостей живьем, это в его духе... — со смехом спросил Артур Александрович.

— Я здесь один, других гостей нет, и программа развлечений мне неизвестна...

— Понял, желаю хорошо погулять. Пожалуйста, передай трубку хану.

Арипов осторожно взял трубку.

— Здравствуй, Артур. Извини, что подняли среди ночи... Пили тут за твоё здоровье,— проговорил Арипов, не сводя глаз с Сенатора.— Ко мне нагрянул неожиданно гость. Мы с ним малость повздорили, ты уж извини, я не знал, что он твой друг.

— Да, он мой друг, дорогой Акмаль. Ты уж с ним обойдись повнимательнее. Да смотри, чтобы он в понедельник вовремя был на работе,— настойчиво добавил Шубарин.

— Не беспокойся, доставлю в лучшем виде. Жаль, Артур, что мы в последнее время мало видимся и я не знаю всех твоих друзей,— пробормотал хозяин дома.

Разговор был окончен. Хан с расстроенной физиономией положил трубку.

— Да, промашка вышла,— вполне искренне признался Арипов,— вы уж извините, Сухроб-джан. Я, наверное, действительно уже стар — не могу отличить друзей от врагов. Раньше я такие непростительные ошибки не совершал, людей читал, словно книгу. Исмат! — крикнул он, и тот сейчас же вошел в комнату.— Пусть зайдет Ибрагим и извинится перед дорогим гостем. Он, кажется, невежливо с ним обошелся.

Человек, которого звали Исматом, ответил:

— Акмаль-ака, он и так, узнав, что Сухроб-джан близкий друг Артура, места себе от стыда не находит. Чтобы не попадаться на глаза гостю, ушел домой, и я не стал его задерживать — у него все из рук валится...

— Ну ладно, пусть придет утром извиняться,— буркнул хозяин дома.— Распорядись, чтобы включили сауну, а повара пусть быстренько пожарят штук двадцать перепелок в кипящем курдючном жире, можно и шашлыки из печени. Стол накройте в другом месте, лучше на воздухе, чтобы ничего не напоминало гостю о неприятных минутах. А мы с Сухроб-джаном пойдем в бассейн, поплаваем. Вода освежает, бодрит... Все понял?

— Да, хозяин,— по-военному четко ответил Исмат и быстро вышел.

— Вставайте, Сухроб-ака, покинем это неудачное место. Зайдите к себе в комнату, возьмите халат. Оставшуюся часть ночи проведем приятнее. Жду вас в купальном зале.

Когда минут через десять Сенатор появился в купальном зале, хан Акмаль уже был там. Он расхаживал взад-вперед в просторном, ярко-

красном балахоне с капюшоном, висевшим у него за спиной, как казачий башлык. Увидев гостя, он скинул махровый халат прямо на ковровую дорожку и плюхнулся в бассейн. Не стал дожидаться особого приглашения и Сенатор. Он также небрежно скинул золотистый махровый халат на ковровую дорожку, посмотрел на кровососа, оставшийся от кованого сапога Ибрагима на левом боку, и нырнул в воду.

Хан Акмаль саженками подплыл к гостю и сказал:

— Сухроб-джан, как хорошо, что у вас на руке оказались эти часы! Они спасли вам жизнь. Честно говоря, на меня от обиды затмение нашло. Я, конечно, знаю, что меня бросили, предали. Доказательством тому, что моя связь с Ташкентом прервана, явился ваш визит. Я даже не подозревал, что вы друг Артура. Он молодец, людей с такой хваткой мало, вот кому бы я отдал портфель министра экономики... Шубарин лучше других знает, как народ накормить, обути, он буквально фонтанирует идеями. Тут, в Аксае, я претворил в жизнь многие его проекты. А его преданность этому мерзавцу Тилляходжаеву удивила всех. Я знаю, что он поселил в семье Анвара этого поразительного стрелка, который и ночью не промахнется...

— Да, Арифа... — подхватил Сухроб Ахмедович. — Его пятизарядный «Франчи» имеет прибор ночного видения. Парень стреляет на звук. Я видел, как он тренируется, — фантастика!

— Да, у Артура всегда все первоклассное: и бухгалтер, и плановики, и мастера, и даже убийцы, а какие у него телохранители! Я хотел переманить от него Коста — не удалось, — сказал с сожалением хан. — А какие подарки он делает? Радуетесь им, как ребенок! Его подарок и спас вам жизнь. Мне он тоже подарил «Роллекс» лет пять назад и, как сейчас помню, при этом сказал: «Акмаль-ака, вот часы известной швейцарской фирмы, которые сделаны для меня по индивидуальному заказу: таких часов, с платиновыми стрелками и платиновым циферблатом, немного, тот, у кого вы увидите их на руке, наш человек, так и знайте».

В дверях сауны появился уже знакомый бритоголовый банщик и сказал:

— Сухроб-ака, уже сто десять градусов, можно и в сауну...

— Сауна это хорошо, живо хмель выгонит, — рассмеялся хозяин.

В парной хан Акмаль снова вернулся к мучившей его мысли.

— Да, быстро стали меня забывать, быстро списали. Прошло только три года, как не стало Шурика, и все пошло кувырком. Повсюду какие-то новые люди без роду, без племени. Если бы вы знали, как трудно ощущать, что уже не владеешь ситуацией, чего-то недопонимаешь. Не будь я так упрям, уже два года назад мог бы перевести свои архивы в память компьютера. Иная информация и в самом деле дорого стоит. Иногда за убийство рассчитывался не деньгами, а канцелярской папкой с двумя-тремя бумажками. За день

ги могли бы и отказаться, а за сведения — никогда. Вот что такое, дорогой Сухроб-джан, мой архив, которым вы хотите завладеть. Ему цены нет...

...Спустя полчаса они опять сидели за столом. Но разговор уже не клеился, уходил куда-то в сторону. Сухробу Ахмедовичу хотелось, чтобы хозяин дома сам вернулся к основной теме, но тот ни о деньгах, ни об архиве больше не заговорил... Хан рассуждал о лошадях, о женщинах, вспоминал Шурика. Но когда Сенатор уже собрался спросить, как же все-таки насчет дела, ради которого он приехал, хан неожиданно сказал:

— Я вижу, вы устали. Сейчас утро, отдохайте. А к трем часам пополудни мы продолжим беседу.

Как только Сенатор проснулся, в комнату, точно увидев это сквозь стену, бесшумно вошел Исмат и почтительно сообщил:

— Обед уже почти готов, но Акмаль-хан просил вам сказать, что он состоится в охотничьем домике. Я отвезу вас туда, Сухроб-ака...

...«Волга», выехав из яблоневого сада, свернула на дорогу, ведущую в горы.

Пологие склоны гор из-за обилия водопадов и мелких речушек зеленели густой сочной травой. Ореховые сады и дикие яблони, росшие вперемешку с арчой и кустарником, спускались к буйно цветущим альпийским лугам, куда ходить было разрешено только доверенным пасечникам, егерям, охотоведам. Хан Акмаль объявил горы заповедной территорией, везде расставил предупредительные щиты, обещающие крупный штраф и суровое наказание за нарушение владений. Почувствовав тишину, покой и безлюдье, сюда отовсюду потянулся зверь, налетела птица, и горы стали богатым охотничьим угодьем хана. На зайца и лисицу, оленя и кабана, на джейрана и коосулю, волка и даже медведя можно было охотиться в этих ханских владениях.

В горных речках плескалась форель, а в озерах появились бобры и ондатры. Десять лет прошло, как охотоведы завезли из Сибири соболя, куницу, колонка и белку; они хорошо тут прижились.

Дорога к охотничьему дому часто петляла. Эту хорошо мощеную трассу знали только некоторые посвященные люди.

Подъехав ближе к красно-кирпичному зданию с битумно-черной расшивкой швов, Акрамходжаев догадался, что и гостевой, и охотничий дом — творения одного архитектора, который, скорее всего с поправкой на местность, скопировал их из какого-нибудь модного журнала или из каталога известной строительной фирмы. Всевозможные каталоги эти, выпускаемые западными фирмами, все чаще стали появляться в Узбекистане. По ним здешние подпольные миллионеры обычно обслуживались предприимчивыми людьми. Если бы не восточная открытая веранда, примыкавшая к особняку, и высокие рез-

ные двери, охотничий дом хана Акмалья вполне можно было принять за коттедж в швейцарских Альпах или на Пиренеях.

Въехали за высокую ограду, выложенную из камня, поросшую мелкими вьющимися растениями. В дальнем углу двора, где размещалась дощатая летняя кухня, крытая ослепительно сиявшей из-под солнца белой жостью, полыхали огни очага. Взад-вперед сновали повара. Мелькнула и поджарая фигура Сабира-бобо во всем белом.

Как только они вышли из машины и «Волга» стала осторожно съезжать в подземный гараж, на пороге появился сам хан. Он сделал приветственный жест. Сухроб Ахмедович и хозяин прошли просторную прихожую, обшитую темным деревом, коридор, поднялись по лестнице с перилами из литой бронзы на второй этаж, и хан Акмаль распахнул высокую дверь, ведущую в зал с камином. Зал был просторным, он свободно вмещал два столовых гарнитура ручной работы. Тяжелая, неуклюжая мебель, отчего-то полюбившаяся местным нуворишам и партийной элите, здесь, в огромном зале, смотрелась очень неплохо. Дальняя стена комнаты была закрыта огромным гобеленом светло-золотистых тонов под цвет обивки мебели. На гобелене был изображен царский выезд на охоту с псами и псарями, свитой и вельможами, дамами и кавалерами. На всю ширину двухметрового камина висели прекрасно обработанные, изумительные по красоте рога сохатого. Сухроб Ахмедович знал, что такие рога обычно регистрируются международным охотничьим союзом.

Хан уловил восхищение гостя и с гордостью сказал:

— Настоящие чемпионские рога! У меня на них есть документ — сертификат, подтверждающий мировой стандарт. Такие экземпляры, говорят, на аукционах тысячи долларов стоят... Мне эти рога один большой человек подарил, сказал, что они в этом доме к месту. Теперь давайте выпьем, пообедаем и заодно поговорим о делах. Когда еще увидимся, теперь я в Ташкент не ходок... — и хан Акмаль принялся разливать коньяк.

Выпили, закусили, но застолье сегодня тянулось вяло. Почувствовав некоторую скованность гостя, хан Акмаль сказал:

— Вас, конечно, интересует, почему я перенес нашу встречу в горы... Тут объяснение простое. Все, что вы просите, находится здесь, в чем вы сейчас убедитесь... — и он вышел из-за стола и на несколько минут покинул комнату.

Вернулся хан вместе с Сабиром-бобо. Он нес небольшой потертый кожаный чемодан, а старик в белом — щеголеватый атташе-кейс и какую-то большую коробку, тщательно запакованную и прихваченную со всех сторон широкими полосами самоклеющейся ленты, судя по всему, не очень тяжелой. Поставив коробку и кейс у стола, Сабир-бобо молча покинул каминный зал. Аксайский Крез бросил туго набитый чемодан прямо на стол и начал открывать замки.

— Вот деньги на благие дела, что вы задумали, и пусть над нашим

краем скорее взвывается зеленое знамя ислама, — сказал хан и распахнул крышку.

Чемодан доверху был уложен банковскими упаковками сторублевков.

— Я должен написать вам расписку? — стараясь не выказать волнения, спросил Сенатор.

— Пусть мое доверие станет основой наших отношений. А в дипломате фотокопии досье, которые, на мой взгляд, пригодятся вам в первую очередь. Сверху лежат документы на сегодняшнего Первого, я отдаю вам его на растерзание... Мне хотелось бы загладить свою вину перед вами, и поэтому прошу вас принять эту коробку. В ней особый подарок, вам он будет как нельзя более кстати. Это довольно компактный, несложный в обращении японский приборчик, с помощью которого можно прослушивать разговоры на расстоянии пятидесяти метров сквозь любые стены. Можно также подсоединиться ко всякому телефону. Наверное, таких приборов и в КГБ пока нет. Привезли прибор в страну по дипломатическим каналам, так что за ним хвоста нет. Из своего кабинета на третьем этаже вы сможете свободно прослушивать разговоры Первого, любые секретные совещания у него, на которые не будете иметь доступ. Все тайное в Белом доме отныне для вас станет явным. Техника — грозное оружие, жаль, раньше не было таких приборов.

Сенатор почувствовал, что хану пришлось по душе то равнодушие, с которым он отнесся к чемодану с деньгами, и понял, что не стоит слишком уж рассыпаться в благодарностях.

Помолчав, хан продолжал:

— Мы, наверное, не скоро увидимся, а телефонам я не очень доверяю — большинство из них прослушивается, поэтому, пожалуйста, спрашивайте, что вас интересует. Мы сегодня должны оговорить многое. В свою очередь я тоже кое о чем вас спрошу.

— Спасибо за подслушивающую аппаратуру, — сдержанно произнес Сухроб Ахмедович. — Но я хотел бы заполучить и вашего человека, читающего по губам, о котором мне с восторгом говорил Шубарин. Что это за человек? Я бы немедленно купил ему дом в Ташкенте и перевез его туда с семьей, мне понадобится его помощь... Человек всегда мобильнее любой техники.

— Наверное, его больше устроит обычная городская квартира. Зовут его Айдан, он — турок-месхетинец, холостяк двадцати восьми лет; пять из них провел в тюрьме, там он и обучился своему редкому ремеслу. Работает он фантастически, я проверял его несколько раз... Сажу, разговариваю с кем-нибудь, передо мной магнитофон, а Айдан примостился где-то на дереве, метров за тридцать, с биноклем в руках и магнитофоном для контроля. Затем сличаем обе записи. Точность поразительная! И узбекский, и русский он знает в совершенстве.

— Спасибо, Акмаль-ака, считайте, что я его забрал. Как только подготовлю ему жилье, за ним придет человек... Еще одна штука. Я хотел бы в некоторых случаях пользоваться и вашим табачным, укорачивающим человеческую жизнь. Шубарин как-то упоминал про сигарете, выкурив которую, человек может распрощаться с жизнью на следующий день. И, главное, невозможно определить отравление при экспертизе.

— Нет, в сигареты, ничего не добавляют. Просто ее сутки выдерживают в особой табакерке, и она впитывает ядовитый аромат, не убивающий вкуса и запаха табака. Такая табакерка у меня есть, разживемся и для вас. Способов отправить человека на тот свет нынче много. Есть снадобье, вызывающее через какое-то время инфаркт и даже опасные раковые заболевания. В каждом конкретном случае лучше советоваться со знахарем. Я, конечно, дам вам его координаты... Я рад, что вы собираетесь работать всерьез, — любезно сказал хан.

Пользуясь минутами откровения непредсказуемого хана, Сухроб Ахмедович торопился прояснить ситуацию.

— Хотя вы отказались от расписки, я все-таки вернусь еще раз к деньгам... В чемодане, мне кажется, миллионов шесть?

— Всего пять, — скромно уточнил Арипов. — Можете считать мой вклад единовременным пособием. Я отдаю себе отчет, что задуманное вами стоит больших затрат, что огромные средства необходимы, например, для создания молодежного студенческого движения. Этих денег должно хватить примерно на год. Если за это время ваша работа покажется эффективной, за финансирование не волнуйтесь. Денег я скопил достаточно и хотел использовать их примерно на те же цели, что и вы, — закончил хан.

— А как вы узнаете, эффективна ли моя работа? Политика не бег на короткие дистанции. А если вам придется уехать или, извините, не дай бог, вас арестуют?

— Вот об этом у вас не должна болеть голова. Я узнаю обо всем обязательно. Если даже я умру, обо всем будут в курсе мои доверенные лица. Если вдруг понадобится срочная помощь, найдете Сабирабобо. — Видя удивление на лице гостя, он повторил: — Да-да, Сабирабобо. Это мой духовный наставник. Человек железной воли, лишенный тщеславия, он выполняет роль слуги, чтобы не привлекать внимания. Он мало говорит, но зато умеет думать. Он знает всех моих друзей и единомышленников, моих последователей, короче, всех тех, кого я объединил за эти годы, а их много, и они повсюду. Теперь, что касается меня лично... Весьма благодарен вам за предложенный вариант «эмиграции», но скажу честно: такой выход для себя я тоже предусмотрел, и давно. У меня есть не только надежное убежище, поддельный паспорт, но даже жена, которая ждет меня. Время от времени к ней наведывается мой двойник с подарками, так что мое

появление там вряд ли для кого-то окажется неожиданным и привлечет внимание. Вчера, когда вы ушли отдыхать, я все время думал о вашем предложении — стоит ли мне бежать?.. То, что надо мной сгущаются тучи, я давно чувствовал, сведения об опасности поступаю ко мне. Наверное, действительно играю с огнем. И все-таки сегодня я твердо решил не бежать. Скажете — безумие? Возможно. Но весь опыт моей жизни говорит, что люди моего ранга — неподсудны! Таких, как я, не сажают — это бросит тень на партию. Пока Шурик лежит, захороненный в центре города, напротив выстроенного им самим музея Ленина, как вернейший его ученик и последователь, пока его именем названы города, площади, улицы, никто не посмеет меня пальцем тронуть. Чтобы вчерашнего верного ленинца, орденоносца так быстро выкинули из истории партии — такого прецедента еще не было. Допускаю, что лет через двадцать — тридцать дойдет очередь и до него, и тогда, может быть, неблагодарные потомки и предпримут какую-нибудь пакость с перезахоронением, с переименованием, как нынче у нас повелось, но сегодня, когда на всех ключевых постах сидят его друзья, его ученики, его вассалы, на такое никто не пойдет... А тронь меня, придется выкапывать и Шурика, я один отвечать не намерен. Да что Шурик, которому ныне все равно, на скамью подсудимых со мной пойдут многие охотники, любившие уют этого дома. Они не должны дать меня в обиду, иначе им всем не поздоровится. Мы все из одного котла ели. К тому же сегодня, заручившись вашей дружбой, я тем более не склонен исчезать. В случае моего ареста вы с Артуром организуете побег из тюрьмы — вот тогда я подамся к бедной женушке, дожидаящейся меня целых пять лет, почти как Пенелопа. — Лицо хана перекошилось от иронической усмешки. Он наклонился и потрепал Сенатора по плечу.

— Вы только начинаете свои первые шаги в политике, а время торопит, поджимает вас, поэтому мне хотелось бы дать вам несколько конкретных советов, — продолжал он. — Очевидно, вы уже окончательно списали со счетов Шарафа Рашидовича... Напрасно, он был олицетворением определенного порядка, восточной интерпретации марксизма-ленинизма. Он, как никто другой, учитывал национальную специфику в государственном устройстве. Вы ведь до конца не знали все его цели и устремления, а он смотрел далеко. Конечно, сегодня ни одна газета или журнал, кроме пасквиля, ничего другого о нем не напечатает. Но вы пошевелите мозгами, задумайтесь, почему его имя все еще любимо и чтимо народом?

— Потому что обросло мифами, легендами. Народ не понимает, где правда, где ложь.

— Верно, — обрадовался хан Акмаль. — И вот вам миф номер один... Ни в коем случае не надо отрицать его ошибок, они очевидны. Приписывал? Да, приписывал. Знал, что каждую осень в республику поступает около миллиарда незаработанных денег за счет повально-

го искажения государственной отчетности? Знал. Почему воровал или всячески способствовал казнокрадству из всесоюзного котла? Потому что считал: за хлопок республике платят ничтожно мало. И воровал во благо отечества и дедкан, задавленных хлопком. Что успел сделать с этими награбленными миллионами для Отечества и для нации? И тут есть прекрасный ответ. Многое думал сделать — понастроить школ, больниц... Но не успел — все Москва отобрала. Так-то.

Хан Акмаль придирчиво осмотрел стол, словно ему чего-то не доставало, и вдруг спросил:

— Вы в ближайшие дни увидите Артура... Я хотел бы передать ему подарок.

Он позвонил в хрустальный колокольчик, и Сабир-бобо внес пакет, из которого Арипов вынул довольно старомодного вида жилет.

— Это, можно сказать, волшебный жилет. Он из кевлара. Артур — человек рискованный, часто искушает судьбу... На Востоке пуленепробиваемому жилету цены нет; вам ли не знать, что чаще всего у нас стреляют в спину или бьют ножом под лопатку.

— Да, вы действительно щедры, как Крез,— задумчиво сказал Сухроб Ахмедович.

— Ладно уж! — вдруг решительно воскликнул Арипов и приподнялся.— Подождите минуту, сейчас я вернусь.

Когда он снова появился за дастарханом, вид у него был загадочный. Он что-то держал в руке за спиной. Усмехнувшись Сенатору с выражением некоей печальной неизбежности, он протянул ему картонную папку, на которой было написано «С. А. Акрамходжаев».

— Это досье на вас, Сухроб Ахмедович,— пояснил Арипов.— Не взыщите, если кое-какие подробности от меня ускользнули... Ну, теперь между нами нет тайн. Никак не решался расстаться с этими материалами, но ваша сдержанность, достоинство, с которыми вы провели сегодняшнюю беседу, убедили меня в том, что мне придется расстаться с досье.

— Благодарю,— хладнокровно отозвался Сенатор.

Он решил до конца проявить выдержку.

Пора, наверное, было покинуть этот гостеприимный дом... Он обвел глазами стены залы, взгляд его снова задержался на рогах, висящих над камином, и он подумал, что, если когда-нибудь ему удастся претворить в жизнь все свои планы, он попытается оставить за собой этот домик, чтобы время от времени приезжать сюда на охоту.

Словно уловив ход его мыслей, хан Акмаль спросил:

— Что, не хочется уезжать отсюда?..

— Не хочется,— помедлив, признался Сенатор.— Здесь так вольно дышится! Так красиво и просторно!

Арипов подмигнул ему.

— Небось прикидываете, как бы наложить на особняк лапу,— вкрадчиво сказал он и, не ожидая возражений, махнул рукой. — Ну, не буду, не буду... К тому же вам пора. Исмаат отвезет вас, а я, пожалуй, немного провожу своего, так сказать, наследника...

И он снова подмигнул, цепко вглядываясь в Сенатора.

...Хан Акмаль занял место рядом с шофером, а прокурор расположился на заднем сиденье. Он скосил глаза на папку, привязанную к чемодану с деньгами; любопытство мучило его, но надо было ждать того момента, когда они распрощаются с ханом. Как только Сабир-бобо захлопнул дверцы машины и «Волга» мощно рванула с места, хан вполголоса продолжил свои наставления.

— Не отказывайтесь от любой командировки в Наманган. Я всегда найду возможность тайно переправить вас в Аксай. Живая беседа, личный контакт не повредят нашему общему делу... Мы еще таких слухов напустим по республике, что, попомните мое слово, скоро взбаламутим весь народ. На одной хлопковой теме можно выкатить десяток жутких проблем: от экологической до жилищной и продовольственной. Подумать только: народ, живущий на земле, которая может давать по три урожая в год, оказывается, не в силах прокормить себя! А между тем центр обещал, что, если мы обеспечим страну хлопком, нас буквально завалят овощами, фруктами, мясом и молоком. И мы свои обязательства выполнили, дали не только стране, но и всем друзьям по СЭВу хлопок, а взамен имеем голодное существование и безработицу в этом благодатнейшем крае... И теперь еще находятся умники, которые уверяют, что мы сидим на шее у других республик, едим чужое мясо и чужой картофель. Ловко используя все беды и просчеты, можно повести народ за собой, куда хочешь. К тому же государственная машина неповоротлива, и это тоже надо учитывать, дорогой мой Сухроб-джан...

— Акмаль-ака, вы, конечно, говорите очевидные и бесспорные истины, но мы с вами сейчас не в президиуме партийного собрания. Так объясните мне, почему же вы, обласканный государством человек, облеченный доверием народной власти депутат, орденоносец, Герой Социалистического Труда, молчали все эти годы? Вы имели возможность в доверительной беседе со своими влиятельными московскими друзьями, приехавшими на королевскую охоту, рассказать о болях и страданиях узбекского народа; вас, наверное, выслушали бы. Разве не ваш друг Шурик довел площади монокультуры до таких размеров, что и для кладбищ места не осталось? Он что, не понимал, чем грозит тотальный хлопок для республики с самым плотным народонаселением в стране, где в средней семье не меньше пяти детей?.. Не знал, что за хлопок мы платим здоровьем нации, что дети чуть ли не с колыбели работают в поле!..

Арипов вдруг расхохотался взахлеб, откинув голову на высокий подголовник сиденья.

— Ах, как эмоционально задавали вы свои вопросы, Сухроб-джан! Жаль не было магнитофона, вам бы не мешало послушать себя со стороны. Вы пылали таким праведным гневом! И, право, роль обвинителя вам к лицу. Вы что, гневом считаете, что политика служит народу, учитывает его заботы, чаяния? Отчасти, дорогой, лишь отчасти. Массы нам нужны для реализации определенной политики, и об этом, несомненно, понимаете. И, как вы справедливо заметили, мы не на собрании, — улыбка сошла с его лица, оно сделалось жестким и брезгливым. — Больше, чем горькая жизнь народа, нас интересует, как сохранить свою власть над ним. А народ потерпит. Мы еще приведем его к светлому будущему.

— К нашему светлому будущему, — пробормотал Сенатор.

Машина притормозила. Прежде чем выйти, Арипов оглянулся: позади них остановилась вторая «Волга». Сухроб Ахмедович тоже вышел из салона, чтобы попрощаться с необыкновенным хозяином.

По традиции они обнялись на прощание, и в последнюю минуту Сенатор понял, что до Акмаль-хана наконец-то дошло, какая петля стягивается у него на шее. Он выглядел бесконечно усталым, потерянным.

— Вы денег не жалеете, деньги есть. Подкупить можно любого. Запомните — любого! Если не берут десять тысяч, выкладывайте пятьдесят, сомневаются при пятидесяти — давайте сто! Удачи вам! — на прощание сказал хан.

...Одна черная «Волга» поехала дальше, к Намангану, другая, с таким же номером, развернувшись, помчалась назад. Сенатор перевел дух. Страна Зазеркалья с ее чудесами и тайнами осталась позади.

Исमत за рулем помалкивал. Сенатор откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, всем видом показывая усталость, а мысль его кружила вокруг досье, до которого было рукой подать, но нетерпения проявлять не следовало. Человек, живущий достойной жизнью и не знающий за собой грехов, не должен проявлять интереса ни к каким бумагам о себе.

Машина подъехала к шлагбауму и остановилась. Исमत, обернувшись, сказал:

— Я на секунду — отмечусь в журнале, у нас порядок такой. — И выскочил из машины.

И тогда Сенатор невольно потянулся к досье...

Исमत вскоре вернулся и повел машину по хорошо асфальтированной дороге, ведущей в Наманган, а Сенатор, не обращая на него внимания, в открытую листал досье.

Как и следовало ожидать, весьма точными оказались биографические данные. Первые несколько страниц писал кто-то хорошо знав-

ший его в студенческие годы. Четко был обозначен круг друзей Акрамходжаева, знакомых, родственников... Аккуратно прослежена и их совместная служба с Миршабом. Указано, что Хашимов — это единственный человек, который досконально знает все о прокуроре Акрамходжаеве.

Дальнейшие сведения, на взгляд Сенатора, были позаимствованы из его личного дела в пору его работы в Верховном Суде республики. Надо было предупредить Салима об утечке информации, следовало также вычислить человека, работающего на Аксай.

Но машинописные страницы под грифом «Требует особого внимания» бросили прокурора в жар! Да, если завтра придут к власти панисламисты, или религиозные фанатики-вахабисты, или любое другое мусульманское образование под зеленым знаменем, его повесят, конечно, на первом фонарном столбе!

Акрамходжаев внимательно вчитывался в убогий текст трех машинописных страниц и понимал, что определенные круги уже готовы были приговорить его к смерти. Выходит, не зря он приехал в Аксай, выяснил отношения с его хозяином, доказал хану Акмалю, что он до мозга костей свой и все, что он делает, продиктовано высшими интересами движения под зеленым знаменем.

Чего тут только о нем не говорилось! Что он имеет звание полковника КГБ, что он вкупе с «русскими десантниками» пересажал весь цвет нации, что он люто мстит всем, кто раньше, при Рашидове, не допускал его к власти. Человек, составлявший документ, отметил, что защита докторской диссертации Акрамходжаевым и ряд интересных статей в печати вызвали у всех, знавших его лично, шок, что есть сомнения в его авторстве. Там же отмечалось, что люди, которые обычно куют докторские диссертации для высшего эшелона партийной элиты, не могли подсказать, кто именно помог прокурору столь квалифицированно осветить правовые проблемы в республике.

Последняя запись гласила о том, что он спас от неминуемой тюрьмы капитана ОБХСС Кудратова, и что акт гуманности прокурора Акрамходжаева обошелся семейству последнего в копейчку. И на этом, слава аллаху, разоблачения заканчивались. О Коста, о похищении бумаг из здания прокуратуры хану известно не было.

Прокурор небрежно бросил папку рядом с собой, всем видом показывая, что сведениям о себе он не придает никакого значения. Он усмехнулся. Сколько можно было еще собрать о нем данных! А карты? Фантастические проигрыши и выигрыши! А женщины! Нет ни слова о тех делах, которые он провернул с Шубариным. Да, можно считать, они совсем ничего не знали о нем! И все потому, что он всю жизнь старался стоять в тени. Отлегло, у него отлегло от сердца!

Сухроб Ахмедович так хорошо себя почувствовал, что стал напевать какую-то мелодию, чего с ним не случалось давно, со студенческих лет. Такая перемена настроения не могла не броситься в глаза

Исмату — он осторожно наблюдал за гостем в верхнее зеркальце. Сенатор, мурлыкая под нос песенку, одну за другой небрежно разорвал машинописные страницы, открыл боковое окошко и пустил обрывки по ветру...

После ночного звонка из Аксая Артуру Александровичу уснуть больше не удалось. Жена, привыкшая к подобным ночным разговорам, все же тревожно спросила:

— Что-нибудь случилось?

Он подошел к ее кровати, поправил одеяло, склонившись, поцеловал ее в щеку и сказал:

— Спи, милая. Обычный звонок. Сухроб передал тебе привет, он сейчас гуляет во владениях хана Акмая.

Он прилег рядом, промаялся с полчаса, пытаясь задремать, но понял, что сон от него ушел окончательно. Тогда Артур Александрович потихоньку поднялся, стараясь не беспокоить жену, надел велюровый халат темно-бордового цвета с ярким золотошвейным гербом какого-то британского спортклуба на груди и спустился из спальни на первый этаж к небольшому домашнему бассейну.

Дом этот он построил лет пятнадцать тому назад, еще при Шарафе Рашидовиче. Это с его помощью заполучил он в старой, давно сложившейся узбекской махалле большой участок после того, как пошел под слом скромный летний кинотеатр, построенный там сразу после войны. Конечно, Шубарин мог найти место для строительства без особых хлопот в другом районе, но он, как и его родители в Бухаре, хотел жить именно в узбекской махалле. Он знал преимущества чисто узбекского района. В махалле, где сосед значит больше, чем родня, чрезвычайно высоко ценятся нравственные нормы поведения человека. Живя в махалле, ты становишься членом коллектива, связанного вековыми традициями, и он тебя никогда не даст в обиду, тем более, если ты достойно ведешь себя. Нравы махалли были ему по душе.

Тогда, пятнадцать лет назад, Шубарин понимал, что одного разрешения властей на строительство дома в махалле, которой больше сотни лет, недостаточно. Поэтому он и пригласил сюда трех самых уважаемых бухарских стариков, которые знали его деда, отца, мать, сестру и племянников, знали всю семью Шубариных. Эти старики и объявились в чайхане махалли, которая по сути является своего рода штаб-квартирой местных жителей, где в основном и решаются все проблемы общественной жизни. Посланники из Бухары стали ежедневными гостями чайханы. На третий вечер пригласили на совет махалли и Артура Александровича. Собрались за пловом, который приготовили бухарцы на свой лад. Тут Шубарин удивил ташкентских стариков не только щедрым подарком чайхане — огромным афганским ковром ручной работы из Герата, а прежде всего блестящим

знанием узбекского языка. Именно это расположило стариков больше, чем подарок и крупный взнос, сделанный Артуром Александровичем в кассу махалли на общественные нужды, и они поняли, что у них поселился еще один серьезный и самостоятельный человек.

На другой день после того, как расчистили площадку от развалин кинотеатра, Артур Александрович появился с двумя молодыми архитекторами, у которых уже имелся проект дома с садом, который следовало органично вписать в местность.

На пустыре, еще не обнесенном традиционным дувалом, принялись за работу трое садовников, которых рекомендовал Артуру Александровичу махаллинский комитет. Эти садовники и по сей день трудились у него во дворе... Сад стал главной достопримечательностью дома, гордостью Шубарина. Особняк, со всех сторон окруженный садом, не бросался в глаза. Основные его преимущества заключались не во внешнем облике, а в удобном расположении комнат. Шубарин, как и все в махалле, жил, что называется, «окнами во двор», то есть не для показухи, а для себя. Только существуя в гармонии с окружающими тебя людьми, можно познать настоящее уважение и обезопасить себя и свое гнездо. Поздней осенью он въехал в свой дом и сразу удивил соседей тем, что тут же выкрасил роскошную крышу из блестящего листового железа в мягкий зеленый цвет, и особняк среди вновь разбитого сада будто бы растворился среди построек махалли.

Скинув халат, он нырнул в прохладную воду. Артур Александрович специально не стал добавлять горячую воду в бассейн, потому что решил принять контрастный душ: такую резкую смену температур он практиковал уже несколько лет, и это шло ему на пользу — он почти никогда не болел. Он сознавал, что болезнь для него — непозволительная роскошь, на которую он не имеет времени, дни его были расписаны на много недель вперед. Он принадлежал к тому сорту людей, о которых говорят, что им и умереть некогда.

После горячего душа Артур Александрович пошел на кухню. Приготовив большую чашку кофе, он поднялся с ней к себе на второй этаж в рабочий кабинет, выходящий окнами в сад. Он любил эти ранние часы, особенно осенние, зябкие рассветы, когда день зарождается не так ярко и мощно, как летом, а как бы сквозь туман. Какая тишина стоит в такие часы в городе, а уж тем более у них, в махалле, где дворы потонули в зелени, и все открытое пространство укрыто от зноя виноградником! Ему захотелось увидеть свой сад, и он включил огни на аллеях и лужайках напротив своего окна. Удивительное зрелище — хорошо ухоженный рукотворный сад! Ему уже почти пятнадцать лет, а для деревьев, особенно редких, реликтовых и некоторых фруктовых, это возраст зрелости, расцвета. Если бы кто-нибудь спросил у него, чем бы он хотел заниматься для души, Артур Александрович ответил бы — только садом! Поэтому он чрезвычайно

ценил своих садовников, выделял их из многих людей, с кем общался в махалле, зная их работу. Да и они наверняка чувствовали его интерес к саду и старались изо всех сил, отдавая работе всю душу. Время от времени Шубарин приглашал специалистов из знаменитого Шредеровского ботанического сада, и они консультировали его са-моучек. Каким бы усталым, раздраженным ни приезжал Шубарин домой, стоило ему минут десять погулять по аллеям сада, напря-жение как рукой снимало. Он чувствовал, что воздух в его саду имеет особое целебное свойство, и никто не мог бы переубедить его в об-ратном.

Но как бы ни был ему мил и дорог этот прекрасный сад, он не часто мог позволить себе вдоволь полюбоваться им. Рука его потяну-лась к выключателю, и освещение за окном погасло.

Шубарин включил торшер у письменного стола. Рабочий кабинет был просторным, Артур Александрович любил, что-то обдумывая, прохаживаться взад-вперед по комнате. Иногда, правда, крайне ред-ко, у него происходили тут экстренные совещания, на которые соби-рались пять-шесть человек, и тесноты никто не замечал.

Вот и сейчас, с чашкой остывающего кофе в руках, он шагал вдоль стен, украшенных картинами. Его волновал один вопрос: как и почему Сухроб Ахмедович, занимающий такой пост в ЦК, оказался в Аксае, у опального хана Акмаля, над головой которого сгустились тучи... Вопрос не был так прост, как казался. О том, чтобы он приехал туда официально, не могло быть и речи: иные времена, иной уровень субординации, да и попади он туда по службе, встреча протекала бы в окружении чиновников из наманганского обкома партии, и ему не пришлось бы среди ночи будить Шубарина. Ночной звонок означал, что он повздорил с ханом... Зачем Акрамходжаеву нужна была эта поездка, почему он полез в петлю и, считай, чудом остался жив? Ведь если узнают в прокуратуре, КГБ или ЦК, что он тайком наведаль-ся в горы к хану Акмалю, на карьере его можно поставить крест. Такими вещами не шутят, тем более нынче. Напрашивался еще один вопрос: почему Сухроб умолчал о поездке, будь она хоть официаль-ная, хоть тайная, ведь Сенатор знал, что он с Ариповым состоит в давних деловых отношениях... Почему визит тайный, и что за этим кроется? Артур Александрович поставил пустую чашку на низкий столик у кресла, продолжая вышагивать по кабинету. Но, может, этот визит и не является такой уже тайной? Это следовало проверить. Несмотря на ранний час, он набрал телефон Салима Хасановича — не до этикета было сейчас Шубарину.

— Слушаю вас, — ответил тотчас бодрый голос Хашимова.

— Салим, это Артур. Ради бога, извини за звонок в неурочное время, но я второй день никак не могу отыскать нашего друга, а он мне позарез нужен.

— Что-нибудь с «Лидо»? — тревожно спросил Миршаб.

— Нет, в «Лидо» все прекрасно, ресторан процветает... Он нужен мне совсем по другому поводу... Не знаешь, где Сенатор проводит уик-энд?

— Скорее всего, загулял где-нибудь в городе, — с улыбкой предположил Миршаб. — Утром отыщется, не сомневаюсь.

— Конечно, отыщется, — как можно беспечнее ответил Японец и положил трубку.

В том, что лучший друг и соратник Акрамходжаева не знал о его поездке в Аксай, сомневаться не приходилось... Что же все-таки крылось за столь поспешным визитом к хану Акмалю? Не ведет ли Сухроб двойную игру? Но зачем? Их с Шубариным теперь так много связывало, что не было резона действовать за его спиной. Задал же загадку ночной звонок! Теперь, конечно, надо будет пристальнее присмотреться к самому Сенатору. Может, в его биографии отыщется объяснение этим неожиданным действиям? Обычно каждый, кто попадал в орбиту интересов империи Шубарина, проходил тщательную проверку, но Сенатор тогда, после смерти Рашидова, проявил себя настоящим другом, и ему полностью доверяли. Но отныне следовало присмотреться к заведующему отделом административных органов ЦК, и дело это нельзя было перепоручать никому. Излишняя подозрительность могла закончиться большим скандалом. Сухроб Ахмедович за последние годы резко, прямо на глазах, преобразился, власть пошла ему на пользу. Его живой, природный ум схватывал все на лету. Сухроб Ахмедович хорошо ориентировался в любых ситуациях. Сегодня он представлял силу в республике, и Шубарин знал, что многие большие люди при определенной ситуации могли сделать ставку именно на него. Даже его давний друг, прожженный политикан Тулкун Назарович из ЦК, не исключал именно такого поворота событий в судьбе удачливого Акрамходжаева.

Да, взлет Сенатора удивлял многих, но он-то знал подлинные причины стремительной карьеры районного прокурора. Хотя и Артур Александрович понимал, что не все известно ему о Сенаторе. Например, сомнения вызывала невероятная популярность прокурора, свалившаяся на него после опубликования им в республиканской печати серии статей по правовым вопросам.

...Шубарин внимательнее, чем кто-либо, прочитал все его публикации на правовые темы. Он не мог отказать автору ни в смелости, ни в глубине теоретических разработок, ни в силе убежденности, с которой были написаны статьи. Он ознакомился и с докторской диссертацией своего подопечного — все верно, безупречная, высокопрофессиональная работа! Но почему же тогда его насторожила серия выступлений в печати, почему он не мог искренне восхититься докторской бывшего районного прокурора, хотя прекрасно понимал ее ценность и отдавал должное гражданской смелости автора?

Потому что его никогда не покидало ощущение, что все это в той

или иной форме он уже слышал от Амирхана Даутовича Азларханова. Правда, тот никогда не говорил ему, что занят какими-то научными изысканиями в области права. Хотя, казалось бы, какой смысл Азларханову было таиться от него. Шубарин попытался навести справки — соприкасались ли когда-нибудь пути двух прокуроров? Ответ оказался однозначным — никогда. Да и что могло связывать образованного широко эрудированного человека, каким был прокурор Азларханов, кого недруги с усмешкой называли за глаза Теоретиком и Реформатором, с вороватым районным прокурором, занимающимся ночными грабежами? Нет, тут вряд ли удалось бы найти точки соприкосновения.

— Амирхан Даутович... — пробормотал Шубарин. Его до сих пор мучил вопрос: понял ли Азларханов умирая, что это он приговорил его к смерти?

В тот роковой день, когда Шубарин поздним вечером прилетел в Ташкент из Нукуса, где еще находилось тело умершего Шарафа Рашидовича, ему тотчас доложили, что Коста Джиев пристрелил Азларханова. Придя в себя, еще не владея ситуацией, он понял, что случилось что-то невероятное, обстоятельства сложились таким образом, что Джиев вынужден был стрелять. Он хорошо знал Коста, тот не станет спасать собственную шкуру любой ценой. К тому же он один из немногих знал об истинном отношении Шубарина к прокурору. Коста понимал эту странную взаимную симпатию бывшего областного прокурора и крупного дельца теневой экономики. Им обоим, каждому в своей сфере, не давали по-настоящему реализовать свой талант, свои возможности. Коста, как и самого Шубарина, сложно было провести; он знал их давно, имел возможность понаблюдать за обоими. Значит, действительно произошло роковое стечение обстоятельств...

Мысли его вновь вернулись к Сенатору, который наверняка в понедельник вернется домой. Конечно, Сухроб Ахмедович поторопится встретиться с ним, раз уж ему не удалось сохранить в тайне свою поездку к хану Акмалю в Аксай.

...Но все же он поступил опрометчиво, что в свое время пренебрег неизменным правилом — никого близко не подпускать к себе, тщательно не проверив.

А ведь существовал самый простой путь проверки — послать человека к хану Акмалю. У аксайского Креза наверняка нашлись бы кое-какие сведения из жизни Сухроба Ахмедовича, и сейчас он, возможно, понял бы причину тайного визита Сенатора в Аксай. Но сегодня уже поздно соваться к хану, кто знает, о чем они там договорились за его спиной.

...В последний раз в Аксае Артур Александрович побывал за год до смерти Рашидова. В тот день вечером, после охоты, дожидаясь, пока

приготовят ужин из их охотничьих трофеев, они с ханом полуужинали на мягких курпачах. Несколько часов тому назад в Аксай пришла журналистка из Москвы. Хан уже кое о чем переговорил с ней. Очевидно, гостя должна была написать очередной панегирик акмальскому хану. Сейчас она в своей комнате переодевалась к ужину, а мужчины тем временем попивали «Камю» и вели неторопливую беседу.

Тогда, в начале восьмидесятых, сепаратистских настроений не было вовсе, но Акмаль Арипов, оказывается, смотрел далеко, он уже тогда вел речь об исламском государстве и даже держал в уме какую-то конкретную программу. В общих чертах он ознакомил с нею Шубарина. Тому хотелось расспросить хана поподробнее, но Арипов вдруг резко ушел от разговора, который сам же начал. Наверное, он посчитал, что и без того достаточно раскрыл свои карты. Несколько точных вопросов Шубарина он просто пропустил мимо ушей и перевел беседу на другое. Хан протянул Артуру Александровичу изящную коробочку, обтянутую черной замшей, в которой оказалось массивное кольцо с бриллиантами.

— Это ей, — объявил он, кивнув в сторону комнаты, где переодевалась к ужину гостя.

— Не слишком ли дорого за обыкновенную статью? — язвительно произнес Шубарин.

— С фотографией, — уточнил хан Акмаль и рассмеялся. — Да и женщина симпатичная, писательница...

Артур Александрович взгляделся в ценник, висящий на тонкой шелковой ниточке, и присвистнул.

— А это, мне кажется, нужно снять, — сказал Шубарин, показывая на бумажку.

— Само собой разумеется, — деловито сказал хан Акмаль, — ценник я подошью к делу; ты ведь знаешь, я обожаю учет, отчетность. Как говорил Ленин: социализм — это прежде всего учет!

— Да, я знаю, ты всегда следуешь ленинским заветам, — сказал гость, и они оба весело рассмеялись.

...Писательница оказалась женщиной не первой молодости, но внешне действительно интересной. Она, как и большинство московских дам, пыталась изображать деловитость и хватку, одновременно излучая обаяние и энергию. Ей хотелось произвести впечатление на синеглазого гостя Акмаля Арипова. Судя по манерам, он не был провинциалом. Хан Акмаль пытался сказать ей что-то любезное, но от волнения путался в словах и переходил на узбекский язык. Синеглазый переводил ей цветистые комплименты хана. Они просидели до самого рассвета. Московская гостя, наконец, утомившись, покинула их.

Как только за нею захлопнулась дверь, хан Акмаль сказал с восторгом:

— Какая женщина! С какими людьми знается! Какие двери ногой открывает!

Артур Александрович со скрытой иронией в голосе отозвался:

— Да, она достойна такого подарка...

Обладатель двух Гертруд же предложил тост за здоровье писательницы. Выпили, и тут Японец понял, что, пока хан Акмаль пребывает в эйфории от встречи с женщиной, открывающей ногой высокие кабинеты в Москве, он должен попытаться решить и свои проблемы.

— Акмаль, я хотел бы, чтобы ты подарил мне досье на Шубарина...

Хозяин дома на минуту опешил, но потом засмеялся.

— Артур, надеюсь, ты шутишь? Зачем тебе досье на самого себя? Лучше поинтересуйся подноготной своих врагов.

— Нет, Акмаль, сегодня я хочу получить то, что прошу.

Разговор становился напряженным, взрывоопасным, откровенной конфронтации с Японцем в этом крае не хотел никто. Хан Акмаль также знал его возможности. Он стал машинально разливать коньяк, чтобы как-то собраться с мыслями.

— А если я скажу, что такого досье не существует и что я не коплю компромат на своих друзей?

Тут уже рассмеялся гость.

— Если я не заполучу сейчас свои бумаги, то через неделю можешь прислать ко мне человека — я передам ему копию досье на тебя... А подлинник останется у меня в «Лас-Вегасе».

— Да, Артур, умный ты человек,— расхохотался аксайский Крез и захлопал в ладоши. Тотчас на пороге появился Ибрагим.

— Будь добр, принеси бумаги на Артура. Он хочет убедиться, профессионально ли работают мои люди, и обещал дописать то, что они упустили.— И он опять захохотал. Возникшее напряжение разрядилось.

Отдавая Шубарину пухлую канцелярскую папку, Арипов сказал:

— Ну вот, я избавляю тебя от лишних хлопот. Я тебе доверяю и не стану посылать человека за своим досье. Мы ведь так много знаем друг о друге.— И хан Акмаль протянул через стол руку. Оба облегченно вздохнули, ибо понимали, какой конфронтации избежали.

...Артур Александрович снова подошел к окну. Ему вдруг захотелось погулять по саду. Он быстро переоделся в спортивный костюм, в котором обычно выходил к завтраку, и спустился вниз.

Над садом висел легкий, как кисея, туман. От неожиданной влажности, которая исчезнет лишь через час-два, хозяин сада поежился. Ему захотелось обойти любимые деревья, срезать к столу свежие цветы, посидеть возле густых кустов можжевельника, когда-то подаренных ему ханом Акмалем. Но мысли об Акрамходжаеве снова завладели им.

...Идея взять в аренду ресторан принадлежала Сенатору. Он рань-

ше многих высокопоставленных чиновников оценил возможности кооперации. Сенатор знал, что Артур Александрович чуть ли не с первого дня Указа легализовал часть своих подпольных предприятий через кооперативы. Поначалу он преследовал только одну цель — «отмыть» деньги теневой экономики. На первых порах, зарегистрировав на подставных лиц десятки кооперативов в городах и селах по всему Узбекистану, он стал исправно заполнять декларации на свои пока не существующие доходы и платить в местный бюджет реальные налоги, составляющие для него сущий пустяк. Сухроб Ахмедович был в курсе дел Шубарина, даже кое в чем ему посодействовал... И вот однажды, обедая с Шубариным в загородной чайхане, он сказал:

— Артур, почему бы тебе не видоизменить свою деятельность, не придать ей разносторонность? — Видя, как заинтересовался сотрапезник, он продолжал: — Я предлагаю тебе открыть в Ташкенте настоящий, шикарнейший ресторан. При избытке денег у населения это наиболее рентабельное вложение капитала.

— Ну, какой из меня, Сухроб, ресторатор, — попытался отшутиться Шубарин, но Акрамходжаев был настойчив.

— А почему бы и нет, я ведь не предлагаю тебе самому возглавить ресторан — у тебя в «Лас-Вегасе» есть хороший помощник, Икрам Махмудович. Я вижу в своем воображении первоклассный ресторан с богатым интерьером, с хорошо вышколенной и отлично экипированной службой.

— У тебя есть какие-нибудь конкретные предложения? — спросил скептическим тоном Шубарин.

— Прежде всего, идея пришла мне в голову, потому что в это дело я хочу войти с Салимом и тобой на равных паях. Зачем нашим деньгам лежать без движения, когда сегодня все кинулись удваивать и утраивать капиталы? Но я не хотел бы, пользуясь нашей дружбой, возлагать хлопоты на тебя одного и только считать доходы, которые, уверен, будут расти в геометрической прогрессии. Я продумал и практическую часть. Ты внимательно объезжаешь тот район, где я семь лет был прокурором, и выбираешь любое здание, принадлежащее общепиту, будь то ресторан, кафе, столовая, которые, на твой взгляд, в течение трех-четырех месяцев можно будет перестроить и превратить в шикарнейший ресторан. Я и название для него придумал — «Лидо». В этом есть какой-то шарм, респектабельность — «Ли-до!» Дальше в дело вступаю я с Салимом. Я заставлю районные власти отдать здание тебе в аренду, тем более что это в русле правительственных решений. Уладив вопрос с крупными банковскими кредитами на льготных условиях для реставрации здания, приобретения мебели, кухонной посуды, холодильников, морозильных камер, всего торгового оборудования, что требуется для первоклассного ресторана, найду подрядчиков, которые быстро, качественно и в срок отделают здание... На проект, как мне кажется, скупиться не стоит,

следует привлечь талантливых архитекторов, а их в Ташкенте у нас немало...

— Архитекторы есть,— перебил его Шубарин, заинтересовываясь все больше и больше.

— Работая районным прокурором, я не раз вплотную занимался общепитом и знаю тонкости этого дела, которые прежде всего заключаются в получении фондов на продукты, спиртные напитки, табачные, кондитерские изделия. Мы с Салимом и это на первых порах берем на себя, а позже администрация «Лидо» пойдет по накатанным следам. Обещаю, что особых налогов платить не придется. Это тоже наша забота. Ну, как, годимся мы в компаньоны?

— Вполне,— ответил бодро Шубарин, не ожидавший такой хватки у бывшего районного прокурора.

Когда дело по созданию «Лидо» закрутилось и начали подбирать администрацию, Артур Александрович вспомнил о Наргиз, любовнице Хашимова. Она обладала прекрасным вкусом, и характер в ней чувствовался. С Наргиз он не ошибся, она оказалась расторопной, предприимчивой и быстро вошла в курс дел. Людям, не знавшим ее раньше, казалось, что она всегда занималась ресторанным делом. Обаятельная, красивая, Наргиз пришлась ко двору. В банке, горисполкоме, санэпидемстанции, на оптовых и розничных базах и даже у пожарных — везде она внушала доверие. Наргиз сама набрала штат официанток, в прошлом танцовщиц того же знаменитого фольклорного ансамбля, а мужскую службу, включая швейцаров, подбирали Икрам Махмудович Файзиев. Наргиз и Икрам Махмудович вполне дополняли друг друга, и лучшее руководство вряд ли можно было отыскать.

Оформлять интерьеры ресторана пригласили дизайнеров из Прибалтики, которые сразу оценили размах предприятия и сообщили, что у них на Рижском взморье тоже сохранился ресторан, еще с довоенных времен, носящий имя «Лидо».

Коллекцию одежды для obsługi Наргиз заказала в местном доме моделей, которому она, учитывая прекрасное внутреннее убранство «Лидо», предложила периодически проводить там парады мод. Руководство дома моделей выразило согласие. В те дни, когда проводили парады, ресторан устанавливал за вход дополнительную плату. Ресторан быстро обрел заслуженную славу.

...Шубарин наконец оторвался от мыслей о Сухробе Ахмедовиче и увидел, что предутренний туман уже исчез бесследно, погасли огни за высоким дувалом, уже хорошо просматривались самые дальние аллеи сада, и, хотя на востоке давно уже не звучал голос муэдзина, призывавшего правоверных на утренний намаз, все же по традиции тут просыпаются рано.

Махалля быстро наполнилась шумом: звенели бидоны молочниц,

привозивших из пригородных кишлаков молоко в город, трещали где-то в переулках моторчики велосипедов, доставлявших к чайханам и на базары первые горячие лепешки, хлопали плохо смазанные ворота — день вступал в свои права.

Самолет опаздывал на три часа. Хуршид Азизович Камалов, получивший неожиданно высокое назначение в Узбекистан, усевшись в кресло возле иллюминатора, сразу достал толстую папку с газетными вырезками, которую получил два дня назад в Прокуратуре СССР. Хотелось скорее вникнуть в суть проблем и событий, происходящих на родине предков, куда он возвращался теперь навсегда. В Москве оставались некоторые родные и друзья, могила матери на Ваганьковском кладбище. В братской могиле на Волоколамском шоссе лежал отец.

Редко кто решится в сорок шесть лет так круто поменять жизнь. У Камалова все решилось в течение двух дней. Дело ему предстояло серьезное. В какой-то степени он был подготовлен к нему несколькими годами работы в уголовном розыске, затем — преподаванием в закрытых учебных заведениях КГБ, да и опыт последних лет на посту прокурора одного из районов Москвы, несомненно, ему пригодится. И он не стал отказываться от предложения возглавить прокуратуру в сложнейшей республике страны, где прежнее руководство чуть ли не поголовно привлекалось к уголовной ответственности.

В ЦК КПСС и Прокуратуре СССР его подробно ознакомили с положением дел и не скрыли, что местные тузы в республике уже оправились от первого шока, связанного с арестом крупного коррумпированного начальства, и, объединившись, мощно противодействуют оздоровлению обстановки в крае. Вот отчего на ключевой пост в борьбе с мафией нужен был не просто профессионал с большим опытом работы в правовых органах, но и человек, хорошо знающий нравы и обычаи этого края, который может опереться на местное население.

Несмотря на позднее время и задержку рейса, его встречали. Высокий, важного вида мужчина подъехал на черной «Волге» прямо к трапу самолета. Видимо, Камалова ему хорошо описали, потому что едва он ступил на землю, тот приблизился к нему и дружелюбно представился:

— Заведующий отделом административных органов ЦК Сухроб Ахмедович Акрамходжаев.

Прилетевший тут же спросил:

— Уж не ваши ли статьи в «Правде Востока» и «Советском Узбекистане» вызвали столь широкий резонанс в республике?

— Спасибо. Я рад, что вы знакомы с моими работами. Значит, вам известна моя точка зрения на закон и право, — ответил встречавший с улыбкой и широким жестом пригласил в машину. — Первое время

будете жить в гостинице ЦК. Большинство постояльцев гостиницы — следователи по особо важным делам, прикомандированные Прокуратурой СССР из всех регионов страны. Вам придется работать с ними в тесном контакте. В самое ближайшее время подыщут вам квартиру.

Когда они подъехали к гостинице, Камалов увидел, что почти все ее окна освещены, несмотря на позднее время. Заметив удивление на лице гостя, сопровождающий сказал:— Работы много, очень много, следователи не управляют за день, иные работают чуть ли не до утра. Боюсь, что и вас ждет подобный ритм жизни.

Проводив Камалова до дверей номера, он сказал на прощание:

— Не буду вас сегодня утомлять. Насчет ужина сейчас распорядятся. А завтра утром встретимся в прокуратуре. Я представлю вас коллективу, и приступайте к исполнению обязанностей. Дел непочтутый край.— И человек из ЦК откланялся, оставив приятное впечатление о себе.

Первый день работы в прокуратуре республики оказался столь напряженным, что он не смог выбрать время, чтобы позвонить родителям жены и другим своим родственникам, хотя понимал, какую обиду может вызвать подобное неуважение к родне. Бесперывно звонил телефон. Люди обращались к нему с самыми неожиданными вопросами и требовали немедленного вмешательства в такие невероятные дела, что он только диву давался. Порою ему казалось, что на прокуратуру в этом краю возложено все — от ремонта дорог до разгрузки вагонов в каждом тупике громадной среднеазиатской железной дороги. И поздно вечером, вернувшись к себе в гостиницу, он наконец собирался оповестить многочисленную родню о своем назначении Прокурором Республики и о скором переезде семьи на постоянное жительство в Ташкент, как неожиданно зазвонил телефон. Звонил Сухроб Ахмедович, с которым они расстались в первой половине дня.

— На завтра у вас назначена встреча с Первым, но его неожиданно вызвали в Москву, а оттуда он в составе правительственной делегации улетит на неделю в Индию. Он не хотел бы уехать, не познакомившись и не переговорив с вами. Поэтому он просит вас отужинать у него дома. Через полчаса за вами зайдут. Желаю вам приятного вечера.

Отказываться от приглашения, тем более что предполагаемая встреча будет носить, скорее всего, деловой характер, не имело смысла, и он согласился. Положив трубку, спокойно подумал, что с этой минуты он вступает в большую игру. И надо было как можно быстрее научиться разгадывать ее правила.

...В тот день, когда ему предложили возглавить прокуратуру Узбекистана, после долгой беседы зав. отделом ЦК Виктор Сергеевич Рогов, давно знавший его, сказал доверительно:

— На днях я получил строго засекреченную информацию о том, что в коррупции, приписках и злоупотреблениях замешан и приемник Шарафа Рашидова, нынешний первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана. Каждый ваш шаг, очевидно, будет прослежен им и его друзьями.

И вот теперь Камалов сидел напротив этого человека.

Внешне он напоминал благообразного, добродушного профессора или муллу, с мягкими, вкрадчивыми манерами и тихим, приятным голосом. И всякий раз, чтобы не поддаваться обаянию хозяина дома, Камалов напоминал себе, что он находится на Востоке, где и внешность, и слова обманчивы; не стоит обольщаться также добрым к тебе отношением.

Ему самому еще предстояло выработать новую манеру поведения, умение мгновенно реагировать на всякое движение собеседника, не спешить задавать вопросы, то есть следовало быть предельно собранным, внимательным и по возможности не давать обнаружить свои собственные цели.

Они еще не сели за стол, а хозяин дома уже успел расспросить гостя о его семье, детях, ташкентской родне. Не забыл поинтересоваться, где он будет жить. Узнав, что квартирный вопрос еще не решен, сказал, что лично попросит, чтобы Камалову выдали ордер из жилищных фондов ЦК.

Позднее, анализируя великодушный жест, за который прокурор, конечно, выразил признательность, он понял, что отныне каждый его шаг будет контролироваться. Эти люди будут все знать: когда он уехал, когда приехал, кто к нему навевывался, поскольку он будет жить на особой территории с охраной на въезде...

После беседы в гостиной перешли в зал за щедро накрытый стол. Живя в Москве, Камалов давно отвык от такой обильной и плотной еды. Нить разговора все время находилась в руках у хозяина дома. Говорили о Москве, о Ташкенте, об Индии, куда тот собирался на днях. Хозяин всячески пытался прощупать, что за человек Камалов, чем дышит. Прокурор держался нейтрально, охотно поддерживал беседу, похвалил некоторые блюда. Он, со своей стороны, не желал, чтобы у хозяина сложилось о нем определенное впечатление.

И потянулись у Хуршида Азизовича Камалова однообразные, до предела загруженные работой дни. Сухроб Ахмедович словно в воду глядел, и у него теперь далеко за полночь горел в гостиничном окне свет. С первого дня он попал в жесточайший цейтнот. Катастрофически на хватало времени. Даже квартиру, которую ему предложили через месяц, он не мог посмотреть в течение двух недель. И поэтому переезд его семьи затягивался. Если бы не родня, принявшая самое активное участие в этом, неизвестно, когда бы у него наладилась нормальная жизнь. Но Восток силен родней, тут своих не оставят в беде...

...Много лет чья-то властная рука сдерживала прокуратуру и не позволяла навести порядок. Именно поэтому она не имела настоящего опыта и не владела реальной ситуацией в республике. А теперь словно прорвало плотину. Работники прокуратуры буквально задыхались от обилия заведенных дел.

Вот такое Камалов вынес суждение о делах прокуратуры на самых первых порах.

Трудно приходилось Хуршиду Азизовичу еще и потому, что именно к нему стекались все горячие и запутанные материалы. Чаще всего поступали на утверждение дела, ознакомиться с которыми по-настоящему он практически не имел возможности. Большинству санкций на арест требовалась его подпись. Камалов понимал, что при нынешней чувствительности граждан к любым ошибкам прокуратуры его подпись на очередном документе впоследствии могла ему дорого обойтись. Но и уклониться от утверждения санкции он не мог — без его подписи они ничего не стоили.

Все дела, которые он пытался разобрать, имели давнюю историю. Повлиять на некоторые из них он мог только в том случае, когда они возвращались из суда на следствие. В последний месяц из Верховного Суда действительно косяками стали возвращаться дела на пересмотр. Некоторые доводы суда, даже на первый взгляд, казались Камалову необоснованными, Верховный Суд старался уклониться от принятия окончательных решений и отфутболивал дела снова в прокуратуру республики. Порою Хуршиду Азизовичу казалось, что кто-то упорно хочет, чтобы он завяз в мелких процедурных вопросах и старых делах, не высовывал носа из своего кабинета и даже не пытался вывести разоблачение должностных преступлений на новый и качественный виток. Скоро Камалов заметил, что, стоило ему проявить к какому-либо делу особый интерес, тут же, как по мановению волшебной палочки, между ним и заинтересовавшим его материалом возникала гора бумаг, в которой он безнадежно тонул, хотя работал только в самом здании прокуратуры каждый день не менее четырнадцати часов, и не было дня, чтобы не прихватывал в гостиницу очередной папки, над которой ему предстояло сидеть ночью.

Одним из таких дел, от которого его таким хитрым образом трижды оттирали, было дело «аксайского хана», генерального директора агропромышленного объединения, дважды Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета, орденоносца. О нем, о его влиянии на жизнь республики ходили легенды в Узбекистане. Кое-какие слухи доходили и до Москвы... Вот от какого дела его тактично и ловко оттирали. Камалов чувствовал это. Видимо, тронуть хана Акмаля — все равно что разворотить муравейник: многие, наверное, почувствуют себя неуютно. Прокурор даже однажды поделился своими сомнениями с Сухробом Ахмедовичем и спросил его, не пора ли

вплотную заняться спортивным клубом Рашидова в Аксае, от которого в прошлом зависели многие высокие назначения в республике.

Акрамходжаев сдержанно возразил:

— Куда от нас денется директор какого-то агропромышленного объединения! У нас на очереди ишик-кульские тузы, секретари обкомов, секретари ЦК.

Этим замечанием заведующий отделом административных органов вроде тактично намекал на то, что он предостерегает даже в отношении преступников придерживаться субординации... То есть чувствовал себя Камалов, словно конь с повязанными ногами и с шорами на глазах, которые нацепили на него затем, чтобы он шагал только в определенном направлении. Он, конечно, делал вид, что не понимает ведущейся вокруг него игры. Материалы, связанные с Аксаем, вел старший следователь по особо важным делам при Генеральном Прокуроре СССР, советник юстиции третьего класса. А начато дело было следователями КГБ республики, которые продолжали его курировать.

Однажды утром Камалов, подписав несколько санкций на арест, созвонился с этими следователями и поехал к ним, чтобы кое-что выяснить для себя. Когда он поднимался пешком на третий этаж, сзади его кто-то радостно окликнул:

— Хуршид Азизович!

Камалов обернулся и увидел, как по коридору спешил ему навстречу улыбающийся плотный мужчина в светлом костюме.

— Не узнали? — сказал он, протягивая руку.

— Почему же не узнал?.. Здравствуйте, Бахтияр Саматович. Впрочем, узнать вас не просто, десять лет все-таки прошло. Окрепли, заматерели, наверное, большим начальником стали. Хорошо запомнил, как вы частенько ставили в тупик своих преподавателей. — И они, дружно рассмеявшись, обнялись.

— Не один я, домулла¹, а многие ваши ученики сегодня занимают здесь ключевые позиции. У меня кабинет этажом ниже, я один из замов председателя. Пожалуйста, заходите, готовы помочь вам в любое время.

У следователей по делу Арипова он задержался час, но толком ничего не выяснил и направился к Бахтияру Саматовичу.

Прокурор сразу перешел к делу.

— Сегодня по моей модели в прокуратуре республики организуется отдел по борьбе с организованной преступностью, и я просил вас помочь людьми. Не помешают мне и технические работники, вплоть до машинисток. В канцелярии с документами, архивами должны работать люди, которым я доверяю сполна.

— Я ведаю кадрами, — ответил Бахтияр Саматович, — и считайте,

¹ Домулла — учитель (узб.).

что этот вопрос улажен. У нас тоже сегодня на многое открылись глаза, и большинство профессионалов понимает, что внутри страны есть реальные силы, чьи интересы представляют угрозу государственной безопасности, что при благоприятной ситуации они попытаются дестабилизировать обстановку в крае, и расчеты их не в последнюю очередь возлагаются на преступный мир... Поэтому мы тоже хотим иметь четкое представление о состоянии уголовной обстановки в республике. Ныне есть уголовные преступления с политическими мотивами, а политики не гнушаются откровенной уголовщиной, и если они быстро нашли язык между собой, то, видимо, и нам необходимо координировать наши усилия.

— И еще одна просьба, Бахтияр Саматович... Считайте, что она возникла не от бессилия и паники, просто мне жаль времени. Я постоянно ощущаю утечку информации, особенно после совещаний с работниками МВД. Сколько моих начинаний уже пошло насмарку! У меня есть определенный опыт по борьбе с этим явлением. При любой маломальски серьезной операции обязательно расставляю капканы и для предателей. Я уверен: скоро выйду на их след. Но если бы вы знали, как это мешает, вяжет руки, не позволяет проводить широкомасштабных операций по всей территории республики! У меня уже очерчен список людей, имеющих доступ к этой информации, и через них, возможно, она поступает к тем, к кому мы проявляем интерес. Большинство из них весьма высокопоставленные люди, которые вроде бы вне подозрений, как жена Цезаря... Но, может быть, кто-то из моего списка косвенно замешан в связях с новой элитой преступного мира: дельцами, цеховиками, миллионерами из теневой экономики? Уголовники уже давно пошли им в услужение добровольно. По логике, опять же в целях государственной безопасности, такая информация о порочащих связях высоких должностных лиц должна быть у вас. Так вот, нет ли там моих голубчиков?

— Да, мы обязаны располагать подобной информацией, но дело в том, что пока все имеют дело с наследством, которое оставил в крае Рашидов. Я знаю, что мои старшие коллеги в свое время входили к нему с докладом о неблагоприятных связях высших чинов МВД и тут же получили строжайший указ оставить милицию в покое и заниматься своим делом. Милицию многие годы возглавлял его друг и доверенное лицо. Позже и в КГБ Рашидов поставил своего человека. Поэтому нет у нас обобщенного материала, хотя сигналы все эти годы к нам поступали, но хода они, к сожалению, не получили.

И вдруг Бахтияр Саматович вышел из-за стола и, словно читая мысли своего бывшего учителя, произнес неожиданную фразу:

— Вот если мы разживемся архивом хана Акмаля, то будем знать все...

И тогда у Камалова возник план, о котором он и не думал еще час тому назад, когда покидал кабинет следователей.

— Я сейчас подробно, в деталях ознакомился с делами аксаевского хана и не понимаю, почему он до сих пор на свободе. Материалов для привлечения его к ответственности предостаточно. Я готов хоть эту секунду дать санкцию на арест. Если мы упустим время, деньги и досье могут стать добычей преступного мира. Уверен, они не хуже нас осведомлены о богатстве Арипова. Если это произойдет, вряд ли скоро удастся взять ситуацию под контроль.

Бахтияр Саматович сокрушенно пожал плечами:

— Это и меня тревожит. У нас есть сигналы, что к нему разные люди активно ищут ходы. Да и сам хан может исчезнуть с награбленным. Он дьявольски хитер, изворотлив, повсюду у него свои люди. У нас есть данные, что он наводит мосты в Термезе, искал пути в Афганистан. Но мы никак не можем ускорить лишение его депутатской неприкосновенности. И в Ташкенте, и в Москве у него есть высокопоставленные друзья и покровители. Не можем мы подталкивать и прокуратуру, мы для нее не указ... Да и начни мы хоть сколько-нибудь заметно форсировать события, его тут же предупредят, возможно, те самые люди, что находятся в вашем списке.

— А знаете, — прокурор решил выложить свой план, — не следует ли мне рискнуть и взять ответственность на себя?.. Я человек новый, располагаю кое-какими полномочиями. Если что — сошлюсь на свою неопытность. — И он лукаво подмигнул. Бахтияр Саматович рассмеялся.

— Ну что же, — подхватил он, — мы не можем препятствовать человеку такого ранга. Это вполне в вашей компетенции, если не оглядываться на ЦК. Сколько дней вам нужно, чтобы разработать в деталях операцию? Хан имеет вооруженных людей, и Аксай сплошь изрезан подземными коммуникациями. Взять его надо только живым. Предупреждаю, провал операции по задержанию исключается, иначе никому из нас не сносить головы. Нас обвинят в убийстве горячо любимого народом депутата.

— Мне нужно два дня, — ответил Камалов. — За сорок восемь часов мы разработаем все детали и, конечно, попытаемся взять его живым без особого шума. Но уже сегодня к вечеру я должен встретиться с теми людьми, которых вы готовы передать мне в отдел по борьбе с организованной преступностью. Я хочу подключить их к операции.

— Договорились. Сегодня эти товарищи будут у вас в прокуратуре к концу дня, а через двое суток я жду вас с планом операции. — И они распрощались.

Через несколько дней прокурор прилетел в Наманган в официальную командировку, имея в запасе четыре варианта операции под названием «Большая охота».

Во всех случаях главная роль отводилась самому Камалову. Он

мог рисковать своей жизнью, но не должен был ни в коем случае подвергать опасности жизнь хана Акмаля, и потому считал, что арестовать Арипова должен лично. Нашли посредника, человека, работающего в обкоме, давнего прихлебателя хана. Не посвящая того в свои планы, сказали, что Прокурор Республики хотел бы срочно и тайно встретиться с Ариповым в любом месте, предложенным людьми из Аксяя.

Высокопоставленный чиновник из областного партаппарата предложение о тайной встрече считал обыденным явлением. По опыту своей карьеры он вполне допускал сговор между новым человеком из Москвы и истинным хозяином этих мест, ханом Акмалем. В тот же день чиновник привез ответ: хан Акмаль готов встретиться с прокурором, но только на своей территории, в Аксае. Впрочем, на его ~~сметность~~ вне пределов ханства никто и не рассчитывал. Но, даже ~~назначая~~ встречу на своей территории, хан Акмаль поставил условие, чтобы у прокурора не было ни одного сопровождающего, кроме посредника из обкома, и чтобы они прибыли только на его личной машине. Условия были приняты. Договорились, что завтра после полуночи машина хана Акмаля будет ждать у дома посредника.

Наиболее вероятным местом тайной встречи в Аксае могли оказаться три здания: резиденция агропромышленного объединения, особняк для приема гостей и охотничий домик в горах. По рангу встречи более всего подходил дом в горах с двумя каминными залами, но этот вариант исключался, поскольку дорога в горы требовала дополнительного времени. Оставались два здания, но более предпочтительным, но логике, оказывался гостевой дом, ибо переговоры носили тайный характер.

Основным вариантом считался все же тот, при котором задуманная акция должна была проводиться в гостевом доме, и тут все просчитали до мелочей. Да и обстоятельства благоприятствовали захвату особняка. Среди обслуги дома отыскался человек, к которому чекисты все-таки нашли ход. Парень, в прошлом афганец, десантник, заведовал сауной и бассейном, и за расторопность так высоко ценился ханом Акмалем, что иногда при выезде за пределы Аксяя включался в его личную охрану.

Но главный расчет строился не на десантника. Дело в том, что рядом с яблоневым садом шло строительство небольшого консервного завода для агропромышленного объединения, и туда со дня на день ждали доставки башенного крана трубчатой конструкции. Вагончики строителей стояли неподалеку от гостевого дома. Бригада по монтажу стотонного крана и строительства для него подкрановых путей состоит обычно из двадцати монтажников. Камалов со своими подчиненными из отдела по борьбе с организованной преступностью укомплектовал бригаду своими людьми, а ствол башни начинили оружием. «Троянский конь», — шутили оперативники, тщательно укла-

дывая в чрево трубы пулеметы, боеприпасы, бронежилеты, инструменты, легкие дюралевые лестницы, все то, что могло пригодиться при молниеносной операции, рассчитанной до мелочей. Во второй половине дня караван, состоящий из двух могучих трейлеров с мощными тягачами «Ураган», в сопровождении трех тяжелых автокранов для монтажа, машинами технической помощи и бытовками на колесах выехал в Аксай, не привлекая особого внимания. До самой ночи «строители» разгружали свое хозяйство и обживались. Не забыли и о подземных тоннелях, нарытых бесноватым лезем Акмалем; два из них, которые удалось установить с помощью афганца, выходящих к реке и к дороге в горах, к ночи тоже взяли под контроль. А с наступлением темноты в сторону Аксая на двух трейлерах повезли шесть скоростных бронетранспортеров, умело замаскированных под строительную технику и оборудование. Десантники, все до одного в бронежилетах, имели за плечами опыт афганской войны. Камалов уже на подъезде обогнал этот транспорт и отметил, что военные подходили к намеченному плацдарму вовремя. Из-за шума мотора машины и оживленного разговора, навязанного посредником, прокурор не слышал характерного звука военных вертолетов, которые тоже должны были занять позиции поблизости от Аксая. Три красные сигнальные ракеты означали бы для воздушных десантников тревогу, в этом случае им следовало поспешить на помощь «монтажникам». Один самый маневренный геликоптер ждал особого сигнала — двух зеленых ракет. Ему предстояло немедленно вывезти хана Акмаля из Аксая.

Золотозубый шофер из Аксая, Исмат, в беседу не вмешивался и всю дорогу молчал. На вопросы отвечал кратко, хотя прокурор пытался втянуть его в разговор, потому что желал знать заранее, где состоится встреча, чтобы обозначился наконец основной вариант операции. Если по дороге Наманган — Аксай удастся выяснить, что встреча будет происходить в гостевом доме, у Хуршида Азизовича имелась возможность дать об этом знать. Как только Исмат при въезде в Аксай остановится у шлагбаума и забежит на минутку в сторожку, чтобы отметить прибытие гостей в журнале, в это время прокурор приоткроет дверцу машины. Это был знак, что встреча состоится в гостевом доме. Все тут же стало бы известно всем силам, задействованным в Аксае, а прежде всего «монтажникам», которые уже двинулись бы к месту захвата.

Чувствуя, что случайно ничего не выведать, он решил откровенно блефовать и, обращаясь к человеку из обкома, непринужденно сказал:

— Говорят, у Акмаля-ака есть дивная сауна и бассейн — не мешало бы попариться всласть и поплавать. В Ташкенте у меня таких возможностей нет, да и времени тоже.

Сначала отозвался посредник:

— Я тоже готов поддержать вашу идею, тем более что принимать он будет нас, как договорились, в гостевом доме. Думаю, хозяин нам не откажет, он и сам любитель водных процедур, особенно с прекрасным полом, — и человек из обкома от души раскатино расхохотался.

Тут в разговор неожиданно вмешался молчаливый Исмаил.

— И просить не надо. Когда я уезжал, афганец уже менял воду в бассейне и заносил чешское пиво в сауну.

— Вот и хорошо! — обрадованно сказал Хуршид Азизович и, хлопнув шофера по плечу, добавил: — С меня причитается за хорошую весть.

Машина в это время уже тормозила у сторожки. Камалов приоткрыл дверцу со своей стороны.

Человек, давно поджидавший машину у шлагбаума, увидев знак, тихо произнес в переговорное устройство:

— Гостевой дом...

Хан Акмаль встречал высокого гостя у ворот.

Накануне он долго беседовал с Сабиром-бобо. Они решили, что, возможно, Камалова рекомендовал в Ташкент кто-то из его московских друзей и что наконец-то из белокаменной протянули ему руку помощи. Не резон было некоторым московским друзьям отдавать хана Акмаля в руки правосудия. Наверное, рассуждал Арипов, прокурор быстро понял, что в Узбекистане не отдадут его без боя, и решил приехать в Аксай, чтобы обсудить, что следует предпринять теперь хану Акмалю. Да, это было, безусловно, так, ведь если бы он замыслил недоброе, то Сухроб Акрамходжаев, который в прошлом году увез отсюда чемодан денег, предупредил бы его об опасности. Арест людей, подобных хану, без ведома ЦК невозможен. Вот почему с большим волнением Акмаль Арипов ждал Прокурора Республики. Любую услугу со стороны такого человека, как Камалов, хан заранее оценил в миллион. Дипломат с щедрым подарком Сабир-бобо должен был внести в конце беседы, перед самым отъездом.

...Не видно было в загородном доме и челяди, лишь только, когда они входили в стеклянную галерею, попался навстречу молодой, симпатичный парень с тщательно выбритой головой и вислыми восточными усами. Еще издали увидев гостей, он чуть ли не вжался в стену, не смея поднять глаза на сиятельных людей. Правую руку он прижимал к сердцу. Жест не остался незамеченным Камаловым: чуть растопыренные пальцы означали, что особой тревоги нет и что афганец готов сделать свой первый шаг. Значит, с самого начала им все-таки удалось перехитрить хана Акмаля, усыпить его чрезмерную бдительность.

По галерее они уже шли одни. Посредника у ворот перехватил какой-то тщедушный старик во всем белом. Видимо, человек из обкома должен был присоединиться к ним за столом, как только закончатся переговоры с глазу на глаз.

Хан Акмаль провел высокого гостя в краснознаменный зал, тот самый, где он встречал Сухроба Ахмедовича Акрамходжаева. Тут была своя тактика. Всякого входящего в зал поражало обилие тяжелых, шитых золотом знамен, и хан Акмаль знал об этом.

Увиденное как будто поразило и прокурора. Он взад-вперед прошелся вдоль стены, сплошь уставленной свернутыми знаменами и, как бы не находя слов от восхищения, покачал головой. Начало встречи обрадовало хана Акмаля. Он решил, что на прокурора произвели должное впечатление его знамена.

— Прошу,— и хозяин дома пригласил гостя за дастархан, скромно уставленный фруктами и чайными приборами на двоих. Все вокруг, даже тишина в доме располагало к откровенной беседе.

Камалов занял курпачу у стены с тем, чтобы хан Акмаль расположился спиной к входной двери и не сразу среагировал на появление своего афганца в комнате переговоров, а тот должен был войти сюда минут через десять — пятнадцать. Хозяин дома, разлив чай, повел разговор, осторожно пытаясь сначала издалека определить, кто из московских друзей собирается принять участие в его судьбе. Хотя хан Акмаль и поднаторел в застойной дипломатии, но, видимо, волнение подвело его на этот раз. Вопросы, которые он задавал, были столь неуклюжими, что гость сразу разгадал тайные надежды обладателя двух Гертруд. Представлялась еще одна возможность отвлечь внимание хана Акмаля, и Камалов осторожно повел разговор вокруг тех людей в Москве, на кого мог рассчитывать Арипов. Он видел, как оживилось лицо хана Акмаля.

В тот самый момент, когда хан Акмаль окончательно успокоился, увидев в прокуроре из Москвы избавителя от всех грядущих неприятностей, в комнату бесшумно, в мягких кроссовках вошел афганец.

— Извините,— произнес он робким голосом, обращаясь к гостю,— Исмат предупредил, что вы особый поклонник сауны... Я хотел бы уточнить, какую температуру вы предпочитаете?

В иной ситуации хан Акмаль рывкнул бы на человека, прервавшего важную беседу, но сейчас лишь обернулся и улыбнулся, словно ободряя своего любимца. И вдруг тот прыгнул и нанес хану короткий и резкий удар в челюсть. Камалов не успел и глазом моргнуть, как афганец уже всовывал кляп в рот находящемуся в нокауте хану Акмалю. Прокурор мгновенно вскочил и с пистолетом в руках бросился к двери. Коридор оказался пуст. Они вдвоем подхватили тучного аксайского Креза и поволокли его из краснознаменного зала. Пройдя по коридору несколько шагов, афганец открыл дверь с другой стороны устланного коврами прохода в комнату, выходящую окнами в сад. У окон их поджидали четверо дюжих «монтажников». Они ловко подхватили человека с кляпом во рту за руки и за ноги и побежали к вагончикам строителей, где должен был приземлиться вертолет. В тот же миг почти одновременно взлетели в небо две зеленые

сигнальные ракеты — одна для вертолета, а другая — для бронетранспортеров, чтобы они заняли исходные позиции в Аксае.

Камалов легко подтолкнул афганца в спину и сказал:

— И ты, парень, беги к вертолету. Тебе нельзя оставаться в Аксае. Там что-нибудь придумаем...

Бритоголовый, ловкий парень побежал вслед за людьми, быстро уносившими хана Аксаю к бытовкам монтажников.

И вдруг, когда афганец уже сворачивал с освещенной аллеи в глубь сада, он вскрикнул и упал. Камалов, бежавший следом за ним, не видел, как кто-то в белом из-за кустов метнул вслед афганцу нож. Хуршид Азизович склонился над парнем. Острие ножа торчало из его груди. Очевидно, нож метал человек, умевший обращаться с холодным оружием.

От ограды яблоневого сада бежали навстречу «монтажники» с короткоствольными автоматами наперевес. Уже слышался шум вертолета в небе и грохот бронетранспортеров, влетающих в сонный Аксай. Принесли носилки. Камалов с одним из десантников положили на них афганца. Остальные кинулись в дом искать метателя. Но в пустом особняке нашли только тщедушного старика в белом, молившегося в самой дальней комнате, и испуганного человека, показавшего обкомовское удостоверение. Когда человеку в белом сообщили о злодейском убийстве афганца, тот молитвенно сложил руки и сказал:

— Это был мой племянник. Я его рекомендовал на работу в дом. — И старика больше ни о чем не спрашивали.

Сабир-бобо не простил предательства даже своему племяннику, которого очень любил.

Через двадцать минут после начала операции вертолет с ханом Акмалем взмыл в небо.

Когда вертолет скрылся из глаз, произошло еще одно непредвиденное и неприятное происшествие. Совсем недалеко от яблоневого сада, но уже в горах, раздались два взрыва, заставившие прокурора Камалова задержаться в Аксае еще на несколько часов. Первый взрыв означал потерю знаменитых досье хана Акмаля, на которые так рассчитывал Бахтияр Саматович. Хладнокровному Сабир-бобо ничто не могло помешать уничтожить главные архивы — этот вариант у них с ханом был давно оговорен и отработан. Вторым взрывом вслед уходящему в небо вертолету духовный наставник как бы давал знать хану Акмалю, что архивов, главных улик его деятельности, нет, и он волен избирать любую тактику защиты. Все тайны партийной и хозяйственной элиты края отныне находились только у него в памяти.

Вернувшись в Ташкент, Камалов забежал лишь на полчаса домой, чтобы переодеться, и тут же отправился в ЦК партии. Вначале он поднялся к Сухробу Ахмедовичу, но того не оказалось на месте.

Секретарша объяснила, что он сейчас на приеме у Первого. Вот и хорошо, не придется дважды докладывать, подумал прокурор, поднимаясь на пятый этаж в приемную.

Зав. отделом ЦК действительно был в кабинете у Первого, судя по их спокойным лицам, они еще не знали об аресте аксайского хана.

Указав глазами Камалову на кресло, Первый участливо сказал:

— Выглядите вы неважно, Хуршид Азизович, словно всю ночь охотились за бандитами...

Камалов, глядя Первому прямо в глаза, сказал:

— А вы провидец. Я действительно всю ночь охотился за одним бандитом, но он, поверьте мне, стоит сотни преступников.

— И как, удачно? — с интересом спросил Первый. — И кто же он, этот бандит, за которым лично охотился Прокурор Республики?

— Я арестовал Акмаля Арипова, бывшего доверенного человека Шарафа Рашидовича.

— Вы хотите сказать, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, члена ЦК, лауреата Государственной премии, выдающегося хозяйственника? — После небольшой паузы спросил Первый абсолютно бесцветным, спокойным голосом.

— Я уверен, что Акмалю Арипову придется расстаться со всеми своими титулами, наградами и регалиями...

И вдруг хозяин кабинета вполне равнодушно прервал его:

— Арестовали так арестовали, вам виднее. Мы не собираемся влиять на правовые органы, не так ли, Сухроб Ахмедович?

Акрамходжаев поднялся с видимым усилием из-за стола и сказал, обращаясь к Первому:

— С вашего позволения я забираю прокурора... Хочется детально расспросить его об аресте Арипова.

Они спускались с пятого этажа, и Камалов чувствовал, что с каждой мраморной ступенькой, устланной ковровой дорожкой, растет между ними напряжение, хотя шли они молча. Это удивляло его. Казалось, кто-кто, а Сухроб Ахмедович должен был только приветствовать его действия, но радости на лице Акрамходжаева определенно не было. Пожалуй, даже наоборот. У самого хозяина республики арест аксайского хана не вызвал потрясения, хотя вряд ли весть о нем могла доставить ему удовольствие — а вдруг Арипов решит выложить карты на стол, потащить за собой на скамью подсудимых всех остальных, не принявших должного участия в его судьбе? Но вот отчего же так хмур Сухроб Ахмедович? Такая мысль одолевала прокурора Камалова, пока они добирались до кабинета Акрамходжаева.

Только они вошли в кабинет, как хозяин, уже не скрывая раздражения, спросил:

— Что это вы себе позволяете, Хуршид Азизович?

Камалов, словно не замечая тона, которым был задан вопрос, не спеша уселся и спокойно спросил:

— Я не понимаю вас. О чем это вы?

— Об аресте уважаемого в республике человека. Вопрос о привлечении его к уголовной ответственности решать не нам, и даже не на пятом этаже. Ариповым занимается Москва!

— Странно слышать это именно от вас, — сказал Камалов. — А как же ваши статьи о праве, уважаемый доктор юридических наук, о приоритете закона над идеологией, над телефонным правом и прочей номенклатурной неприкосновенностью? Вы ведь так блестяще разгромили подобную практику! — говорил Камалов, не сводя испытующего взгляда со своего собеседника.

— Ах, оставьте, — раздраженно отмахнулся тот, — теория — одно, а практика — совсем другое. Вам ли это объяснять. Ведь и вы, наверное, не так просто дослужились до генеральских погон.

— Да, непросто... — задумчиво ответил Камалов. — А впрочем, — продолжал прокурор после затянувшейся паузы, — мне кажется, Первый одобрил мой поступок. Он, видимо, знает, какой вред может нанести Арипов, оставаясь на свободе. К тому же он сказал, что ЦК не будет вмешиваться в дела правовых органов, отчего же вы расстраиваетесь? Ведь это вполне в нашей с вами компетенции. Я вам такие документы покажу, что у вас пройдут все сомнения и тревоги, — закончил он.

Сухроб Ахмедович в ответ потряс головой, как бы поражаясь наивности прокурора.

— Да, не ожидал я от вас такой прыти, — гневно сказал он. — Поймите, Москва — это одно, а Восток — другое. Вы что, на самом деле поверили, что Первый в восторге от вашей акции?

— По крайней мере у него арест Арипова не вызвал возражений. Помните, он лишь сказал: «Арестовали так арестовали». Зачем ему вмешиваться в дела какого-то директора совхоза?

— А где сейчас находится товарищ Арипов? — вдруг резко перебил его Акрамходжаев.

Камалов посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас, думаю, он уже подлетает к Москве, а через два часа будет в следственном изоляторе КГБ...

Тут выдержка окончательно изменила Акрамходжаеву. Он заметил побледнел. Важность, с которой он всегда держался, вмиг слетела с него. Казалось, у него подкосились ноги — он плюхнулся в кресло и устало проговорил:

— С вами не соскучишься. Дали бы хоть Первому переговорить с ним... А впрочем, вы правы, зачем ему такая встреча, — наконец-то совладав с собой, произнес Сухроб Ахмедович. — Извините меня, у нас такие решительные поступки случаются редко. Я поздравляю вас, ибо знаю, как вы рисковали, взяв на себя такую ответственность...

Они расстались, но мысли об Акрамходжаеве не оставляли проку-

рора. Отчего такое негативное отношение к аресту Арипова у заведующего отделом административных органов ЦК? Разве он не понимает, какая угроза исходит от хана Акмаля, пока он находится на свободе? Почему он так близко принял арест директора агропромышленного объединения? Что кроется за его первой реакцией — раздражительностью и почти обморочной бледностью? Почему он еще больше огорчился — это было заметно, — узнав, что аксайского Креза переправили в Москву? Ни на один из этих вопросов не находилось какого-нибудь вразумительного ответа. Очевидная растерянность Акрамходжаева как-то не совмещалась с его мировоззрением, получившим столь широкую огласку в крае. Хуршид Азизович моментально вспомнил его блистательные статьи, некоторые из них он читал по два-три раза, столь оригинальны, свежи по мысли и смелы были они. И вдруг: «теория — одно, практика — другое». Это никак не вязалось с автором тех определенно выстраданных душой публикаций. Такое не могло родиться в равнодушном и холодном сердце, подобное мог написать только человек незаурядный, неординарно мыслящий, юрист с глубоким умом, аналитическим мышлением. А между тем за время совместной работы он не слышал от Акрамходжаева ни одной даже близкой по звучанию к тем знаменитым текстам фразы. Ни одна идея, исходящая от него, не отличалась оригинальностью. Слово Акрамходжаева подменили после его триумфа. Что бы означала столь разительная метаморфоза?

Вернувшись к себе в прокуратуру, он тут же вызвал начальника отдела по борьбе с организованной преступностью полковника Нигматова, с которым они вместе вернулись из Аксая. Только что проведенная операция дала Камалову возможность увидеть в деле людей, рекомендованных его бывшим учеником, генералом КГБ Бахтияром Саматовичем Саматовым, и он остался ими доволен. Лучшей проверки, конечно, и придумать было нельзя.

Как только начальник отдела вошел в кабинет, Камалов попросил секретаршу ни с кем его не соединять по телефону.

— Ну, как среагировали в ЦК на нашу операцию? — спросил полковник. Он знал, что акция проводилась без согласования с верхами, и переживал за прокурора Камалова, с которым ему предстояло теперь работать.

— Вынуждены были смириться с фактом, — улыбнулся прокурор. — Но наша операция, как мне кажется, кое-кому сорвала определенные планы... У одного человека при сообщении об аресте проявилась такая нескрываемая досада на лице, что он теперь явно сожалеет о своей несдержанности...

— Если вы имеете в виду Первого, — прервал его полковник, видимо, считая, что Камалов не знает до конца местных хитросплетений, — то он иначе и не должен был реагировать. Они с ханом Акмалем давние приятели.

— В том-то и дело, — возразил Камалов, — что Первый довольно равнодушно встретил известие об аресте Арипова.

Теперь пришла очередь удивляться собеседнику:

— Так кто же этот человек?

— Сухроб Ахмедович Акрамходжаев, — почти торжественно сказал Камалов.

— А ему-то отчего сожалеть? Он должен только радоваться. Всем известно, что Акрамходжаев — человек самых передовых взглядов, — возразил Нигматов.

— И тем не менее...

— Право, не знаю, как отнестись к вашему известию.

— Думаю, что нам следует взять его жизнь под микроскоп. Возможно, именно через него идет утечка информации.

— Не много ли будет — две противозаконные акции за неделю? — шутиливо спросил полковник.

Но прокурор продолжал:

— Надо выяснить, к чему он проявляет особый интерес, и при возможности не ставить его в известность о наших ближайших планах. У меня возникли самые серьезные сомнения в авторстве этих знаменитых статей, сделавших Акрамходжаева популярным в народе юристом. Пожалуйста, добудьте мне его докторскую диссертацию и наведите справки, как проходила защита, кто был оппонентом, в каких библиотеках Сухроб Ахмедович собирал материал. Там должны быть ссылки на очень редкие издания, но теперь, мне кажется, что он вряд ли держал их когда-либо в руках. Также мне бы хотелось быть в курсе того, как он попал в аппарат ЦК, ведь Акрамходжаев не был и дня на партийной работе. Кто рекомендовал его туда?..

В тот же день, незадолго до ухода Камалова с работы домой, у него в кабинете раздался телефонный звонок. Звонил из Прокуратуры СССР Виктор Сергеевич Рогов.

— Ну и наделали вы, Хуршид Азизович, переполох в Москве! Вот только что со второго подряд совещания вернулся. Отстояли мы вас, да и следователь наш по особо важным делам не подвел, крепкими аргументами запасся. Как чувствовал, что у Арипова в Москве множество покровителей. А как у вас?

— У нас, как мне кажется, дебаты по этому поводу впереди. Пока многие находятся в шоковом состоянии. Телефон у меня звонит непрерывно, отовсюду просят подтвердить арест. Многим кажется, что случившееся нереально: арестовать Арипова, депутата, выдающегося хозяйственника, и прочая, прочая...

— Если будет туго, ставьте нас в известность, в обиду не дадим. Не забывайте о... — и тут разговор неожиданно прервался.

«Неужели меня прослушивают?» — мелькнула мысль у прокурора Камалова.

Окончание следует

Вы все со мной

Александр РАДАШКЕВИЧ

* * *

В срок дождливого забвенья, в голи
рваной октября взор зеленый
не пригрею, шеей плеч не обведу,
в самый долгий в доле вечер пол-
слезы не отопью из налитой
вздохом чаши. Что со мною
натворили? Я нечаянно достался
вам, умытый звонкой далью. В глыбу
гиблой вашей устали ветер
мой замуровали.

7—9. X. 1987. Палезо

Мне не бывает скучно никогда,
как в юности — порой огромной,
но так же страшно иногда и больно.
Как жили славно: было ей не до
меня, когда разматывались дали
и близь цвела у рук. Я помню.
Не от того, что сумрак одиноков,
мы умереть старались в марте.
Теперь тенями густо населен
и время льется плотной тканью,
разматывая взор часами,
и скуки страстной нет,
чтоб воскрылить,
и рук моих теперь не выпускает
пора моя. А мне не до нее.

15. IV. 1978. Пб.

ДРУЗЬЯМ

Для тебя я, подранок
мой зимний, эти зряшные пени
берёг на губах, что ловили
губы, и в глазах, что из детства
плывут,
для тебя нарождаюсь
и никну в новый срок на
стежах пустоты, раздуваю
промерзшие звезды для тебя
в предзакатной золе;
дни
в безбедном остроге свободы,
ночи в омуте стекол и стен,
ветер встречи и парус разлучный
для тебя, о тебе, над тобой.

28. III. 1989. Палезо

И даже те, на чьих устах мое
простыло имя, вы
все со мною у стекла в сей
час — прозрачным лбом. Я
с вами столько лишним
лет не падал в тишину
стремглав, а снег ночной в моем
окне так мается о нас, как
будто вы еще верны
несказанным словам, как
будто даром я возмог
чему-то изменить, как
будто скудная зима простит
нам враз судьбу —
сумятицу — за схлесты глаз
в полночный снегопад.

14. XII. 1981. Нов. Гавань

* * *

Никогда, никому, нигде — оставляю
тебя

Уфе
на мосту с замалеванной ржой,
за диванной трухой в коленкоровых
ямках угвожденных дверей, оставляю
тебя

мечте
о себе, кто бессонья робей, обо мне, кто
на сны обрек, — распредолгим твоим глазам
над пунктиром игрушечных уст, — оставляю
тебя

беде,
поручая тебя себе. Знай, уже никогда —
из себя — ты не выырнешь мне вослед. Но
так пальцы твои дрожали, как

последней
в последнем
свете — над рекою
оленья
тень.

* * *

Это был живой
наш, ломкий остров
с тропами и призрачным
зверьем, гротами и
с птицей долговязой,
постигавшей зряшные
слова.

Под глухой,
тяжелою водою
там уже меж кольев
волчьей ямы лес
кораллов и в луче
играет рыба стая
крестиком на ленте
голубой.

12. IV. 1989. Палезо

29. VII. 1989. Уфа.

ЭТОТ ДЕНЬ

Из цикла «КРУГ РАЗЛУЧЕНИЯ»

И этот день быть без тебя,
проволочась в назначенных теснинах,
как червь слепой. И этот день
неспешно пить густую боль,
крепленный мед разлук. И этот день
хранит тебя, как камень — звук и дерево —
слезу в незримой глубине. И этот день
живет твое лицо, как пламенная память
о сущих пустяках... И этот день —
о далях взора, павловской тропе,
о хрупкости, виновности, зиме. И этот день
будь проклят! Так тебя люблю, как душу
прошлую и нежный прах земли. И этот день,
сгорев, тебя мне не отдаст, меня —
тебе и сбросит в ночь, как в ров.

17. IX. 1977. Пб.

СТИПЕНДИАТ
СОВЕТСКОГО ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ЮНЫЙ ПИАНИСТ
АЛЕША НАБИУЛЛИН:

**«САЖУСЬ ЗА РОЯЛЬ,
ЧТОБЫ СЛЫШАТЬ
МУЗЫКУ...»**

*Он чем-то похож на великого Шостаковича.
Нет, не профессионально — об этом судить не берусь.*

Чисто внешнее сходство:

глубокий задумчивый взгляд из-под очков.

И внутреннее: преданная любовь к музыке...

*А еще очень напоминал мне Алеша
с первой нашей встречи всем известного*

Знайку из любимой с детства сказки.

И это сходство не только внешнее —

для двенадцатилетнего человека Алексей слишком,

как мне показалось, самокритичен,

слишком серьезны его попытки

понять себя и непростой мир вокруг нас...

ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА

В Центральную Московскую музыкальную школу при консерватории Алешу приняли в 10 лет. С тех пор он живет в столице. Сам. Единственный близкий и родной человек, мама, осталась в далеком Норильске, где она преподает в музучилище, где впервые в пять лет сыграл что-то связное на пианино Алеша, где живет и работает второй после мамы педагог — Светлана Семеновна Трофимова.

— Мужественная женщина твоя мама: решиться на такое — отправить десятилетнего ребенка в Москву!

Алеша не слишком разговорчив, а мне так хочется услышать что-нибудь еще о его маме.

— Ну, она ведь тоже музыкант. Мама, наверное, первой поняла, что я смогу чего-то добиться. Вот и привезла меня сюда. Оказалось, я, действительно, неплохо играю.

За этим «неплохо играю» сегодня — виртуозно исполняемые Рахманинов, Шопен, Бах, Прокофьев. Рукоплескания залов в Москве, Торонто, Триесте, Любляне.

И все же самой большей победой в своей жизни Алеша Набиуллин считает красную книжечку с лавровой ветвью и лаконичной емкой фразой: «Мы верим в тебя». Мы — это весь взрослый мир. А именная «корочка» — удостоверение стипендиата Советского детского фонда имени В. И. Ленина, которое Алеша получил в апреле 1990-го в Рахманиновском зале Московской консерватории. Ежемесячная стипендия Детского фонда до совершеннолетия Алексея — серьезная материальная поддержка для юного талантливого пианиста и его мамы. Но не менее важно Алеше и то, что в него поверили, ему дали возможность поверить в себя еще и еще раз.

— Я не говорю о своей сти-

пендии открыто и всем. Но помню об этом всегда. Ведь я могу этим гордиться?

Алексей человек скромный, но знающий себе цену. И что довольно необычно для его возраста — трезво, даже философски мыслящий. Я поинтересовалась, что больше всего запомнилось, поразило его в Канаде, где Алеша побывал под Новый год на параде Санта-Клауса вместе с пятью другими стипендиатами Детского фонда.

— Конечно, сам парад. Еще Ниагарский водопад: в нем музыка воды. Но больше всего поразила уровень восприятия людьми музыки. Там, в Канаде, наверное, очень много высококультурных людей. Знаете, как они слушали моего Рахманинова!

И ни слова о подарках, об игрушках. Может быть, это не так уж и хорошо, подумалось мне. В двенадцать лет забыть о развлечениях и обычных детских радостях... Впрочем, откуда им быть в сегодняшней жизни Алеша и многих таких же, как он, талантливых ребят — тонких умом и мудрых душой от природы. Ведь таланту так необходимы если не тепличные условия, то хотя бы чуткие руки и сердца надежных взрослых людей.

ПУСТИТЕ ТАЛАНТ НА ВОЛЮ!

— Живем мы в интернате, по несколько человек в комнате.

В восемь утра подъем. Потом формальная, никому не нужная зарядка. Потом завтрак. Потом школа. Вечером, часов в 6, мы должны быть дома. Сиди как на привязи. С нами — воспитатели. Но мне кажется, им до ужаса скучно, неинтересно с нами. Скорее, они выполняют функцию жандармов. Первое время боишься их окриков и угроз написать маме, потом привыкаешь. А если бы были вечера свободные, я бы ходил в театр, на концерты, выставки. У меня уже есть друзья среди взрослых музыкантов. Так нет же — маленький, сиди в интернате. Я просто чувствую, как испортился за эти три года в интернате. Самое страшное, что иногда месяцами не возникает даже потребность читать!

Мне кажется, наши воспитатели должны быть тоже музыкантами. Или, по крайней мере, интересными, добрыми людьми. Не серыми...

Резюме из этого единственного более-менее продолжительного Алешино монолога за все время нашей беседы давно сделал известный классик: «Бытие определяет сознание». Горько от мысли о том, что взрослым людям, которым посчастливилось работать не с трудными, брошенными, вольными, а с талантливыми детьми (теми, кого на Западе называют генофондом нации), — не до них, не до их проблем и желаний, не до их слез и радостей.

Хорошо, еще повезло Алеше — педагог его, Сиявуш Иршадович Гаджиев, — настоящий друг, а отчасти наверняка и отец: родного Алеша не помнит.

ВСЛУХ О МУЗЫКЕ

Я слышала в исполнении Алешы Набиуллина прелюдии и «Музыкальный момент» Рахманинова. Извлекаемые им из черного рояля звуки были настолько сильными и трагичными, что — стояло закрыть глаза — на месте маленького Алеша тут же возникал образ взрослого высокого пианиста в строгом черном фраке. Откуда в худеньком мальчонке такая недетская сила и страсть? Ведь Рахманинов писал это явно не для двенадцатилетнего!

— Мне нравится Шопен. А вот Прокофьев сначала не нравился. Потом я понял, что это было просто непривычно. И что не надо сравнивать разных композиторов — это очень сложно. Ведь они такие разные... А еще — поворот мысли моего собеседника мне показался неожиданным — очень мне нравится физика и история. Особенно история мировой культуры. Люблю литературу. Пушкина, Тургенева — его чудесные «Записки охотника». Жаль только, в нашей библиотеке почитать почти нечего...

И снова мы вернулись к музыке.

— Недавно я полюбил Баха. Это трудно, но я, кажется, понял очень важное и теперь, когда я исполняю музыку, я ее стараюсь слушать сам. И слышу. И понимаю заново.

...О МАМЕ, О ВЕРЕ И О СЕБЕ

Домой, в Норильск, Алеша приезжает на зимние и летние каникулы. Скучают друг без друга оба: мама и сын.

— Раньше, в семь-восемь лет, я даже злился иногда, когда мама заставляла меня играть. Теперь понимаю — она очень добрый человек, но настойчивый. Пока я жил в Норильске, мама вся была во мне. А я вот вышел сам в себя характером. В жизни каждый человек должен иметь свое мнение. И еще я уверен: не прожить на земле без веры. Когда бывает трудно я перечитываю Новый Завет. Мне очень понятна эта древняя книга. Она так помогает в жизни...

«Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами».

Из послания к финикийцам Святого Апостола Павла.

Татьяна КУКУНОВА
Фото Анатолия ЗЫБИНА

Альберт ЛИХАНОВ

МУЖСКАЯ ШКОЛА

РОМАН

Часть первая

ДРЯННЫЕ МАЛЬЧИШКИ

1

Как кончается детство?

Как и когда, в какой день и в какой миг оно отлетает от нас?

Вот ведь смешно — кого и сколько об этом я ни спрашивал — никто ничего толком не помнит. Одни говорят, это случилось в седьмом классе, другие вспоминают ремеслуху. Мой старый знакомый, когда я стал тянуть из него жилы, ответил, нахмурясь и отворачивая взгляд: «Когда мать померла», — и мне стало неловко от того, что своими разговорами заставил его снова вернуться туда, где было ему горько и одиноко, хотя сейчас он вполне благополучный человек.

И вот что я еще установил. Мало кто точно называет это мгновение — когда кончилось его детство, но все замечают, что кончилось оно, столкнувшись если и не с бедой, то с чем-то очень трудным.

Правда, одна пожилая женщина, засмеявшись, сказала мне, что лично у нее детство не кончилось и никогда не кончится.

— Что же, — спрашивал я ее снова и снова, — так и не повзрослели?

— Повзрослела! — говорила она, — И неприятности были! И беды! А детство не кончилось, нет!

Она звонко смеялась — ну совсем как девчонка, на самом деле! — а я ей не верил. Нет, она прикидывается.

Или ей очень повезло.

2

Мое детство кончилось не сразу, не оборвалось в один миг. Какая-то незримая сила отнимала его не тó, чтобы по частям,

а рывками. Впрочем, вполне может быть, что и по частям, и рывками — сразу.

Отчетливо помню эту, почти физически прочерченную черту: и уход отца на фронт, и добрая моя учительница Анна Николаевна, и первая книга из детской библиотеки, и шакалы из восьмой столовки, и лучший дружбан Вовка Крошкин, и мир, слившийся у реки в одно космическое страшное неизвестное звездное небо, и даже победа, и даже возвращение отца — все это вдруг оказалось где-то за плечами, в прошлом, хотя какое может быть прошлое у человека двенадцати лет от роду? И все же в прошлом, потому, что я ничего не мог сообразить о будущем, кроме, разве, примитивного знания, что раньше нас по всем предметам учила одна учительница, а теперь их будет много, и что учебников, начиная с пятого класса — целая куча, зато прошлое тянуло меня к себе назад своими краткими и теплыми мгновениями, из которых — сладких и ярких вспышек — складывается цепочка приятных воспоминаний: вот я говорю с учительницей о чем-то совершенно не обязательном, и уж совершенно не об уроках, а поэтому совсем не боюсь ее, не трепещу перед ней, не трясусь за отметку — просто мы говорим, пусть и не равные во всем, но в чем-то равные, потому, что мы люди, а раз ничего меня не угнетает, мне хорошо, и вот это спокойствие, вот эта моя уверенность очень приятны для детских и не только детских — воспоминаний. Вот Нинка Правдина — ей теперь совсем в другую сторону, а Вовка Крошкин тоже исчезает с моего горизонта, потому, что есть поближе к его дому новая школа, куда берут его, и так получается, что я оказываюсь совсем один!

Ну не один — ясно же! Мама рядом, и отец, он вернулся с войны, кончились, наконец, все эти войны, но все дело в том, что в школу, когда тебе двенадцать, ведь с родителями не попрешься, да и у них свои дела, а у тебя свои, и все вокруг называют тебя взрослым человеком.

В общем, в начальной школе, до конца четвертого класса, мы учились все вместе — мальчишки и девчонки, и это обстоятельство эти четыре года, проведенные вместе, нас крепко испортили. Не знаю, как девчонки, а я к пятому классу, к переходу в мужскую школу, оказался ну совершенно не подготовлен. Ни на капельку.

Все были виноваты — и учительница наша распрекрасная, и мама, и сами, конечно, мы. Но нам-то откуда было знать — как придется жить дальше.

А пришлось.

Девчонки пошли учиться в женскую школу, а мы — в мужскую.

Короткое прошлое рухнуло, и я, чем дальше жил, тем отчетливее понимал: мое доброе детство мне не помощник.

Наоборот, о нем надо забыть, и как можно скорее.

Мужская школа была липкая и клейкая.

До начала занятий мы были там с мамой не раз и не два — сначала приносили заявление, но, оказалось, мама забыла свой паспорт, а без родительского паспорта все эти хлопоты по переводу из одной школы в другую были недействительными, и мы приходили еще раз, а потом пришлось покупать учебники, и я выстоял не очень большую очередь к двери в раздевалку, только дверь эта была перегорожена столом со счетами и недовольная тетка раздраженно щелкала костяшками, подсчитывая, почем стопка учебников то для седьмого, то для десятого — для пятого оказалось тоже вовсе не мало требуется книг.

Я сейчас совершенно не могу вспомнить, в чем была эта тетка — в каком платье, или, может, в кофте или еще чем там — но хорошо помню ее недовольство и раздраженность. Ничего плохого ни ей, ни кому другому я сделать еще не успел, да, честно говоря, и не собирался, а она уже только что не шипела на меня.

Ну это, конечно, мелочи, правда, мелочи очень часто важны, потому что как бы нагнетают настроение, создают фон, что-то такое предсказывают. Ничего мне тетка не сказала, только сумму назвала, зато щелкала на счетах так неприязненно, сухо и раздраженно, что я вышел из новой своей школы в совершенно угнетенном состоянии — и даже новые учебники, от которых приятно потягивало свежей типографской краской, меня не радовали.

Понятное дело, я уговорил себя, что тетка такая вообще, я тут не при чем, таким же макаром она щелкала на счетах для всех — ведь я же в очереди постоял, но это теткинo неудовольствие глубоко в меня залезло.

Накануне первого сентября мама прилетела с работы радостно запыхавшаяся и велела срочно идти с ней в школу, она сейчас заскочила туда по дороге, познакомилась с классной руководителем и договорилась с ней, что мы тотчас же придем вдвоем, и учительница заранее покажет класс, где я буду учиться, и, может быть, даже мою парту.

Всю дорогу мама была радостно оживлена, говорила мне всяческие фразы не то чтобы утешительного или назидательного, а скорее уверительного, если можно так выразиться, свойства. Она как бы уверяла меня. Ты, мол, не переживай: то ты учился в начальной, а теперь в средней школе, но есть ведь еще и семилетка, это, слава Богу, что без всяких на то препятствий мы сразу устроились в среднюю. Ну, а то, что она мужская, так это же хорошо, будь уверен — да и других школ во всей стране не существует: настает возраст, когда мальчики и девочки должны учиться отдельно. На это я, понятное дело, выразительно фыркнул — о чем, мол, речь,

кто этого не знает, в начальной — и то неловко было вместе, пацаны из других школ встанут, бывало, возле нашего подъезда и орут: «Тили-тили, тесто, жених и невеста!»

Одним словом, мама меня не уговаривала, а заверяла, будто она что-то знала или что-то могла сделать в своем положении, на что-то могла там повлиять и что-то выяснить. И чем больше она тратила слов, тем меньше у меня оставалось в себе уверенности.

Но вот мы пришли в школу, поднялись на третий этаж и пошли по крашеному ярко-коричневому полу.

Он был липким и клейким.

Мамины туфли и мои ботинки тихо прилипали к непросохшей краске, но отрывались громко, с этаким протяжным и влажным треском.

На громкие звуки из учительской вышла женщина и без всякого выражения наблюдала — а может, слушала — наше приближение.

— Ну вот и мы, — сказала мама почему-то виновато и посмотрела на пол. — Здравствуйте еще раз!

— Вот так всегда, — ответила учительница, взглядываясь в меня, — красят пол в самую последнюю минуту. Через неделю будет черт знает что!

Я, естественно, покраснел. Даже, кажется, температура у меня поднялась. Мне было стыдно, точно это я не вовремя покрасил пол.

Так я был представлен нашей классной руководительнице Зое Петровне Самыловой, учительнице литературы и русского языка, которой еще задолго до меня была присвоена кличка Мыло.

Но в тот час, когда мама представила ей меня, ничего лишнего мне не было известно, и привыкший к Анне Николаевне, привыкший к тому, что Анна Николаевна, а значит, любая учительница, умеет помочь и защитить, я согласно и доверчиво шел следом за Зоей Петровной и за мамой в класс, где должен был учиться, примерялся к парте, которую она мне указала, и к месту на этой парте — ближе к окну на второй от учительского стола, в среднем ряду.

— Придешь перед уроком и смело занимай свое место, — сказала она голосом, ничего не выражавшим, и это тоже меня не насторожило, потому что прежде чем хоть что-нибудь выразить голосом, надо что-нибудь и чувствовать, а чтобы чувствовать, надо другого знать.

Она же меня не знала — какие обиды!

Наутро первого сентября, ясное дело, я был на ногах спозаранку, надраивал ботинки кремом, раза три перевязал пионерский

галстук — как раз в это время были отменены зажимы и галстук требовалось завязывать узлом.

Объясню — в чем дело. До войны, да и в войну тоже, очень многие галстуки не завязывали, а почти у каждого был такой металлический зажим. Просовываешь в него концы галстука, подтягиваешь, как тебе удобнее, и щелкаешь зажимом — все! Просто и красиво, к тому же на зажиме нарисован красный костер. Но вся беда в том, что застёжки из металла, и, наверное, его не стало хватать — ведь все же война. Вот какой-то экономный — и правильно экономный! — человек решил зажимы отменить, а галстук завязывать узлом.

Галстуки эти тоже были разные — из простой красной материи — кумача или штапеля я уж не знаю — грубая такая ткань, и, конечно, шелковые. Шелковые, ясное дело, были не у всех, но к сорок седьмому году — два года после войны все же! — они стали появляться, и у меня такой галстук был. Но шелковый галстук надо завязывать на раз. Перевяжешь — он уже мятый. Так что надо снова подглаживать.

Я разок завязал — не получилось, погладил галстук утюгом, второй — еще погладил, с третьего раза вроде вышло. Оглядел себя в зеркало — белая рубашечка, красный галстук — все как положено. Сверху мундир натянул.

А как его еще назовешь?

В те времена ведь почти все в форме ходили. Ну ладно — военные, это понятно, ну ладно — гражданские летчики. Но форма — у каждого своя! — была у связистов, у лесников, у железнодорожников, у речников — кто на речных пароходиках, самых даже маленьких, плавают или просто, например, в каске речного вокзала сидит. У ребят, которые в ремеслухах учились.

А у школьников — как же без формы? Да еще какой! Мальчишки носили черного цвета кителя с металлическими пуговицами, девчонки — коричневые платья с белыми воротничками и черные передники с какими-то дурацкими крыльями на плечах. Черно-коричневые бабочки!

Вообще, с черным цветом у нас все было в полном порядке. Чтобы кто-нибудь из ребят или мужиков красную рубашу надел? Или женщина молодая — красное платье? Ну, женщинам, может быть, что-нибудь позволялось слегка голубоватое, например, но не очень яркое. Зеленоватое, но густых, темноватых оттенков. Зато все остальное — коричневое, темно-синее и черное. И не знаю я, чтобы такие указы, например, издавались, запрещающие яркие, броские цвета, а вот все же никто не осмеливался выделиться, выбраться из черно-сине-коричневого тона.

Словом, я натянул свой черный китель, верхние пуговицы не застегнул — красный галстук оттуда вырывается горячим огнем —

не по правилам, но красиво! — провел рукой по стриженной башке. Эх!

В школу нестриженными не пускали. Это наша бывшая начальная давала послабление, да и то Анна Николаевна нет-нет да и начнет мягкий разговорчик о вшах и гнидах. А в мужской нас заранее предупредили — нестриженным нельзя. Причем, никаких полубоксов и даже боксов. Полный нуль!

Нулевкой — объясню для незнающих — называется такая стрижка, когда все с головы машинкой состригают. Без остатка.

На всю память мою останется маленькая парикмахерская над оврагом, неподалеку от нашего дома. Кресел пять или шесть там было в мужском зале, и лишь изредка я видел, чтобы здесь брились взрослые мужчины — все всегда приходили бритыми, видно, деньги сэкономили. А вот стричься — всегда очередь. Под первое сентября — целая вереница, с хвостом на улице, и одна парикмахерша, имени которой я не знал, а вот отчество распрекрасно — Никаноровна! — в эти дни стригла только ребят. Ясное дело, электрических машинок для стрижки в ту пору не было, и Никаноровне, толстой, почти квадратной — на какие же, интересно, харчи? — приходилось всю работу правой рукой — как рука не отпадала? Заходить своим агрегатом она любила со лба, прорезала белую дорожку сквозь чубы и лохмы, и ей, похоже, доставляло удовольствие вот так уродовать народ. Почти все до единого, кого она так простригала, теряли свою уверенность начисто, сжимались, моля только об одном — чтоб машинка не сломалась. Никаноровна, будто чуя свою власть над пацаном, временно изуродованным ею, не то чтобы подхихикивала, но вполне определенно улыбалась. А самых жалких иногда подбадривала:

— Не бойсь, сейчас сделаю красавцом!

Ну, а колкий обстриженный шар мальчишечьей головы доставлял ей истинно художественное удовольствие.

— Эх, какой гладенький да ровненький! — и рывкала над ухом. — Освежить?

Некоторые освежались, и я тоже пару раз, но это выходило чуть не вдвое дороже, да и башку щипало от тройного одеколona, так что, с малолетства обученный мамой, я обычно успевал отказаться от освежения, и все удовольствие обходилось в рубль пятьдесят. И пока ты расплачивался в кассе под взорами подуставшей очереди, Никаноровна успевала наполовину оболванить следующего — дело шло спору. Так что роль толстой парикмахерши — ну еще нескольких ее товарок — в школьном деле была чрезвычайно велика: за какие-нибудь два-три-четыре дня перед сентябрем оголеть начисто тысячи мальчишеских голов — пустых и не очень, — чтобы все мы в одинаковых кителях с блестящими пуговицами, с одинаково остриженными головами, одинаково выглядывшие

одинаковые пацаны отправились в школу за одинаковыми для всех граждан знаниями.

Из этой одинаковости я ухитрился выпустить шелковый галстук, который отличался особой яркостью, тремя верхними пуговицами кителя, расстегнутыми против правил и воротничком белой нарядной рубахи.

Так ходили некоторые пацаны, я ничего не изобрел своего.

Все эти подробности про шелковый галстук и верхние пуговицы нужны здесь вовсе не для того, чтобы затянуть действие. Дело в том, что внешнее отличие одного человека от другого играет, оказывается, важную роль. Вроде — ну подумаешь, галстук из шелка — что за дела? Кстати, он, может, был даже из вискозы, я, честно говоря, до сих пор не знаю, что это такое, предполагаю просто, что это чуть похуже шелка, но такого же яркого, нарядного цвета — ну так вот, он, может, был из другого материала, но все же был ярче и наряднее, чем у других, а этого уже хватило кое-кому для кое-каких совсем для меня неожиданных размышлений.

Напомню снова — я жил как бы на острове все свои первые четыре года. Хотели они того или нет, но девчонки, с которыми мы вместе учились, бесспорно, влияли на нас, мальчишек. Что-то такое неизвестное нам, ну не то, чтобы заставляло нас искусственно подтягиваться, а не позволяло распускаться. Да еще Анна Николаевна.

Она владела нами всеми. Мы были ее — не то чтобы только учениками, а ее детьми. Не родными, нет. Но очень-очень близкими. Она как-то так незаметно все про нас знала. Или, может, чувствовала, и когда наступал какой-нибудь такой удивительный момент, она всегда заглядывала тебе в глаза. Очень коротко взглянет — и все! И осадит! И тебе все станет ясно! Даже, может быть, стыдно. Я не знаю, как это называется — вот такое умение быть рядом с детьми, не лезть к ним, не мешать, не читать нотации, но в самую нужную минуту вдруг взять и что-то такое сделать Повлиять. И мы под влиянием Анны Николаевны никогда не думали, что у одного какой-то там, понимаете ли, пионерский галстук красивее, потому что он из другой материи и ярче.

Не знал я и не гадал, собираясь в новую школу, что есть у людей жестокая ненависть, возникающая только по той причине, что у него — или у них — этих ненавидящих, нет того, что есть у тебя, ненавидимого.

А кроме того, такая ненависть не объясняется. Тебе достается, и все. — И ты понять не можешь, в чем дело.

А дело в людской мерзости. И чем мельче — или младше — люди, тем мельче — или зеленее — их ненависть.

Ненависть, оказывается, тоже бывает неспелой и кислой, как незрелое яблоко.

С бьющимся сердцем приближался я к новой школе. Чем ближе подходил я к последнему углу, за которым открывался поворот, новая улица и на другой ее стороне четырехэтажное красное неоштукатуренное здание, тем явственнее ощущал свое одиночество. Мальчишки впереди, позади меня, на обочине дороги шли кучками, по четверо-пятеро, изредка вдвоем, а я был один-одинешенек. Надо же, ни одного пацана из бывшей моей начальной не перешло сюда, не с кем даже словечко молвить!

Шаги мои становились все тяжелее и медленнее, ноги не хотели передвигаться, наконец я вышел из-за старого двухэтажного дома, школа двинулась навстречу, нависая надо мной, и я просто физически ощутил, что она смотрит на меня, как та тетка, которая продавала учебники, — недовольно и неприязненно, будто я уже успел крепко перед ней провиниться.

Одиночество! Каким горьким вкусом обладает это чувство в двенадцать неполных лет! Но разве мог я допустить в эти щемливые мгновения, что одиночество это еще не самое страшное испытание, и не раз и не два я еще подумаю об одиночестве как о спасительной пещере, где ты обладаешь небывалой ценностью — покоем и тишиной и где ты сам с собой...

Стараясь ни с кем не столкнуться и ни на кого не налететь, я вошел в школу, преодолел кипящее мальчишками фойе, пробрался по такой же бурлящей лестнице и вступил в коридор, похожий на передовую линию неистового фронта.

И в фойе, и на лестнице, и в коридоре народ не ходил, не двигался, а метался. Школа была средняя, а это значит, учились тут люди разных возрастов — от первышей до десятиклассников, но ни мальшей и ни старшеклассников я не заметил, зато все остальное разноперье походило на сбесившийся, сорвавшийся, сумасшедший водоворот. Пацаны бежали сразу во все стороны — вдоль и поперек коридора, никого, кажется, при том не замечая, но это было ошибочное впечатление, потому что каждый был хищником и каждый охотился на каждого, соблюдая, понятное дело, первое правило закона джунглей, по которому сильный нападает на слабого, а слабый только защищается, но никак не наоборот.

Потом, правда, я узнал, что бывают исключения и дуботол-семиклассник вполне свободно нападал на восьмиклассника похилее — впрочем, и здесь исключение лишь подчеркивало правило — не табель о возрасте, а только сила была управительницей жизни. Одна сила.

Фойе и лестницу я одолел все-таки сносно, чуть выдвинув локоть и стараясь на скорости проскакать опасные заторы. Но

пройти коридор до своего класса в этом бессмысленно одичавшем хаосе не было никаких надежд. Едва я переступил порог коридора, как портфель вылетел из моих рук, больно ободрав ладонь. Я обернулся, но пацаны, напавшие сзади, уже ширялись возле стенки, выдавливая с двух сторон тех, кто оказывался в середине.

Я было наклонился, чтобы поднять портфель, но по нему пнул какой-то кретин класса примерно из седьмого с такой силой, что у портфеля внутри громко всхлипнуло что-то, будто врезали живому под селезенку. Бедный мой портфельчик, наверное, пролетел бы из одного конца коридора в другой, если бы не толпа и если бы не липкий пол. Он попал в ноги одному, тот паснул, не разбирая, в стену, снова что-то всхлипнуло в портфеле, пробегавший пацан не то, чтобы наступил, а прыгнул на него, и, мне показалось, портфель заверещал.

Но это заверещал человек, какой-то пацан в другом конце коридора, послышался ругательный мужской голос, коридор на мгновение сбросил скорость, я не стал терять драгоценный миг, кинулся на колени и поднял свой верный портфель.

Потом я и сам в совершенстве овладею мастерством выбивания портфеля — подходишь тихонечко сзади, задираешь аккуратно ногу, и — р-раз! — изо всех сил бьешь ногой вниз, стараясь в удар этот еще и вес свой вложить. Не столько больно, сколько досадно — ведь из-за спины! — и обидно. Никакой силач такого удара не выдержит. Никакой.

Но мне в тот миг было не до обид. Я схватил портфель в охапку, пробежал пространство до знакомой уже двери, подскочил к парте и засунул в нее портфель.

— Эй, пацан! — постучал мне кто-то из-за спины. — Здесь занято!

Я обернулся. Позади меня лоснилось не лицо, а блин. Круглый, точно выстроенный с помощью циркуля и плотно — одна налезала на другую, — усыпанный веснушками. Подстрижен был рыжий под бокс — вся голова обкорнана под нуль, только впереди челочка, будто козырек. И вид у этого типа вызывающий, наглый, почти бандитский.

— Ты что, хлоп твою мать, — спросил он подчеркнуто сладким попусом, — ни жуя не понимаешь! Тебе же русским наречием посянут: тут занято!

Вот они, слабости гуманистского воспитания и совместного обучения! Сказать неловко — к двенадцати своим годам я не умел материться.

Слышать, конечно, слыхивал, уши ведь не занавесишь, когда мужики возле пивнушки меж собой разбираются, да и кто-нибудь из пацанов нашей начальной где-то в районе туалета порой чего-нибудь негромко и с опаской брыкнет, но так уж вышло, что

в самые развоенные, а оттого трудные и грязные годы сумели сохранить меня мои дорогие бабашука, Анна Николаевна и, конечно, мама от такого необходимейшего умения, как объяснение на нецензурном языке.

Вроде бы хорошо! А на самом деле выходило плохо!

Я онемел. Прижался к парте, будто малыш какой, и молчал. Ведь отвечать-то надо было таким же манером, а я не умел. Зато рыжий негодяй виртуозно извергал из своей вонючей пасти гнило-стные звукосочетания. Он меня будто завораживал своей ругней. Я думал, весь класс остановится, чтобы послушать виртуоза, но ничего подобного.

У доски боролись два падаана, да, похоже, вполне всерьез боролись, лиц их не было видно, они наклоняли друг друга вниз, а рубахи вылезли из штанов и мелькали их голые спины и животы, еще четверо или пятеро толкались вдоль стенки, трое совсем лошадиному ржали в углу, но были люди и другие, на них-то и рассчитывал Рыжий пес — я его сразу так прозвал про себя.

Эти другие сидели за партами или прямо на партах, перекрикивались или переговаривались между собой, но когда рыжий завел свою арию, переговоры свои закончили и внимательно стали глядеть на нас.

Я молчал. Я не знал, как сказать. Что сказать, я знал, а вот какими словами — нет. В конце концов я проговорил, сам чувствуя, как по-детски и невсерьез звучат мои обычные слова:

— Меня сюда посадила учительница.

— Какая-токая еще учительница? — театрально вскинул невидимые брови рыжий.

— Зоя Петровна, — ответил я.

— Ах, Зоя Петро-овна, ёкэлэмэнэ, — паясничал рыжий. — Но она же ежитская сила, тут не учится, пацан! Ты кумекаешь, сучий потрох? А учимся тут мы ежа те в рот. И тут, сидит Коряга! Вот он, блинская сила, обернись! Не страшно кубыть твою так?

Я обернулся. Передо мной стоял мальчишка во всем зеленом, похоже, ему перешли китель из какой-то военной одежды, и брюки тоже из военного галифе. Да и лицо у него было зеленое с зелеными полукружьями под глазами.

Он улыбался кривой улыбкой, и во рту у него блестела железная фикса.

Потом, став взрослым, я не раз спрашивал зубных врачей, могла ли быть у пятиклассника металлическая коронка — задавал такой тест. Кто говорил, что могла. Другие — что нет. Третьи ссылались на послевоенное время, когда все могло быть. И никто даже не догадался, что есть еще один вариант: накладная фикса.

Зубы у Коряги были здоровые, но редкие. Он где-то достал пару коронок и надевал их для понта то на резец, то еще куда. Фиксатые

почему-то тогда считались опасными, блатными, наводили страх одной только своей улыбкой.

Но в этом я разобрался позже. А тогда, в тот первый момент, конечно же, испугался. Стоял парень как-то скособочившись и действительно походил на болотную корягу. Был он в метре от меня, может, даже в полутора, но разило от него табачищем, кажется, до задней стены класса.

— Не бойсь, пацан,— сказал он мне,— Женюра шутит. Мое место — Камчатская область.

Он прошел мимо меня на последнюю парту и сунул туда тоже зеленую противогазную сумку.

Я наивно позволил себе на мгновение расслабиться и, вздохнув, отвернулся, как тут же получил крепкого щелбана по затылку.

Я не проронил ни слезинки на первый раз — я и сам себе удивился. Просто яростно вскинулся, но поблизости никого не было, лишь один Рыжий пес сидел у меня за спиной, но он отвернувшись, говорил со своим задним соседом — о чем-то очень увлеченно говорил, мне и в голову не могло прийти, что это он,

Я сел на место. И снова получил пребольнейший щелчок по затылку. Рыжий пес все так же мирно беседовал за моей спиной и, кажется, вовсе меня не замечал.

Я схватил его за плечо, крикнул, едва сдерживая слезы:

— Ты что!

Он медленно обернулся. Глаза у него походили на два голубоватых, совершенно круглых камешка, которые выражали недоумение в такой крайней степени, что даже, кажется, остекленели от этого недоумения.

— Что-о-о-о-о! — пропел он,— Что-о-о-о!

— Ты чо щелкаешься! — спросил я, и тут бы мне прослезиться — авось помогло. Но я энергично промаргивался и не выдавал своей слабости.

— Я — мирно-разговариваю-с-товарищем. — а-ты-меня-обвиняешь! — не говорил, а декламировал Рыжий, медленно вылезая из-за парты и, ясное дело, пересыпая слова матом. Поднялся и я.

— Да я тебя за такие дела, нарядный пионер!

Мы стали толкаться. Так молодые неумелые петушки пихаются грудками, не владея приемами серьезного выяснения отношений. Только, по правде говоря, неумелых петушков было не два, а вовсе один, и этот один — я. Рыжий пес был хоть и петушком, но вполне опытным в таких делах.

Хлопнула дверь, визгливый женский голос крикнул: «По местам!» — и Женюра, надменно ухмыляясь, отодвинулся от меня, прошипев:

— Ну, погоди! Ты у меня получишь!

Потом не раз я думал — может, надо было кинуться на него, пойти на штурм, на abordаж, прямо в классе, при всех? Нет, бессмысленна такая война. К подобным атакам надо готовить себя с раннего детства, например, с первого класса заниматься боксом или карате. Но какое такое карате в послевоенном городе? Бокс — и тот мы знали только по кино, да и вообще...

И вообще мне предстоял долгий путь испытаний.

6

Зоя Петровна чуть не полкласса перетасовала. Когда она вошла, место рядом со мной пустовало и на первой парте тоже никого не было. Первые парты вообще на всех трех рядах никто не занимал, и я понял, что здесь самые лучшие места — сзади. Ну, учительница, ясное дело, заполнила все эти первые ряды. Со мной посадила человека по имени Георгий Рыбкин.

Честное слово, мы были до ужаса похожи друг на друга — эти одинаковые кителя и одинаковые пуговицы. Не по ботинкам же следует отличать одного человека от другого! А лица? Герка был желтоглазым с оттопыренными ушами и опасным мне не показался, слава Богу. Пацан как пацан, не то что этот рыжий Женя Щепкин.

По-хорошему-то надо было поручкаться, хотя бы под партией, но присутствие за спиной Рыжкого пса меня вгоняло в столбняк. Я моллил, чтобы Зоя Петровна перевела его куда-нибудь из-за моей спины на другое место, но мольбы оказались пустыми. Он остался, где был.

Началась переключка. Учительница вызывала по фамилиям, не называя имен, не то что наша Анна Николаевна, и мне было от этого ужасно неприятно. Получалось как-то холодно, жестко и официально — эти слова я выбираю сейчас из своей взрослой жизни, тогда они, понятное дело, не приходили в голову. Мне просто все больше и больше делалось неуютно, а я уговаривал себя тем, что все переменилось в моей жизни, и вокруг меня теперь взрослый, а вовсе не детский мир, правилам которого — нравятся они тебе или нет — придется подчиниться.

Пацаны охотно вскакивали, отзывались по-разному — «здесь», «тут», «я» — и хотя многие при этом паясничали и кривлялись, мне казалось, что теперь не до шуток и что скоро мужская школа с ее переключками, крепко встряхнет и поставит на ноги...

Зоя Петровна назвала мою фамилию, я встал, сказал: «Здесь», — она на секунду оторвалась от журнала и объявила классу:

— Это наш новый ученик. Перешел из начальной школы.

— С девчонками учился? — крикнул за спиной Рыжий пес, и ничего не подозревающая наивная Зоя Петровна, молча остави-

лась на меня. Что оставалось делать? Я кивнул и совершенно преступно покраснел.

Класс расхохотался.

Так первый раз в своей жизни я почувствовал себя без вины виноватым.

Они хохотали! А я краснел, я готов был скончаться на этой парте, я ненавидел их всех — и Рыжего пса, и соседа Рыбкина, и всех остальных, по сути несчастных, пацанов — одинаково обстриженных, точно молодые барашки, под нулевку какой-нибудь Никаноровной — оболваненных, упрятанных под одинаковые кителя, подогнанных под общий ранжир, и таких похожих своей жестокостью!

Я ненавидел! Я был виноват!

Ах, эта великая способность заставить другого почувствовать себя виноватым. Мне кажется, нигде не умеют это делать столь охотно и умело, как у нас. И нигде как у нас, в нашей вольной стране, не играют в эти тяжеловесные игры с таким недетским вдохновением именно дети!

Откуда у них этот азарт — закладывать, подставлять, срамить? Ведь мальчишество прекрасно чистотой своей, своим непредательством, своей надежностью. Дождем из каких туч должно омываться растущее дерево, изменяющее начальности своей природы? Кто обучает его каверзам, непрямоте, жестокости?

Да он, все он — взрослый мир. Взрослые с любовью создают себе подобных, почти всегда желая им всяческих благ, но они же одаряют их недобрым правилом своей взрослой игры: одному подняться над другим, выхватить насильственное право властвовать не талантом, не умом, а бесстыжей готовностью оболгать, оговорить, загнать в тупик наглостью, нахрапом, провокацией, обманом.

Оговор крепок еще и тем, что его жаждет толпа. Она всегда жаждет жертв — кучка людей, вполне неплохих поодиночке, но вдруг объединяющихся всего лишь одним дурным качеством. Качество это — страстное желание узнать, что среди подобных есть кто-то, кто хуже тебя, кто от тебя отличается, кто не следует правилам толпы или невзначай из этих правил выпал.

Вот радость-то! Вот беспощадная, ничто не щадящая страсть!

7

И вновь я окунулся в одиночество. Учительница что-то там говорила, но я ее совсем не слышал. Я то пропадал из этого проклятого класса, то возвращался в него. Я мысленно был на улице, дома, толковал с Вовкой Крошкиным и Витькой Борец-

ким — где они? — я им рассказывал про Рыжего пса, и мы обсуждали, как лучше его наказать. Может, завести куда-нибудь на огород да поговорить хорошенько? Каков он, интересно, когда один против троих?

Эта идея не нравилась мне своей несправедливостью, я еще не думал, что против силы все приемы хороши. Ведь один против троих, это значит — трое на одного.

Но мои старые друзья были далеко, я оказывался опять в новой, немилой мне школе, вокруг сидели одинаково круглоголовые, чужие пацаны, и одиночество крепко сжимало мне горло.

На перемене я вышел в коридор и встал к стенке. Это была единственно спасительная позиция. Все вокруг по-прежнему коллобродило и сходило с ума, а дежурная учительница — маленькая с подстриженными волосами, скорее похожая на старшеклассницу из женской школы, нигде и ни с кем не могла поделаться. Изредка слышались ее восклицания — она восклицала фамилии знакомых ей учеников: «Иванов!», «Петров!», «Сидоров!» — но ~~еще~~ ~~ли~~ навосклицаешься, когда все носятся на бешеной скорости и с такой силой энергии, что если кого и узнаешь, то вряд ли остано-
новишь.

На какое-то мгновение — всего на мгновение! — я чем-то отвлекся и оторвал спину от стенки. Может быть, на дежурную учительницу глядел — как она кого-то там за рукав ухватила. Сразу ко мне приблизился маленький пацан, класса, наверное, из второго, я даже внимания на него не обратил, подумаешь, карапет, но он толкнул меня, и потолок, и стены кувыркнулись. Я перевернулся через спину и больно грохнулся на коленки. Из-под меня выскочил Рыжий пес Щепкин. Он тотчас исчез, а маленький пацан не убежал, стоял и лыбился, открыв шербатый рот. По инерции, плохо управляя собой, я вскочил и схватил пацана за плечо.

— Ты чо!

— Маленьких бьют! — громко взвизгнул мальш.

Будто из-под земли вырос Коряга. Он, сопя, оттер меня от пацана, краем глаза я увидел сбоку и за спиной Щепкина. Еще два незнакомых кретина прижимали меня к стенке.

— Маленьких бьет, — вкрадчиво говорил откуда-то сбоку Щепкин, — Надо же, маленьких бьет.

Он не матерился, и это было подозрительно, а я глядел в глаза зеленому Коряге. В пустых его зрачках я видел пугающее равнодушие, казалось, ему вовсе не хочется со мной связываться и занимается он всем этим скорее по обязанности, чем из желания.

Кто-то больно провел мне по спине два раза, но я не обернулся: кролик, гипнотизируемый удавом, не может отвлечься от змеиного взгляда.

А Коряга все смотрел и смотрел мне в глаза. Только теперь я сообразил, что этот парень старше меня — на год, а может, и больше, и еще я подумал, что именно потому, что он старше, я ему не интересен и у него есть другие дела.

Наконец Коряга схватил меня за нос и больно сжал его. Такого еще со мной не было. Я не знал про такое издевательство. Я не ожидал такой пакости.

Это было очень больно, слезы мгновенно хлынули из глаз — я сначала не плакал, просто слезы хлынули сами собой и все застлали передо мной.

Пацаны, конечно, растворились, я с опозданием заревел и кинулся в сторону уборной, закрыв нос ладошкой. Мне казалось, из носа хлещет кровь, но когда я ворвался в туалет, открыл кран и отнял ладошку, это оказались просто сопли. Я сунул лицо под холодную струю, мой бедный нос пылал, совершенно не готовый к таким испытаниям, но теперь спасительная влага остужала лицо, не в силах остудить обиду, и я вздохнул, отфыркиваясь водой, заревел, не пытаясь сдержаться.

За спиной шаркали ноги, кто-то что-то говорил, слышались и сочувственные интонации, но мне все было до фени.

Вообще, всяческая слабость, слезы, например, — я знаю это слишком хорошо, — далеко не всегда вызывают мальчишеское сочувствие, а очень часто, наоборот, желание добавить, поиздеваться над этой слабостью. Пятикласснику мужской школы первых послевоенных лет полагалось не выдавать своей слабости, скрывать поражение где-нибудь на чердачной лестнице, в одиночестве, не показывая виду, что ты проиграл.

Но откуда мне было знать это!

Я остудил лицо, обтер его платком. От всех этих переживаний нестерпимо захотелось по-маленькому.

От крана я перешел в очередь к посадочному очку.

Железные агрегаты с рифлеными следами установлены в школах навыrost — для вполне взрослых масштабов. А потому уж слишком часты невинные случаи, когда попки первоклашек не дотягиваются до самого очка и все, что выпадает из них, остается между железными следами туалетного повелителя.

О, эти школьные туалеты тогдашних пор — место нашего обобществления!

Да, обобществлять человеческую душу. Делать ее принадлежащей всем и не позволяющей скрыться от любого чужого взгляда можно и таким хитростным образом — нескрываемостью интимных отправления.

Какой иезуит придумал эти чугунно-стальные приборы с двумя рифлеными железными ступенями для ног, чтобы ты, не дай Бог,

не оскользнулся. А громогласная труба, время от времени взывающая за твоей спиной? Как сильно надо хотеть или каким бесчувствием следует обладать, чтобы оправиться по-большому над этим индустриальным агрегатом.

Но самое главное достоинство школьного туалета — публичная система испражнения. Дверок не положено, спрятаться не за что, и всяк страждущий должен исполнять свое дело под неумолимо свидетельствующими взглядами.

Вот оно, обобществление с малых ногтей — и какое! Самое что ни на есть основательное, не оставляющее даже самых малых надежд на наивную мысль, что ты индивидуальность, личность и у тебя есть право на одиночество, хотя бы в силу физиологических потребностей принадлежащие сугубо тебе личные три минуты или интимное пространство в пару квадратных метров.

Нет, ты вместе со всеми своими потрохами принадлежишь чужому взору и наблюдению. Тебе как бы в самом беззащитном положении твердо напоминают: ничто не тайно в твоём мире, ты гол и наг, подлежишь освидетельствованию, и всякое индивидуальное сопротивление бессмысленно...

Я взошел на эшафот в подобном же положении. Мне требовалось по-малому, и я встал в железные следы, между которыми теплился чей-то хитроство завинченный кверху остаток.

Едва я расстегнул пуговицы своих новых брюк и направил струю в нужное отверстие, как кто-то, так и оставшийся неизвестным, пнул меня сзади.

Мой петушок быстро скинулся в брюки, не остановив своего действия, а кроме того, я сорвался ботинком в неаккуратную кучку. Вот так.

И хоть я ушел с урока, но ушел, оставляя по липкому коридору зловонные следы, что породило ругань нянечек и жестокую кличку одноклассников — «Говнило».

Я уж думал — ну пусть бы «Говнюк», а то — «Говнило».

Была в этом слове какая-то особая обидность. Домой я приплелся растерзанный и грязный. К тому же на спине красовался начерченный мелом крест. До маминого прихода я тер его мокрой тряпкой, но крест был прочерчен с такой яростью, что после чистки хоть и слабо, а все равно проступал.

Мама без труда выудила у меня все подробности, да их ведь сложно было скрыть — нос посинел, а китель и ботинки... Она возмущалась, хотела немедленно идти к директору или хотя бы к Зое Петровне, или даже в милицию, а потом уговаривала меня потерпеть.

Я согласился.

Мало ли, подумал я, бывают же просто невезучие дни.

Эту противную кличку — Говнило — я услышал утром от Рыбкина. Я ничего не понимал в людях. Вчера, правда, мы с ним слова сказать не успели, но ведь он мне улыбался, приветливо пошевелил оттопыренными ушами — был у него такой талант. Но — мало ли! Разве узнаешь человека за день, да к тому же если этот день — всего лишь один урок, хотя ведь и урок может растянуться в полжизни. В общем, с утра это был совсем другой человек, и, как это потом выяснилось, неспроста.

— Ну как дела, Говнило? — спросил он.

У меня просто сердце оборвалось. И так я шел сегодня в школу будто на каторгу, под маминым — до угла — конвоем. Но нет, не для такой простой малости — вконец испортить настроение — затеял этот разговор мой сосед. Он задирался. Сразу видно.

Народ в классе насторожился. Я ответил:

— От Говнилы слышу.

Ему только этого и надо было. Он для оттяжки отъехал на свой край парты, потом ухватился за верх обеими руками и с разгону наехал на меня. Я не ожидал такого нападения и, конечно, свалился в проход.

Класс заржал.

Наверное, я был не просто красным, а пурпурным, когда вскочил. Я кинулся на Рыбкина, но все, оказывается, было отрететировано заранее. Мне наперерез кинулись какие-то пацаны. А Рыбкин кричал из безопасного места:

— Иди на другую парту! А то от тебя воняет!

— Сволочь, — крикнул я ему, сдерживаемый пацанами.

— Тихо, тихо! — деловито суетился Рыжий пес. — Косалка, пацаны, косалка! После уроков покосаетесь, а сейчас успокойся! — Это он, видите ли, обращался ко мне, меня утешал и мне улыбался, проклятый провокатор. — Ты согласен? — спрашивал он меня и даже без всякого предупреждения было ясно, что это мой последний шанс.

— А ты? — спрашивал он Рыбкина, — и тот рьяно кивал головой, сверкал глазами, изображал из себя отчаянного человека и умелого драчуна.

— Смотрите, пацаны! — предупредил, подходя к Рыжему, Корягин. — Если кто смотается, отметелим!

Это уж потом, прочитав книгу Джованьоли «Спартак», я узнал слово «гладиатор». Просто раб, назначенный для боя с другим рабом. Два раба, из которых остается жить тот, кто побеждает. Вот и мы с Геркой оказались рабами. Особенно он.

Я был загнан в угол и не мог отказаться, а ему косалкой угрожали. Правда, по-хорошему угрожали. Мол, давай, ничего

страшного, ты победишь, мы тебя поддерживаем, потому что ты из нашего класса, ты наш, а этого новичка надо отвалтузить. Причина была под рукой.

Но я всего этого тогда не знал. Не знал, что Рыбкин ведь струхнул, раз вызвал меня на косалку со страха. И с таким можно драться не боясь.

Тут я, конечно, маленько забегаю вперед, потому что все это я понял чуточку позже, а теперь мне предстояла драка с собственным же соседом. Мало приятного, согласитесь.

Опять никакого ученья не было. Я сидел на уроках и просто дрожал. Ведь я же никогда не дрался. Какие там косалки в начальной. Тут же завизжат девчонки, бросятся в учительскую, раздастся крик — нет, никто у нас такого опыта не имел, да и на улице как-то обходилось.

А тут драка. «До первой краски». Это выражение Рыжего пса. Ну и отвратная же у него раска! То ли от жары, то ли от такого вреднического характера под воком бусинки пота вечно, а в поросачьих глазах никогда никакой истины — и врет, и правду говорит не моргая, с одним выражением. Во всяком случае, мне от него ничего хорошего ждать не приходится, хоть и он шептал, когда учитель отвернется, с нескрываемой заботой: «А ты умеешь драться-то?.. Да ты не бойся!.. У него нос рыжый, ты по носу бей, сразу краску достанешь!..»

Кончились уроки. Мы с Рыбкиным, два гладиатора, двинулись вниз в сопровождении всего класса. Внизу, там, где раздевалка, никого не было, да и раздевалка была закрыта, ведь еще начало сентября и на улице тепло — в общем там тихий тупик, нянечки после первой смены протирают полы на верхних этажах, остальной народ, известное дело, как из школы вылетает — пулей, без остановки. Но Рыжий с Корягой поставили человек трех на атаке, караулить, значит, и дать сигнал, если появится какой-нибудь учитель.

Мы с Рыбкиным бросили портфели к противоположным стенкам коридора, он снял китель. Я остался как был — сегодня, между прочим, я оставил дома галстук. Было как-то глупо после вчерашнего появляться с ним.

Между нами встал Рыжий и объявил правила:

— Значит так, пацаны! Косаетесь до первой краски, в поддых не бить и ногами не пинаться.

Ладно. Я все это слышал как будто сквозь вату. Да и ноги у меня были ватными — наверное, от страха, от новизны положения, в котором никогда еще не был: тридцать стриженных голов вокруг нас, тридцать пар глаз жаждут побоища, тридцать глоток заряжены гадкими восклицаниями, гоготом и смехом — еще немного, и они залпом разрядятся в мою сторону.

Все это мне казалось неестественным, ненастоящим, как будто и не со мной случившимся, а с кем-то другим, но я просто живо воображаю, как бы это было со мной.

Увы! Герка приблизился ко мне и стукнул меня в грудь, приводя в себя. Я глянул ему в глаза, готовый увидеть зверское выражение вражды и ненависти. Но ничего этого не увидел. Рыбкин смотрел на меня внимательно, настороженно, удивленно, только не злобно. Оба его кулака были сжаты и крутились у меня перед носом. Я тоже поднял ладони и сжал их. Нет, мы не прыгали друг перед другом, как заправские боксеры, не держали дистанцию, не следовали правилам умелой драки, а, постояв, просто кинулись навстречу друг другу, схватились и стали бороться.

— Э-э! — разнял нас Рыжий пес. — Так не годится! Это не борьба, а косалка, понятно? Дратся надо! Деритесь!

Мы разошлись, и Рыбкин снова бросился на меня, больно ударив по уху. Я упал на одно колено, но тут же вскочил, крутя головой. От этого удара у меня искры посыпались из глаз. Я думал, это такое литературное выражение — искры из глаз. Ничего подобного. Белые, будто вспышки фотографа, искры ослепили меня, и страшный звон стоял в ушах.

— Дай ему! — орали пацаны. — Врежь! Трахни как следует!

Их одинаковые лица расплылись в белые шары с открытыми дырками — ртами. Рыбкин не растерялся, ударил меня в другое ухо, и я отлетел к стене, окончательно теряя ориентировку в пространстве. Но, странное дело, не эти удары меня убивали, вовсе нет, хотя я и дрался по-настоящему в первый раз, а крики, эта ненависть, берущаяся неизвестно откуда. Ведь мне улюлюкал целый класс, и это сознание убивало, угнетало, лишало сил. За что они меня так люто презирают, ведь они совсем не знают меня — я всего второй день в этой проклятой школе. Почему так хотят моей крови, моего поражения, даже, может быть, гибели? В чем я провинился перед ними? Почему не найдется хоть одного человека, который пожалеет меня, посочувствует, остановит эту дурацкую драку? Где вообще справедливость в мире? Доброта, которой так старательно все учат?

Конечно, нельзя утверждать, что будто прямо во время драки, между оплеухами, которыми щедро одарял меня мой сосед по парте, я так раздумчиво и неспеша осмысливал свое положение. Вовсе нет. Это уж потом мы способны подолгу думать о происшедших событиях, раскладывая по полочкам причины и следствия. Во время драки мысли даже мыслями-то не назовешь — ощущения меняются с молниеносной быстротой, но несколько раз мгновенно повторенное ощущение одного и того же свойства способно определить исход события.

Они орали, они свистели, они — все до единого — были против меня, а моя-то наивная душа ждала их милосердия. Вот в чем вся загвоздка! Я верил в справедливость, а ее не было. Зрители оказались не свидетелями, а участниками! Они хотели моего поражения и пришли сюда поглядеть именно на это, вот и все! Справедливостью здесь не пахло. Все против меня, и так было задумано с самого начала. Рыбкин просто их оружие, их общие, протянутые к моему лицу кулаки. И я один против всех.

Я уже получил к тому мгновению семь или восемь хорошеньких тумаков, и все — с искрами. Неплохо дрался мой сосед. Я понял, что еще немного, и он шархнет в мой нос, и так уже пострадавший вчера. И все. И я проигрываю. Хлынет кровь — первая краска, и я буду жить с вечной кличкой «Говнило».

Зверь, как известно, становится отчаянным, когда ощущает, что загнан в угол. Я почувствовал себя таким загнанным зверем. Может быть, я даже зарычал. Скорее всего, заскрипел зубами. И тут я отчетливо увидел Геркин нос. Прав был Рыжий. Нос у Рыбкина рыхлый, толстый, пухлый. Бей по нему, учил меня злодей с рыжей челкой, может быть, в шутку учил, смеха ради, поняв, что я не умею драться.

Я сжал кулаки и ударил Рыбкина в нос, но он уклонился, и я чуть не рухнул, промахнувшись.

Странное дело, несмотря на мою неудачную атаку, я слышал возгласы одобрения. Они одобряли меня!

— Давай, новичок! — крикнул кто-то. — Врежь ему! Вперед!

Это меня подстегнуло. Но какая-то такая неведомая догадка предостерегала — не лезь на рожон, прикрой одним кулаком свой нос, а уж потом...

Я победил. Но эта победа была начисто лишена всяческих лавров, бьвает и так в неумелых мальчишеских драках.

Мы кинулись навстречу друг другу одновременно, я с силой выставил свой кулак, а Рыбкин прямо носом нарвался на него, его же удар снова пришелся мне в ухо.

Я тряс головой и пошатывался, по сути проиграв, но у Герки из носа шла кровь, а значит победа причиталась мне.

Послышались разочарованные возгласы, но Рыжий пес оказался человеком слова, надо же, и я испытал к нему теплое чувство.

— Все, пацаны, все! — кричал он, — Как договаривались, до первой краски! Победил новичок!

— Да, победил! — ворчал кто-то.

— Еле на копытах устоял!

— Его бы, нежного!

— Косалка есть косалка, — отвечал Щепкин назидательно. —

Можно и одним ударом краску достать!

Приходя в себя, я глянул на своего противника. Глаза у Герки болезненно блестели, кто-то притащил ему платок, смоченный в воде, и Рыбкин положил его на переносицу. Незнакомый секундант советовал:

— Голову задери! Голову!

Мне хотелось подойти к соседу, но я не знал, что скажу и что сделаю. Пожать руку? Извиниться?

Нет, ненависти к нему у меня не было, но и любви тоже, ведь в конце-то концов все это затеял он.

Я расстегнул китель, подтянул брюки, взял портфель и вот так, в расстегнутой форме, вышел на улицу. Пусть плохо, но я победил.

На углу стояли Щепкин с Корягой. Они курили, и первым моим желанием было обойти их обоих. Но что-то помешало мне это сделать. Это что-то оказалось очень правильным. Рыжий пес хоть и дунул мне противным табачным дымом прямо в лицо, но слова произнес одобрительные:

— А ты молоток! Конечно, победил случайно, но это неважно. Главное — победить. Почаще тебе драться надо, почаще.

Странно! Со вчерашнего утра он совсем не матерился, и вот снова. Похоже, ему эта матерщина нужна, чтобы как-то так выглядеть, ну, что ли, авторитетно. Только перед кем? Меня испытать? А может, это он перед Корягой?

— Эх вы, пацаны, пацаны! — сказал невыразительно, совсем без интонаций, Коряга. — Мальшковые у вас все какие-то дела.

9

Я думаю, промолчи тогда дома о своей сомнительной победе, не расскажи маме про косалку, глядишь, все бы и обошлось, и не пришлось бы мне долгих два года — до самого седьмого класса — мыкать свою горькую судьбинушку. Да и мама, взрослый человек, ей бы разобраться как следует в том, что происходит, и промолчать, не побежать в школу, но разве можно винить мать за то, что ее ребенку достается, пусть и в честной драке. Ни я, ни она не знали тогда, что в мужской школе существуют свои правила, не думали — не гадали, что множество мальчишек, оказавшись вместе, соединяются между собой совсем на иных основаниях — эта масса становится крепче, потому что в ней нет неустойчивых девчачьих вкраплений. Структура оказывается похожей на монолит, а невидимые миру внутренние законы напоминают едва ли не масонский кодекс. Многих легко подчинить немногим, и рядом с муштрой внешней — одинаковая прическа — точнее, ее полное отсутствие, — одинаковая форма, одни и те же требования к знани-

ям, общие для всех правила поведения, которые висят в школьном фойе, — возникает муштра внутренняя, следование правилам неписаным, преступить которые во много раз опаснее, нежели правила писанные.

И выходило — человек воспитывается несвободным с самого детства. Правила, конечно, должны существовать, особенно когда тебя учат правописанию или алгебре. Но жить по правилам, придуманным взрослыми на все случаи жизни, а там, где эти законы кончаются, жить по правилам тайным, от взрослых скрываемым, а оттого и более жестоким — почти немислимо. Человек вырастает трусливым, оглядчивым, боящимся проговориться, признаться, лишней раз засмеяться.

И ведь потом, став взрослым, человек отнюдь не становится свободным. Теперь он следует правилам коллектива, который в отличие от мальчишества, своих законов — часто глупых, выдуманных, прислуживающих самым паглым и горластым, — не скрывает, а бесконечно подавляет всякую особенность.

Мы будто клятвенно согласились всей страной — каждому, кто высывается, каждому, кто умней, изо всех сил лупить по кумполу. И лучше, если это делается с самого раннего детства.

Нормальное биологическое признание, что все люди одинаковы, превращается в глупость: все — равны! Равны талантливые от рождения и закадычные бездары, равны работяги и бездельники, равны умные и тупари, и если ты по-настоящему не дурак, выгоднее всего прикинуться полным идиотом.

Ну, а если не будешь следовать правилам, явным и тайным, — пеняй на себя. Тебя как елку под новый год увешают с ног до головы такими украшениями, что жить не захочешь.

10

Одним словом, рассказал я про косалку маме, она, ничего мне не сказав, побежала к Зое Петровне, а та устроила разбирательство.

О Боже! В чем разбираться, если подрались двое? Искать третьего? Может ли быть занятие, более бессмысленное?

Она оставила нас после уроков и принялась оглядывать всех по очереди. Глазки у Зои Петровны серые, маленькие, на скуластом круглом лице никакого выражения, хоть она и желала бы выглядеть строгой. Тонкие губки поджаты, бесцветные серые волосы расчесаны на пробор и забраны сзади в жидкий пучок. Серая кофточка, серая юбка, серые чулки и черные туфли. Ничем не отличимая от нас по цвету серая училка, исполняющая свои, ей ведомые, правила.

— Говорят, у вас вчера была драка?

— Кто говорит? — спросил у меня за спиной Рыжий пес.

И тут на меня небо рухнуло. Умная учительница на такой вопрос могла что-нибудь уклончивое сказать. Например, мол, вся школа говорит. А она возьми да и брякни:

— Один ваш товарищ говорит! Ваш избитый одноклассник!

— Ого!

Зоя Петровна еще продолжала оглядывать класс поодиночке, но теперь это ей совсем не удавалось, потому что все сдвинулось и зашевелилось, и ей некого стало пристально рассматривать.

Хочу уточнить — я ведь не знал, что мама моя с ней говорила. Я подумал, это Рыбкин проговорился. Да тут выбор невелик, если один — подчеркнем это слово из выступления Зои Петровны, и к тому же **ваш избитый одноклассник**. Или он, или я.

Нет, не мог я подумать про маму, про эту ее непрошеную помощь, а Герка на меня уставился и глаза свои прищурил:

— Сука,— шептал он,— ну, сука!

— Что? — возмутился я совершенно искренне и хрястнул Герку по голове хрестоматией по литературе. В ответ он вцепился мне в плечо, но учительница нас все-таки разняла.

— О! — сказала она, глядя на меня. — Оказывается, ты не такой уж и беззащитный.

Класс заржал. По всему выходило, это я жаловался — ведь училка сама призналась. И что бы я сейчас ни говорил, как бы ни защищался — все, одной ее фразой я был приговорен в предатели! В доносители! В суки!

Расплата наступила мгновенно. Едва она отвернулась, я получил щелбана по затылку. Глупо все вышло. Получилось, что я сам на себя настучал. И сам же еще признал, что косалку выиграл мой сосед, что он меня избил и что я признаю свое избиение. Вот дурак!

Винить мне было некого, и хоть после уроков я рванулся к маме в госпиталь, чтобы узнать полную правду, как я мог ругать ее за разговор с учительницей? Самому надо молчать!

Я шел домой, глотая собственные слезы, а в ушах стоял свист. Они свистели мне — весь класс! — когда я выбегал из него. А эта бестолковая училка лишь разевала молча рот. Ее беспомощные слова тонули в мальчишеском свисте, да и вообще, что она после всего этого стоила?

Я выскочил из класса, как из огня.

11

Следующее, что мне выпало, — была «темная».

Дня два или три со мной никто не разговаривал. Кроме, конечно,

учителей. Они, как и других, вызывали меня к доске, что-то спрашивали, я отвечал очень плохо, иногда совсем невпопад, и дневник мой украсили жирные двойки. Класс на мои ответы у доски ровно никак не реагировал, но это, я думаю, потому, что вообще все отвечали плохо и классный журнал был весь в парах. Тут я ни от кого и ничем не отличался. И слава богу! Не дай Бог, если бы я еще при этом хватал пятерки. Совсем бы конец.

Словом, мне объявили бойкот. Собственно говоря, он не казался ведь странным: я только что пришел в эту школу, еще никого не знаю и никто в классе не знает меня — мало ли что учимся под одной крышей. Какие могут быть разговоры!

Но пацаны меня не замечали подчеркнuto. Прежде всего, конечно, Рыбкин. Он даже, кажется, в мою сторону ни разу не посмотрел. Шущукался на уроках с соседями сзади, спереди, сбоку, а меня будто нет. Ясное дело, я тоже молчал, ведь Рыбкин — мой враг. Рыжий пес Женюра Щепкин тоже замечал меня с особенным изумлением. Иногда, обернувшись, и смотрел на него, а он демонстративно поворачивался ко мне спиной или, еще хуже, смотрел прямо в меня, но как будто насквозь, словно я стеклянный, и обращался к человеку, который был за мной. Представьте: двое разговаривают сквозь тебя.

Другие пацаны тоже — едва я смотрел в их сторону, старались немедленно отвернуться. Это я точно говорю: нет ничего унижительнее заглядывать в глаза посторонним людям. Ведь ты же не просишь снисхождения — ты вообще ничего не просишь и ни о чем не говоришь, а просто смотришь — и то отворачиваются, так им, видите ли, противно!

Ненавидел ли я их? Пожалуй, на ненависть у меня не доставало сил. Вся она ушла на самоспасение. Вся моя жизнь теперь состояла из уговоров самого себя. Мысленно, конечно же, я говорил себе:

— Ну, ничего, в конце концов ведь можно уйти в другую школу.

Но странное дело, к старым друзьям меня не тянуло, я ведь знал, где они живут, я запросто мог бы сходить к Витьке Борецкому или к Вовке. Впрочем, слова «не тянуло» — вовсе не точны. Если уж быть до конца честным, я не решался к ним идти. Ведь они спросят, как дела в новой школе, а я что отвечу? И врать и рассказывать правду — одинаково противно.

Тогда я говорил себе:

— Ничего, они еще пожалеют!

— Я рисовал в воображении себя боксером, с мускулами, налитыми сталью, и вот я встречаюсь где-нибудь с Рыжим псом хотя бы...

Впрочем, Щепкин ведь отнесся ко мне после косалки вполне сносно, и он не виноват, что так получилось дальше. Словом,

я злости против Генюры наскрести не мог, надо было злиться на весь класс, а это так сложно — на целый класс...

— Ничего, все уладится! — успокаивал я себя. — Только бы помог какой-нибудь счастливый случай.

— Ничего, все образуется!

— Пройдет время, все повзрослеют, и им станет стыдно!

— Какой-такой грех я совершил — они же в конце концов разберутся.

Так или примерно так говорил я сам себе, но был совершенно одинок, а одиночество абсолютно противопоказано людям в пятом классе. Наверное, я сломался, и это стало видно. Мама удивлялась, что я плохо ем, ругала меня за двойки, а я совершенно не спорил, не защищался, не объяснял — словом, так не ведут себя люди. Она, конечно, тоже переживала. Ведь и взрослые люди привыкают к учителям своих сыновей. Вот и мама привыкла к Анне Николаевне, сразу бросилась к Зое Петровне, а та чего-то не додумала, чего-то принялась выяснять, да еще так глупо.

Я не раз замечал, что мама исподтишка наблюдает за мной. И вздыхает. Наконец она предложила перейти в другую школу.

Я помотал головой. Нет, я уже принял решение вынести все, и все-таки победить. Знал бы я...

Обжегшись на молоке, мама дула на воду, даже поговорила со мной об этом без отца. И правильно! Я уже научился не говорить родителям всего, если из этих откровений ничего доброго не получается.

А на завтра в классе меня избили.

Я был дежурным. Во время перемен всем полагается выходить из класса, и другие дежурные орут во все горло, наводя порядок. Орать мне было бесполезно, я просто намочил тряпку в туалете, положил ее к доске, протерев как следует перед этим, и стал у окна. Кто-то там прыгал и бесился у меня за спиной, кричал, но это уж как водится, и я не обращал никакого внимания на обычные классные звуки, стоял себе спокойно — никто меня теперь не трогал.

И вдруг я будто ослеп. Я даже ничего не понял поначалу, а в следующую секунду попробовал сорвать что-то черное, накинутое мне на голову. Ничего не получилось. Меня били.

Нет, не по-детски били, а всерьез. Лупили ботинками в поддых — и я сразу согнулся. Били кулаками по голове, стараясь побольнее заехать в лицо, попадали по ушам, и звон стоял страшный.

Я слышал топот многих ног, пыхтенье, но ни одного слова — ведь нападающих можно определить по голосу. Этот топот был похож на дьявольский перепляс — в его беспорядочности слышалась своя безумная мелодия, торопливый перестук, паузы, озна-

чающие подскок и удар — обгоняющие, достигающие друг друга, отстукивающие и вновь повторяемые.

Я пытался прикрыть руками лицо, и множество ударов пришлось по пальцам. Кто-то толкнул меня, я шарахнулся, ничего не видя, и, похоже, оказался в центре круга. Удары участились — вначале нападавшие били по очереди, а теперь все сразу. Это было ужасно, но я почему-то терпеливо молчал. Меня лупили по животу, спине, голове, изредка доставалось и ногам — но все-таки изредка. Я чувствовал — еще немного, и рухну. Но я не упал, если бы кто-то не толкнул меня, а кто-то другой не поставил подножку.

Я свалился, и тут же чей-то голос завопил:

— Атас!

Потом послышались взрослые шаги и мужской голос гаркнул:

— Всем на место!

Я барахтался на полу, стараясь стянуть с себя тряпку. Это оказалась не тряпка, а черный халат, какие носят школьные нянечки. Еще на полу я понял, что бедный мой нос все-таки разбит — из него капала кровь. Страшно болели руки. Ладони с тыльной стороны были в ссадинах. Болела спина, плечи, живот, все болело во мне и на мне, кроме, разве, ног.

Сквозь какую-то пелену я увидел директора, он смотрел не на меня, а на класс, в ту же секунду ворвалась наша классная, подбежала ко мне и стала гладить по плечам. Но от этих ее нежностей мне стало больно, я вырвался от нее и вышел в коридор.

Странно, я не бежал, а шел. Перемена еще не кончилась, в коридоре и на лестнице было полно народу, и все расступались передо мной, как перед прокаженным или героем.

Сначала я хотел пойти в туалет, и там помыться. Зоя Петровна, которая двигалась за мной неотступно, повторяла, чтобы я зашел именно туда или, наконец, в учительскую. А я хмыкнул: еще этого не хватало.

Затем я спустился вниз и вышел на улицу. Все так же уверенно и непреклонно я пересек дорогу и скрылся за углом.

Учительница осталась в школе, а я теперь принадлежал только себе, и только тут я побежал.

Рядом с нашим оврагом был еще один, там, прилепившись к склону, стояла избушка с длинными деревянными лотками, где женщины полощут белье.

Сколько раз я был здесь с мамой, сколько часов просидел на лавке с книжкой в руках или просто так, глядя, как женщины плещутся в лотках, по которым мчится прозрачная, почти невидимая струя.

Наверху, на косогоре, чуть выше конька, бьют два сильных родника. Они окантованы деревянным заборчиком, а от этой малой запруды деревянные же полутрубы направляют воду в избушку.

Я пробовал, конечно, эту воду, ледяную даже в самую жару, знал ее спасительные свойства, и теперь ноги сами несли меня к роднику.

Я упал на деревянный бортик, набрал побольше воздуха в грудь и окунул голову, пока не заломило в висках. Холод заморозил боль, и тогда я опустил в воду руки.

Потом разделся, стащил свой китель, рубашку, майку, оглядел ссадины на плечах и животе, смочил их водой.

И тут я задрожал. Зуб на зуб не попадал. Что-то такое со мной случилось. Слез не было, боли не было — только эта неостановимая дрожь. Похоже, вот так выходила из меня боль и обида.

Я подхватил рубашку, майку, китель и, волоча их по земле, двинулся в сторону дома.

12

Вечером к нам домой пришла классная, принесла мой портфель — ведь я его в школе оставил, — и долго о чем-то говорила на кухне с мамой и отцом. Но я ничего не слышал. Я лежал под одеялом, и меня трясло, хотя я выпил не одну чашку чая с малиной.

В общем, я схватил воспаление легких с осложнением на среднее ухо, и больше месяца провалился дома. Меня хотели положить в больницу, но мама уговорила врачей, взяла неделю без содержания и поначалу, пока я хрипел и кашлял, сидела со мной, отпаивая чаями и микстурами.

Потом, когда полегчало, я остался один.

Лежать целыми днями, поверьте, нелегкое занятие. Да еще если дома ни души, а на улице льет затяжной осенний дождь. Поначалу, конечно, я спал целые дни и лишь ненадолго просыпался, а потом, когда полегчало, подолгу лежал, прислушиваясь к окружающим звукам.

На комод громко тикали часы, что-то шуршало под обоями. К форточке иногда прилетала синица и стучалась, будто просилась в дом, может быть, замазку выковыривала. Иногда на улице поднимался ветер, и тогда струи дождя ударялись в стекло, царапаясь, словно живые.

Там, за окнами, холодно и неприветливо, а дома отец с утра пораньше натапливал печку, и мне было тепло и уютно.

Наверное, я все-таки поправлялся, потому что часто плакал. Незаметно, вдруг и без всяких причин глаза наполнялись слезами, а стряхнув их и сделав два-три глубоких вдоха, я чувствовал себя гораздо легче. Болезнь по-разному выходит из людей, слезами — тоже. Слезы ведь горько-соленого вкуса, это всем известно, вот, наверное, житейская горечь и выходит из нас вместе с ними.

Вы замечали? — Время в детстве течет гораздо медленнее, чем потом, и это объясняется множеством впечатлений, выпадающих на единицу времени. Повзрослев, вы не всегда замечаете дождь, солнце, громкий ход часов, шуршание какой-то живности за обоями, мысли сосредоточены на чем-то, по вашему мнению, гораздо более значительном, и все, что между этими значительными событиями, сознание словно бы пропускает, как лишнее и пустое. Напрасно!

Ведь мы живем каждую секунду, и нет пустых и ненужных мгновений, вот что. Внимательно послушать другого и улыбнуться ему, полюбоваться лучом солнца, который пробился к твоей ладони сквозь плотные облака и оконные стекла, задуматься над прочитанной страницей интересной книги, мысленно повторяя, что сказал и подумал ее герой, — когда все это происходит с нами неспеша, оставляя свой след в памяти и чувствах, это и есть нормальная скорость жизни, внушающая нам чувство наполненности и интереса. А когда, повзрослев, мы без конца спешим, подстегивая себя стремлением к важным — важным и мнимым, когда став независимыми, мы жалеем своим близким доброго слова и внимательного взгляда, считая, что это само собой разумеется, когда мы несемся вперед, мнимые удачей или делом — вот тогда-то и начинается жизнь наша, будто детский волчок, разматываться, ускоряясь и не замечая в этом ускорении своего собственного конца.

А детство счастливо тягучестью, медленностью своих дней, яркостью красок и резкостью запахов, способностью удивляться, радоваться мелочам и замечать подробности, влюбленностью в теплую речку, белоснежно-сляпящие облака, сердечным волнением при виде красивой марки, радостью обладать заветной спичечной этикеткой, ощущением типографского запаха новой книги...

Скорость детства зависит обратно пропорционально от множества событий, точнее — от множества впечатлений, оставляемых самыми разными, в том числе очень простыми событиями.

Лежа в постели, я наслаждался протяженностью своих безлюдных дней и полюбил одиночество.

Когда мне совсем уж полегчало, я попросил маму взять в библиотеке самую замечательную книгу, и она принесла крупнейший том — надо же, в ней было больше тысячи страниц, а называлась она, конечно же, прекрасно: «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». И написал ее человек не с какой-нибудь простой фамилией Иван Иванов, Петр Петров или даже Лев Толстой, а Мигель де Сервантес Сааведра — послушайте как звучит!

Хе, даже с самой первой строки стало ясно, что мама моя не ошиблась и принесла действительно необыкновенную книгу. Да вы только прочитайте! «В некотором селе ламанчском, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один

из тех идалго, чье имущество заключается в фамильном копые, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке».

Честно сказать, я не все понимал, ведь события, которые происходят в этой дивной книге, находятся очень далеко и давно от нас, а многие слова так я вообще встречал впервые, зато самая главная мысль полюбилась мне с первых же строк: я был чем-то похож на Дон Кихота. Да, да, не смейтесь! Хоть он старик, а я мальчишка и мы живем в разных веках, его одиночество, его странности, его желание добиться справедливости были почти моими.

Все люди, окружавшие странного рыцаря, издевались над ним, не хотели его понять — а разве со мной было не так? Вырастая, я понял, что во мнении многих Дон Кихот — это человек, который воюет с ветряными мельницами, мол, разве есть в этом хоть малый смысл, разве можно победить мельницу, лопасти которой ветер знай себе крутит, несмотря ни на какие помехи. Вроде как, дескать, это клинический случай чудачества.

Да, но ведь в книге есть и другие случаи, поясней, если кто-то что-то не понимает. Например, как Дон Кихот разгоняет стадо свиней. И пусть ему кажется, что он развеял целое войско всадников, ясно же, что он разгоняет человеческое свинство, воюет с ним!

Ну а выражения какие замечательные, я такого нигде не читал! Встав с кровати на холодный пол и укутавшись, как плащом, одеялом, я разучивал потрясающие восклицания:

— Благоразумие вашего неблагоразумия по отношению к моим разумным доводам, до того помрачает мой разум, что я почитаю вполне разумным принести жалобу на ваше великолепие!

А ведь это нечто другое, как вызов на поединок. «Вот бы сейчас так!» — думал я. Прийти в класс и Герке Рыбкину брякнуть. Или вот Нинке Правдиной продекламировать:

— Всемогущие небеса, при помощи звезд божественно возвышающие вашу божественность, соделывают вас достойною тех достоинств, коих удостоилось ваше величие!

«Соделывают», ничего себе! И хотя Мигель де Сервантес Сааведра сам эти изречения выписал из каких-то там рыцарских романов, чтобы слегка поиздеваться над рыцарем печального образа, мне Дон Кихот никаким сумасшедшим не казался. Милый, одинокий, никем, даже Санчо Панса, не понимаемый человек — вот и все!

Дон Кихот и его создатель, а потом Джованьоли со «Спартакoм» и сразу затем «Oвод» Этель Лилиан Войнич — какие все имена! — одарили меня прекрасным обманом, ну да, как еще это назовешь? В книгах я находил мир, не похожий на мой, и научился в этом мире прятаться.

Потом это поможет мне одолеть мои напасти, потому что, сцепившись с врагами и потосковав в своем реальном мире, я убегал

туда, где они не могли меня отыскать, — я прятался в мир, придуманный писателями, и душе моей не было дано разбиться о беспросветность каждодневных печалей. Я ударялся об углы, но там, в своем, пусть иллюзорном, но возвышенном мире, забывал о болях, они казались мне совершенно ничтожными в сравнении с тем, что приходилось одолевать моим любимым героям, и я жил чужой жизнью, как бы откладывая на потом узелки собственных запутанных отношений.

И я знал еще одно: мои враги не владеют этой тайной. Они, конечно, тоже читают, но так, по обязанности, и нет у них такого мира, куда убегаю я. Они чувствуют себя победителями в классе и на улице, но эта победительность такая маленькая и жалкая, в сравнении с тем, как живут, как верят, любят, страдают и умирают люди в книгах.

Я все с большей неохотой выбирался из книг в реальный мир. Мама поругивалась — правда несильно, — что я уж слишком зачитываюсь, слишком мало бываю на улице, слишком много сижу в комнате, слишком бледный, даже синюшный — все слишком да слишком. Но это было потом, позже.

Сейчас же я просто выдоравливал, читал, посмеиваясь и печалась, «Дон Кихота», и думал о том, что по-настоящему великие люди, как, например, он, всегда непонимаемы остальными, обыкновенными, потому что видят, я знаю, и понимают то, что невидимо и непонятно другим. Смеяться над чудаками, считать сумасшедшим Дон Кихота — вот это и есть настоящее сумасшествие и чудачество. Не зря же люди, которые считают себя умными, на самом деле очень часто большие дураки.

Ну разве станет умный человек кичиться своей силой, своей властью над слабым, разве он станет давать щелбана, да еще со спины, человеку, который только пришел из другой школы и еще ни с кем не подружился, и разве не стадо свиней класс, накинувшийся на новичка грязный халат нянечки, чтобы избить всласть — но за что? за глупость? за ошибку? Где же милость, неблагоразумные дураки, живущие свинским благоразумием толпы. Или ваши разумы помрачены каким-то неизвестным мне страхом? Но перед кем или перед чем? Одно дело нападать на сильного и вооруженного до зубов бандита, другое дело на пацана, который даже не знает толком, кого как зовут за немногим исключением. Его боитесь — рыцари Подлости и Обмана? Но за что? А раз его не боитесь — что руководит вами? Вот, вот — негодяйство! Ваше маленькое негодяйство! Ваша трусливая жестокость!

То и дело я обнаруживал, что хоть и держу толстый том Мигеля де Сервантеса Сааведра, но застывший взгляд мой взирает сквозь спасительные страницы в мое неспасительное, жестокое сегодня.

И вдруг ко мне забурился — кто бы вы думали? — сосед Рыбка, вот те на! Я как увидел его, сразу рассмеялся. Во-первых, все-таки, от неожиданности, а во-вторых, потому что зла-то на Герку не держал.

Ни мамы, ни отца дома не было, и мы с Рыбкиным вволю поболтали — я же, вообще-то, заскучал уже без нормального общения. Родители, бабушка, это же совсем не то, да и вопросов про мужскую школу у меня накопилась целая уйма.

Он вошел в комнату, сел на венский шаткий стул, похлопал рыжлым носом, который нарвался на мой кулак, спросил вежливо-обязательно:

— Как себя чувствуешь?

Я отмахнулся, мол, ничего. Ладони у Рыбкина были все в чернилах, я, ухмыляясь, поинтересовался, что случилось, и он объяснил:

— Щепкин в чернильницы карбида натолкал, а я дежурил, вот и пришлось все чистить, да новых чернил набирать.

Я не понял, какой-такой карбид.

— Ну, контрольная сегодня должна быть по алгебре. А у всех пары, пары. Ну, мы и решили сачкануть. А как? Ну, Женюра приволок откуда-то карбид — такая дрянь, вроде мела. Если в чернила сунуть — она шипит, а чернила пенятся — п-ш-ш! — и через край лезут.

— Ну и что?

— И все! Писать нельзя, Бегемот наш заорал, и пока я чернила менял, урок кончился.

Я засмеялся, спросил:

— Помогло?

— Не-а, — радостно ухмыльнулся Герка, — всем по паре вляндил. А контрольную завтра пишем.

Что-то засосало у меня под ложечкой. Будто пароход с моими близкими отчалил от берега, а я по каким-то дурацким причинам опоздал и чувствую — мне их никогда не догнать. И ведь не было у меня добрых воспоминаний об этой школе, а вот, засосало.

Рыбкин осматривался, постепенно привыкая к новой обстановке, подержал в руках толстенный том «Дон Кихота», восхитился, конечно же, толщиной, сделал мне комплимент:

— Неужто одолеешь!

— Хэ! — отвечивал я. — Мировецкая книженция! Мигель де Сервантес Сааведра, — я наслаждался благозвучным именем, выговаривая его свободно, нараспев. — Про рыцаря Печального образа, славного идалго Дон Кихота!

Это уж давно известно — вверни, только, конечно, вовремя, пару

неизвестных твоему собеседнику словечек — и ты как бы впереди набрал некоторое преимущество. Рыбка восторженно цокнул языком, но признавать преимущество не собирался.

— А я, знаешь, что читаю? — спросил он меня. — Как это? «Капитал». Карл Маркс написал, на портретах его рисуют, знаешь. Так этот «Капитал», знаешь, какой толстый? — и он показал ширину кирпича.

— Не веришь? — воскликнул уязвленно Герка. — На спор! Завтра приволоку!

Мне надоели конфликты с Геркой, я отмакнулся:

— Верю, верю... Но принеси. — Он решительно кивнул головой. — А про что книжка-то? — все-таки попробовал я проверить соседа. — Об чем?

— Про капитал, — ответил он, не моргнув глазом, — значит, про золото.

Он и соврал и не соврал. На другой день — не полезился — притаранил книженцию, я ни до, ни после такой не видел. И правда, шире кирпича. Но стоило мне открыть ее, как я Рыбкина сразу разоблачил.

— Неужто и правда читасишь? — спросил я, смеясь. — Лично мне ни одного предложения не понять.

Он раскололся:

— Ее у меня, — сказал, хохоча, — дед всю свою жизнь читает, представляешь. Как свободная минутка, так — раз! — и сидит за этой книженцией. Посидит-посидит, потом носом засвистит, и хрясь головой на книжку, хорошо, что она толстая, ровно подушка. И храпит!

Мы хохотали! Я подложил «Капитал» под голову, захрапел, подражая Рыбкиному деду.

— Дед говорит, — закончил Герка, — эта книга — лучшее слабительное.

— Что? — я прямо закатился.

— Ой, — поправился, смутившись, Рыбкин, — не то слово! Лучшее снотворное!

Мы снова заржали, как полоумные. Потом, когда успокоились, сосед по парте меня предупредил:

— Только ты смотри, того, не брякни где-нибудь, что я тебе рассказал.

Я удивился, даже слегка завелся:

— Да ты что! Чего здесь такого, кроме смехоты?

— Эх ты, наивняк! — посерьезнел Герка. — Ведь их же всего четверо — он, Ленин, Сталин, да еще Фридрих Энгельс. Они самые главные — и про них не шутят. А то усадят еще!

— Куда?

Я действительно только выбирался из своей яичной скорлупы, птенец! А Рыбкин что-то такое знал, в чем-то, мне неизвестном, разобрался.

— На кудыкину гору!

Тут наши политические разговоры как-то сами собой оборвались — по причине возраста и интересов. Обсуждение почему-то перекинулось на учителей и на директора Сергея Николаевича. По словам Герки, это был замечательный старикан. Ну, во-первых, рассказывал Рыбкин, чтобы мы не чувствовали себя зэками, директор, хотя он же совершенно седой человек, тоже стрижется под ноль, хотя ему это страшно не нравится. Кто-то из старших пацанов видел, как Эсэн — так сокращенно-уважительно именовали директора — разобрался в парикмахерской с Никаноровной, объясняя ей, с улыбкой, конечно, что нарочно прошел у нее личное испытание и что машинка парикмахерши безжалостно тупая, а потому не стрижет, а дерет волосы и что мастерица эта, лучше бы, начинала людей карнать не со лба, как баранов, а сбоку.

Судя по подробностям, которые излагал Рыбкин, все это походило на чистую правду, и я Эсэна зауважал, хотя и видел-то всего раз, с полу. И был, оказывается, вполне прав. Чуть замаявшись, Герка сообщил мне, что вообще-то директор мирный человек, даже самую отчаянную школьную шпану никогда словами попусту не песочит, и это его терпеливое молчание и поглядыванье — прямо в глаза — действует будто взгляд гюрзы, но тогда, после темной, он назвал наш класс — я даже вздрогнул, потрясенный совпадением моих мыслей с директорскими — стадом свиней.

Никого, конечно, это не потрясло, подумаешь, какое милое определение, Рыбкин просто заметил, что Эсэн выпшел из себя, надо же, такой уравновешенный!

— Тебе вообще-то не повезло, — сказал Герка, вздохнув. — Лучше бы не в «а», а в «б» или в «в» тебе попасть. Хотя, — вздохнул, — с другой стороны, какая разница?

Я молчал.

— Ведь, например, наш Коряга, — понизив голос объяснил Рыбкин, — настоящий вор. Ты только никому, понял?

Мои глаза, кажется, совсем округлились, пока я слушал Герку. Слушал, и все понимал. И Рыбкину даже сочувствовал, потому что абсолютно ясно становилось, что отказаться от косалки со мной он не мог. И страшно мне было. Ведь Герка и все другое мог выполнить — любую другую команду.

Словом, Коряга был во взрослой банде, и эти бандиты использовали его для всяких дел. Я уже и раньше слышал, как это делается. Подходит, например, пацан ко взрослому и говорит: «Дяденька, дай закурить!» Ну, а тот обязательно какую-нибудь грубость произносит, дескать, мал еще, пойдика пососи соску. Тогда пацан начинает

плакать, нарываться, к примеру, материться всяко, чтобы взрослый его толкнул или ударил, и в этот миг выскакивают взрослые бандюги, будто бы заступнички, ну и этого взрослого бьют там, грабят, ножом пыряют.

— Коряга возле станции живет, вот там они и шуруют, — уточнил Рыбкин.

Верно! Возле станции полно милиции, железнодорожников в форме и вообще всякой охраны навалом, но именно там, в улочках, прилегающих к вокзалу, то и дело творились грабежи и убийства — это каждый в нашем городе знал.

— Ну, а Щепка? — спросил я.

— Этот просто перед Корягой выдрючивается, — недовольно произнес Рыбкин, — хочет с ним по корешкам быть, но тот мужик хитрый, вроде рыжего одобрят, но это так, потому что в одном классе быть приходится. Мало ли — пригодится.

Да, вот такие выходили новости.

— Он же старый, Коряга же! — спохватился Герка. — Два раза на второй год оставался.

Это потом, когда станешь взрослым, два года разницы — простое дело, совсем не отличишь. А в четырнадцать — да если ты еще и жогаешь на каждой перемычке, будто заядлый курильщик... Может, от этого курения Коряга не рос, а был такой же, как все мы.

14

Ну, а теперь поговорим на политические темы.

Был я, конечно, пионер. Впрочем, все были пионерами в нашем детстве за исключением ребят из сильно верующих семей или таких, как Коряга, который за пять первых классов уноровил остаться два раза на второй год.

В бывшей моей начальной пионерство было красивым, почетным, желанным — нашивки на рукаве, барабанный бой, печатный шаг, громкие голоса: «Рапорт сдал!» — «Рапорт принял!»

Следует, кроме того, заметить, что в пионеры нас принимали, когда шла война или же сразу после нее, и наше детское сознание войны, страданий, победы все действующие в стране системы накрепко привязывали к имени Сталина, к партии, комсомолу и пионерам. Думать как-нибудь по-другому не то чтобы возбранялось, а было совершенно невозможно. Портреты, бюсты и статуи Сталина провожали нас с детства на каждом шагу, и мы так к ним привыкали, что совершенно, ну нисколько их не замечали, как не замечает человек мебели в своем доме — так она привычна. И словесное наше пионерство было тоже чем-то неодушевленным — может, как нарядные занавески в комнате. Сначала они нравятся, бросаются в глаза, эти красные занавески, а потом к ним привыка-

ешь, вот и все. В начальной школе это привыкание выглядело хотя бы внешне культурным, а в мужской... Ну судите сами.

Я вернулся в класс, отсутствовав месяц с хвостиком, и, ясное дело, забуксовал. Учителя оставляли меня после уроков, занимались дополнительно, чтобы я догнал класс, особенно усердствовала Зоя Петровна — как-то она поглядывала на меня слегка виновато. Учителей было много, но, скажем, ботанику я одолел с налету, да и все остальное тоже, но были три предмета, где я просто запурхался — математика (алгебра и геометрия), русский язык и еще, господи прости, французский.

Словом, вместо пяти уроков у меня каждый день оказывалось шесть, семь, а то и все восемь. Ну и воспаление легких все-таки не фунт изюму, крепенько, видать, измотало меня, так что я совсем доходил.

Плюс Рыжий пес.

Он, может, денек только и пожалел меня. Наутро опять меня щелбанами донимать принялся.

Не думайте, что я так спокойно говорю об этом, потому что смирился и сломался. Впрочем, может и сломался, и смирился, но все-таки не так, как поначалу, потому что теперь у меня был дружбан Герка Рыбкин, и хотя он не мог по-настоящему противиться Женюре, кое-когда меня защищал. Говорил Рыжему:

— Подожди, атаман!

Или:

— Ну хватит, босс!

Почему такое американское выражение — босс — спросите вы? Да потому что, как известно, нашими союзниками на войне были американцы, и кое-какие приветы из-за океана достигали и нас, грешных. Например, американская тушенка в банках с маленькими ключиками, пристегнутыми к ним. Надеваешь такой ключик прорезью, которая в нем есть, на жестяное ушко, прижатое к банке, начинаешь крутить, полоска железа сворачивается на ключе в пружину, а пред тобой открывается аппетитная, в слезах, ветчина, елки-палки! Или яичный порошок — тоже американское изобретение. Кто бы мог подумать, что яйца можно сохранять и довольно надолго? А они научились — превращали их в порошок, пожалуйста, залей водой, но еще лучше — молоком, и на сковороду — омлет получается, пальчики оближешь.

Так что слово «босс» было в ту пору — в мальчишеских, ясное дело, кругах — шутливо-уважительным, и Рыжий пес от таких обращений млеял и таял, оставляя меня до следующего приступа своей жестокой страсти.

Но кроме щелбанов было в нашу пору еще одно средство подавления и морального уничтожения — резинки.

Из трусов или им подобных нательных предметов вышмыгалась резинка, которая расщеплялась на тонкие нити, по краям которых выделывались петли для пальцев. А пули «отливались» из обыкновенной бумаги. Скатывается кусок, точно тесто, для прочности надо слюной смочить, прокатить несколько раз по парте, вдвое согнуть — и готово!

Так вот, в пятом, шестом и даже седьмом классе — в восьмом только, кажется, избавились мы от этой затылочной кори — народ ходил вооруженным резинками и пулями, и дело доходило до полного безумства. Ладно, в перемену — но прямо на уроке жители Камчатки, обитатели задних парт выцеливали впереди сидящих и лупили по затылкам. Да как больно! Ну, а передние — ведь на шее глаз нет — осатанели от боли, разворачивались и пуляли назад — на сей раз норовил в лоб, в щеку, в подбородок, а то и в глаз.

Сложная и жесткая, долготу я вам, велась перестрелка. Сидевшие впереди объединялись в пары или даже тройки, а то и вообще в целые отряды, потому что уцелеть в этой войне поодиночке было совершенно немислимо. А так кто-то один караулит, косит одним глазом назад, обнаруживает стрелка, дает знак, и передние лупят по врагу залпом.

У такой стрельбы свои правила, чаще всего они совершенно не совпадают со школьными, потому что стрелнув, задний боец легко может укрыться от ответа, прикрыв голову книгой, портфелем, а то и вообще нырнув под парту. Поэтому передние должны среагировать быстро, изменить позицию, выбравшись в проход или даже вскочив на сиденье.

Но это хорошо, когда учитель спиной к классу, а если лицом?

Если учитель даже лицом стоит, а выстрел оказался точным и тяжелым, народ, бывало, сходил с ума и, не страшась двоек, записей в дневнике, учительского крика, устраивал минутное побоище по всем правилам психической атаки, с громкими криками вроде:

— Ах ты, падла!

Ясное дело, немного времени потребовалось и мне, чтобы с помощью Герки вначале вооружиться, делать дома запасы бумажных пуль — аж полные карманы, — а потом и отточить снайперское мастерство. Но поначалу и тут я был неумехой, — а слабым, неопытным, неумелым и честным, зарубим на носу это вновь, достается всегда больше и горше, — так что я опять оказался жертвой. Затылок мой был изжален вражескими пулями, когда учителя отворачивались, я делал себе искусственный воротник из распахнутого, корочками наружу, учебника, отчего хлопки были смачные и громкие, при этом иногда попадало по пальцам, и я не всегда мог удержаться от отдельных междометий и даже целых реплик, кото-

рые помимо моей воли становились все менее цензурными.

Накануне знаменательного политического события в моей судьбе, я просто дошел до ручки. На дополнительном уроке француз против всяких правил грохнул мне пару прямо в журнал, я до полночи зубрил спряжение глагола «хотеть» — я хочу, ты хочешь, je volu, tu volu, — не выспался, опоздал на урок, ненамного правда был сильно обстрелян врагами, а за минуту до пионерского сбора Рыжий тиран прямо в упор, вмазал влажноватую пулю по моему затылку. — Боль была адская, я не выдержал, и слезы рванулись из меня; обхватив голову, я упал на парту и закрылся руками, а Герка сказал громко этому идиоту:

— Слушай, штурмбанфюрер, хватит издеваться!

Где он только взял это словечко?

То ли оттого, что Рыбкин выступил громко и явно возмущенно, то ли потому, что название он применил явно фашистское, а война только что кончилась, и такой клички, если она прилепится, никто не желал, Щепкин вдруг неожиданно сказал:

— Извини, браток, не рассчитал.

И потрепал меня по плечу. Я, конечно, руку его стряхнул.

И тут явились они — Зоя Петровна и девушка с нетогдашним именем Марианна, старшая пионервожатая. Марианна, Марианна — покрутив имя это на своем языке, Рыбка тотчас переделал его в более понятное — Мариванну (Марью Ивановну).

Мне, честно говоря, было не до этого сбора, к тому же совершенно неторжественного — что за сбор, когда все сидят в классе, на своих партах и у половины народа даже галстуков нет? Но сбор был организационный, требовалось избрать председателя совета отряда, я хоть слезы и вытер украдкой, но еще пережевывал свою обиду, как вдруг услышал голос Рыжего пса:

— Николаева!

Единственное, что я успел сделать, так это повернуться к проклятому Женьке и громко, на весь класс, сказать ему, что он охренел — правда, слово я употребил на уровень посложнее. Все хорошо услышали это, и Мариванна, и классная. Но Зоя Петровна только слабо качнулась, сказав:

— Он долго болел, ему надо нагонять!

— Давайте голосовать, — нагло воскликнул мой закадычный враг, — Имеем право!

— Конечно, имеете! — задыбилась дурная Мариванна, и — хлоп! — меня избрали пионерским начальником.

Самого зачуханного, больного, отставшего в ученье, самого неуважаемого и избитого выдвинули в вожди.

Подставляя слабого, мужская школа уклонялась от своих общественных обязанностей.

И это тоже был важный ее урок.

Впрочем, уроки бывали уж совершенно, как говорится, из другой оперы и совсем иного, даже для мужской школы, невероятного свойства.

Это происшествие случилось со мной на перекрестке моей политической деятельности и французского языка, и здесь я вначале расскажу про нашего француза.

Видать, после войны преподавателей иностранных языков решительно не хватало, и у нас с пятого до седьмого класса сменилось по нашим подсчетам шестеро учителей. Потом это все были женщины — старые и молодые — но первым у нас оказался мужик. С нынешней моей точки зрения — просто пацан.

Он ходил во всем воином, и это военное было темно-зеленое, добротное, офицерское, только без знаков отличия. Учитель французского, имя которого никак не стерлось в моей памяти, сразу же растолковал нам, что он бывший офицер, прошел фронт, цацкаться с нами тут не намерен и требует чтоб на уроках была военная дисциплина, иначе ему придется оценить нас по фронтовым меркам. Его командный слог закорюжил нас, привыкших все больше к женским увещаниям или к вполне полноценным стариковским угрозам престарелых мужчин учительского сословия, да к тому же туманно-опасной звучала угроза оценки по фронтовым меркам — и любопытство разбирало, и страх: как это? К стенке, что ли, поставит? На всякий случай мы изготавились к подчинению, но высокий, черноволосый и, в общем — не откажешь, симпатичный француз в офицерском облачении пал в наших глазах сам, довольно примитивно, на самых первых подступах к твердыням знаний.

Просто-напросто он сам не знал французского — как, впрочем, и любого другого иностранного языка — и учить нас принялся по учебнику да по блокноту, который вынимал из своего щегольского планшета. Пока мы одолевали слова и артикли, он еще смахивал на учителя, особенно когда отвлекался. А отвлекался он неустойчиво. Рассказывал нам про Париж, про совершенно небывалую Эйфелеву башню, Парижскую коммуны, книгу «Отверженные» французского писателя Виктора Гюго, которую, похоже, и сам-то прочел совсем недавно, потому что излагал нам ее сюжет с большими подробностями и долго, — а, согласитесь, всякий пересказ все-таки скучнее самой книги, — объяснял, что многие слова и выражения в наш язык перекочевали из великого французского, такие, например, как костюм (по-французски — ля костюм — всего лишь артикль «ля» надо приставить), ля буфет, а пропо (между прочим), шерше ля фамм (ищите женщину). Насчет пропо и фамм мы плохо его разумели, но переспрашивать не хотелось, потому что, задавая вопросы этому щеголю, мы видели, что спасаем его — смешно, но

факт. Он хватался за всякий дополнительный вопрос, особенно если наше любопытство не касалось грамматики, будто за спасательный круг, про Париж, к примеру, рассказывал уроки три — раскусив его, мы азартно играли в жмурки: ученики, чтобы оттянуть опасное время, когда могут спросить, учитель, чтобы оттянуть не менее опасное мгновение, когда он должен обогащать нас не байками, а программными знаниями.

В общем, как только с большой взаимной неохотой мы добрались до склонений и спряжений, на боевого офицера стало просто страшно смотреть.

Пытаясь обогатить нас знанием французского, он стоял неподвижно у края стола и, словно двоечник, то и дело косил в свой конспект. Потом, видно уж совсем махнул рукой, сел, и дул прямо по бумажке.

Так что все эти военно-фронтовые обещания оказались полной туфтой, ибо боевой француз без признаков элементарного сопротивления оказался в плену даже у пятиклашек — уж не знаю, как он с остальными справлялся.

Ниже троек он нам никогда не ставил и слабо попробовал рыпнуться, когда Коряга вообще отказался отвечать.

— Ну, едрена-матрена, — взбеленился француз на грубом отечественном языке, — хотя бы повтори вслед — я же только что вам рассказывал!

Но Коряга, понятное дело, если и слышал учителя, если даже и понял его, то выговорить уж совершенно никак не мог эти дурацкие французские слова. Да и стеснялся, пожалуй, говорить еще на каком-нибудь наречии, кроме иногда русского, а чаще — матерного.

— Все! Все! Конец! — забунтовал учитель, замахиваясь блестящей, видать, трофейной самопиской на журнал.

— Не надо, Француз Французович! — нагло, но в то же время просительно, не настырно сказал Коряга.

— Он двойку не заслужил! — горячился кто-то.

— Не меньше тройка! — каждый норовил подать реплику в этом замечательном спектакле.

— Пощадите, вы же добрый!

— Смилуйтесь!

— Весь класс просит!

— Какой там французский! Русский бы выучить!

— Где Париж, а где мы!

Рыжий пес как всегда за самый кадык схватил:

— Не имеете права!

— Как это не имею! — воскликнул бывший офицер, откладывая самописку. Он уже сдавался. Надо было дожать.

Герка Рыбкин загудел первым. Был у нас такой способ забастовки — гудеж. Все сидят спокойно, для блезиру даже ручки на парте калачиком сложив, смотрят невинно на учителя и все гудят.

Три десятка пацанов — и гудят. Учитель по потолку ходить готов, кричит:

— Рыбкин, встань! Ты что себе позволяешь?!

А Рыбкин пожимает плечами, глаза округляет:

— Что позволяю? Я ничего!

И действительно, он — ничего, он говорит с учителем и вовсе не гудит, зато все остальные гудят, так что с этим гудением бороться нельзя, как нельзя заставить сразу всех объяснить свое поведение. Француз наш уже раньше познакомился с гудячей забастовкой. Сразу слинял: уж не ему ли бежать жаловаться на нас директору? Хохотнул, схватил трофейную самописку, бабахнул Коряге тройку — мы заржали: тройка-то не за что, за молчание, за полный нуль.

Ну ладно. Так это еще не все про нашего француза.

Приближался день рождения Сталина, и наша Марианна — Мариванна велела провести свет, посвященный годовщине.

Пусть ребята почитают стихи, споют песни, — наставляла она меня, — а ты, как вожатый, сделай доклад.

Я, было, пригорюнился, но Герка, добрая душа, меня надоумил:

— Ништяк! — сказал он — было у нас такое оптимистическое словечко. — Ништяк! У тебя настенный календарь дома есть?

— Ну есть.

— А ты возьми страничку за этот день и перепиши. У меня дед всегда так делает.

Переписать-то я переписал, но Марианна — Мариванна предупредила заранее, чтобы я дал ей свой доклад на проверку.

Словом, я последовал совету доброго друга, основанному на опыте старого дедушки-марксиста, вручил на перемене вожатой тетрадку, договорившись, что после занятий зайду к ней в пионерскую комнату и она мне скажет свои замечания.

Часа два или три в пустой учительской под наблюдением Бегемота я нарешался всяческих задач и просто обалдел. Бегемотом звался не такой уж страшный учитель Иван Петрович Тетеркин, вот только голосина у него была самого что ни на есть густого басу. Он даже когда тихо говорил, вот, например, мне на дополнительных занятиях в пустой учительской, я уши прикрывал. И хотя бегемотов лично я не видал и не слышал, как, пожалуй, и никто другой из пацанов мужской школы, потому что в городе у нас зоопарка не было, в душе я соглашался: да, Иван Петрович действительно Бегемот. Добрый математик обладал в то же время всем набором учительских строгостей — растолковывал подробно и по-

пулярно, а когда после объяснений я пытался решить задачу сам голос, если до меня не доходило, все же возвышал.

Ну да ладно, речь пока не о нем, а о Французе и пионервожатой. Нарешавшись до умопомрачения, я поперся в пионерскую комнату.

Что за комната, объясню, и что за Марианна.

Под пионерскую отвели часть коридора, перегородили — до шеф-фанера, а сверху — стеклянные рамы. Рамы почему-то закрасили белой масляной краской.

В самой пионерской, как водится, знамя, барабаны, горны, стол покрытый красной тряпичей, но и пара дерматиновых диванов друг против друга. Над диванами портреты: Ленин и Сталин.

Ну и Марианна — вот она: губы пухлые, навыворот, как у негр-тянки, носик вздернутый, симпатичный, глаза карие и всегда как бы смеются, но вообще на лице написано удивление, какой-то вопрос, будто она о чем-то всех спрашивает, да вот ответа не получает. Еще у Марианны большие груди, которые покачиваются в такт ее шагам. Их не в силах замаскировать даже свободная синяя блузка, которую носит вожатая, к тому же, хочешь — не хочешь воротничок на таких кофточках должен быть простой, без всяких там бантиков, под галстук, который двумя скрученными концами, как морковками, трепыхался у Мариванны между ее арбузных грудей. При этом у вожатой была осиная талия и ладные пухленькие ноги. Словом, она обладала набором таких достоинств, что на переменах пионерская комната походила скорее на комсомольский клуб, потому что там вечно толкались старшекласники, а нас, мелюзгу, если мы там появлялись, выдвигали вон прямо в лоб. За неверность пионеры мстили своей вожатой нескромными звуками и вульгарными жестами, когда она проходила мимо, но прикоснуться к ней все же никто не решался — и она ходила по коридору с гордым видом ничего не замечающей победительницы.

И зря. Зоя Петровна уже дала нам несколько раз понять, что не одобряет Марианну. Хотя бы тем, что обычно сдержанная, неожиданно громко и раскованно расхохоталась прямо на уроке, прознав, что мы переименовали вожатую в Мариванну. И другие учительницы — подчеркнем, исключительно женщины — всем своим видом демонстрировали такое же свое нерасположение к вожатой, а ведь получалось — во всему пионерскому делу.

Итак, вернемся в тот день. Уроки кончились, народ давно разошелся — только несколько учителей; я с Бегемотом закончил допзанятия, да в зале раздается добрая песня: это наш класс под жестоким надзором классной и под управлением старичка Алгебраистова, — надо же, Бог фамилию дал учителю пения! — репетируют праздничную песню:

*О Сталине мудром
Родном и любимом
Мы светлую песню поем!*

Я подхожу к пионерской, деликатно тяну на себя дверь — глухо, никого нет, закрыто. Ну вот! Обещала, а сама... Я разворачиваюсь, чтобы, чертыхаясь, уйти, но мне слышится, что за перегородкой какая-то возня. Воспитанный, как все, на книге писателя Губарева о Павлике Морозове, я первым же делом воображаю, что какой-то враг вознамерился утянуть наше славное пионерское знамя. Вот так да! Ведь я читал, если украдут знамя полка, этот полк сразу расформируют, значит, и нашу дружину распустят, если что.

Первая мысль — побежать в зал, завопить, поднять тревогу. А вдруг мне послышалось? Я тихонько кладу портфель и начинаю двигаться вдоль замазанного стекла: вдруг есть щелка. Но ~~за~~крашено как следует, без дурачка. И тут мне приходит в голову спасительная мысль. Я достаю из кармана монетку, отыскиваю место, где краска потекла, да так и застыла каплями, осторожно, но сильно сдираю ее. Получается! Еще чуточку — и я бесшумно выскребаю дырку размером с медячную монету. Вглядываюсь в полумрак.

Первое, что попадает в поле моего зрения, — пионерский барабан с красными боками, а на нем — ~~вот, черт~~, я даже проморгался, себе не поверив, — белые дамские трусы.

Сердце мое заметалось, точно птица в клетке, еще бы, разве это для пионеров зрелище? Но ~~ничего не попишешь~~ — из песни слова не выкинешь. Что было, то было.

Это уж точно, не всегда нашим взорам, даже в самом нежном и педагогически тонком возрасте, открываются картины, дозволенные родителями и учителями, — увы, такова жизнь. Ова, эта жизнь, неспроста тоже ведь называется школой, потому что ~~преподносит~~ нам без всякого на то согласия уроки, не запланированные школой обыкновенной. Жизнь вообще гораздо пространней, чем все наши попытки научиться ей под присмотром старших, ведь уже самое понятие — присмотр — означает ограничение, окорот, присутствие заборов, выше которых не подпрыгнешь и не увидишь, что там, за ними.

Но там, за забором, много чего грешного, дурного. Рано или поздно оно все равно потрясет нас — сначала потрясет, а потом приучит своей неизбежностью и обыкновенностью.

Ребенку не закроешь глаза на греховность, окружающую его, он и сквозь пальцы взрослой ладони увидит все, и как ни зажимай уши — все услышит.

Вот и я — разве что плохое мной руководило? Обыкновенно любопытство! В общем, мой маленький объектив размером в копейку зафиксировал: Марианна без юбки, одна нога согнута, белая ягодица едва прикрыта синей блузкой, а за ее ногой, впиваясь в нее, как припадочный, дергается француз. Зеленые галифе съехали до колена, да и вообще не очень-то эстетичная предстал картина, особенно если к этому прибавить красный галстук, непременно трепещущий в такт любви. А со стены на них взирал Сталин.

Поначалу я даже откинулся от стекла. Мне было тоскливо и стыдно сразу, но любопытство и какая-то тайная, почти преступная страсть вернули меня к зрелищу. Сердце бухало во мне, точно молот, я вспотел и в то же время дрожал словно от холода. Мне было не только интересно, хотя я видел такое первый раз, — что-то еще захватывало меня, какая-то новая, незнакомая мне власть.

И тут я чуть не вскрикнул. Кто-то прошептал над ухом:

— Дай позыркать! — это был Рыжий пес. Как он так тихонько подкрался. — Чо там?

Я подвинулся, он на секунду прилип к дырке и тут же откинулся. Глаза и рот у Женюры походили на три ровных кругляша.

— Т-с, — шепнул он мне. — Щас!

Наклонившись, он быстро снял ботинки и побежал на цыпочках по коридору. Я вновь ненадолго вернулся к зрелищу, а когда обернулся, то сперва испугался, а потом чуть не захохотал.

Поперек всего коридора на цыпочках и в носках двигалась наша пацанва — целая гурьба. А первый ряд волок стулья! Если кто попытался хохотнуть, Рыжий Щепкин громогласно шептал: «Тсс!» — он бежал впереди и правда смахивал на какого-то штурмфюрера — вел на штурм целый класс.

Сопя, мальчишки подставили стулья спинками вперед к перегородке, самые настырные взобрались на них и прильнули к стеклу там, где кончалась масляная краска. Те, кто добирался до зрелища сразу замирали, но нижние дергали их за штаны, и фюреру пришлось отоварить кое-кого целбанами.

Ясное дело, тихо такой разворот событий завершиться не мог. Женюра, наводя порядок, дернул за ногу Герку Рыбкина, тот с перепугу рванулся вперед — и трахнулся лбом о стекло. Оно правда, не разбилось, но звук произошел громкий, вся перегородка затряслась, пацаны уже не таясь, хором прыгнули со стульев, произведя гулкой грохот, и все мы с топотом рванули в зал, при входе чуть не сбив с ног старичка Алгебраистова.

Последующее покрыто мраком.

Впрочем, не вполне. Марианна, теперь окончательно и бесповоротно перекомпостированная в Маризанну, пыталась высказать

критические замечания к докладу о Сталине, переписанному из отрывного календаря, требуя расширения и углубления, а я не глядя на нее, скептически улыбался, говоря сам себе: «Как бы не так, стану я тебе переделывать. Ведь это же не урок, а сбор, и мне товарищ Сталин это простит, а вот тебе...»

Мариванна говорила со мной в перемену, выбрав для беседы коридор, так тотчас окружил народ, издающий непотребные звуки, я старался держаться на расстоянии вытянутой руки. Мариванна делала шаг ко мне ближе, чтобы, видно, доходчивей объяснить, но я отодвигался, кивал, чтобы скорее отделаться от нее, и глядел в сторону, а когда снова глянул на вожатую, обнаружил, что она густо покраснела.

Я схватил тетрадку, сбор наш длился ровно сорок пять минут, один урок, и свой доклад произнес, не переменив в нем ни слова. Далее Сашка Кутузов прочитал стих Симонова, все вместе, под управлением Алгебраистова, сделали задравную песню: «О Сталине мудром, родном и любимом...». Герка пересказал главу про смерть сапожника, отца вождя, и трудное детство будущего революционера, Зоя Петровна устроила викторину с вопросами для первокурсников: когда и где он родился, роль вождя в подготовке революции.

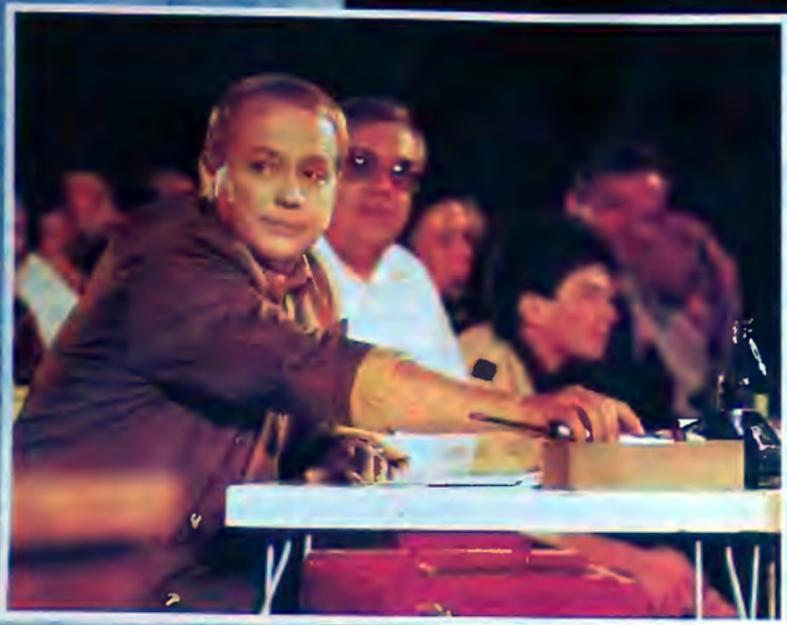
Сам Иосиф Виссарионович взирал на нас из золотой рамы — в форме генералиссимуса — довольно добродушно, привыкший, видно, к тому, что все пионерские классы по очереди на своих сборах клялись ему в верности и пересказывали его биографию, написанную неживыми, чужими, взрослыми словами. Никого, впрочем, это не волновало, потому что все — и классная, и вожатая, и старичок Алгебраистов, и мы, таракашки, были совершенно убеждены в необходимости именно таких слов и именно этих песен, потому как их пело и без конца произносило радио и печатали газеты. Ну, а мы были как все.

Это же так замечательно — жить как все.

А что Мариванна и француз?

Бывший командир исчез еще до нового года, и недели две мы ликовали, потому что ему не могли найти замену. Вожатая же с годик еще командовала пионерами, но что касается именно нашего класса, то нас она старалась обходить, в результате чего я совсем забыл о своих обязанностях, и, если бы не Зоя Петровна, то от пионерского движения в пятом «а» остались бы одни лишь галстуки, без которых в школу все равно не пускали. К Октябрю и дню рождения Сталина повторялось примерно одно и то же действие. Разве что разучивали другие песни, да в докладах менялись местами слова.

Окончание следует.

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Александр Васильевич, БЫВШИЙ САША

Его знают все. За многие годы работы на телевидении в молодежной редакции он был ведущим разных передач: «Алло, мы ищем таланты», «А ну-ка, девушки». «Виращ» и, конечно, КВН. Менялись названия рубрик, но в главном его передачи сохраняли постоянство. В них шел поиск одаренных и остроумных молодых девушек и ребят, которые порой до появления в различных конкурсах на телеэкране и сами не подозревали о своем таланте и обаянии. Сначала просто Саша Масляков, а теперь уже Александр Васильевич заражал их своей изобретательностью и неуемностью. Открывать таланты — его призвание и, может быть, это связано с тем, что он благодарен на всю жизнь тем, кто в нем самом, студенте Московского института инженеров транспорта, угадал телевизионный талант.

Телевидение манило Сашу со школьных лет. Когда на Шаболовке открыли студию, которая должна была готовить из ребят будущих профессионалов телеэкрана, Саша стал там заниматься. Учился усердно и не без успехов. Однако студию почему-то прикрыли, и казалось, что мечта о телевидении улетучилась навсегда. Однако судьба распорядилась иначе. Он приглянулся первому режиссеру КВН Б. И. Сергеевой, которая доверила ему передачу, убедившись в том, что он легко общается и с командами, и со зрителями, независимо от того, сидят ли они в зале или у себя дома.

Когда недавно на телевидении возникла счастливая мысль возродить после затянувшегося на шестнадцать лет антракта КВН, нашли старые пленки, показали фрагменты передач конца шестидесятых годов, которые вели Светлана Жильцова и Александр Масляков. Ах, как молоды они были, как задорно звучали их голоса и не гасли улыбки! Глядя на тогдашнего начинающего телевизионщика Сашу Маслякова, невольно вспоминаешь известные стихи Н. Гумилева: «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...»

Потом пошли кадры из теперешнего КВН, и стало ясно, что ведущий сделался искусным умелым мастером телешоу, настоящим «начинателем игры», — как сказано также у Гумилева. Тогда была молодость, задор и — чего там таить — желание нравиться. Сегодня ведущий руководит действием, он его режиссер и дирижер, он незаметно помогает всем веселым и находчивым вступить в борьбу, блеснуть талантом. Он отнюдь не комментирует состязание эрудитов и остряков, не хвалит и уж тем более не бранит. Но интонацией, мимоходом брошенной репликой, просто усмешкой он приободрит того, кто потерпел фиаско. Он умеет радоваться удачной шутке. А уж если от натужных хохм у зрителей уши вянут — такое тоже бывает, и ничего страшного в этом нет, — он чуть ворчливо заметит, что, дескать, каламбурчик мог бы быть и посмешнее.

Ребята! — Это я к тем, кто

старых КВН не видел. — Не верьте, если вам скажут, что тогда урожай юмора был выше. Неправда. Ваши родители были другими, сатира была другой, во всяком случае, куда более осторожной. В одном КВН у бакинской команды была такая реприза: «Сам пнем пень, а поехал в Пномпень». Безобидная игра слов и не больше. Но ее не пропустили. А вдруг какой-нибудь политический деятель задумает посетить столицу Камбоджи? Посему — «не пущать».

В сегодняшнем КВН для сатиры нет засекреченных объектов. Это создает совершенно иную ситуацию: когда можно все, ирония должна быть тоньше, изысканнее. Раньше за один намек зритель благодарно смеялся, а сегодня нелегко сделать так, чтобы остроты на злобу дня оставались добрыми. Не всегда хочется, как хочется, но ведь юмор во все времена был дефицитом. Но абсолютно прав Масляков, когда в одной из последних передач сказал: «Игра в КВН переживет своих ниспровергателей. Так уже бывало». Это тем более верно, что даже в то время, когда КВН на телевидении не существовал, в него играли в студенческой и любой другой молодежной аудитории. КВН — одно из самых удачных изобретений, и отменить его теперь уже невозможно.

В том, что КВН открывали и закрывали, была своя закономерность. Человечество, смеясь, прощается со своим прошлым. В шестидесятые годы радовались, что ушли в небытие вели-

кие и малые культы, сегодня посмеиваемся над тем, что обмызали застою. Но сегодняшний КВН куда актуальнее, он не обращен в прошлое, он комедийно ведет параллельно парламентские дебаты, проводит финансовые реформы, вводит талоны на отсутствующие товары. Словом, в конкурсах отражается все, чем живет страна. А в телекарнавалах КВН ощущается здравый смысл молодых, которые судят о происходящем весьма критично, но не предвзято.

В старом КВН была такая шутка. Веселый и он же находчивый выходил с мастерком и веинком. Надо было угадать цитату из Маяковского. Ну, разумеется: «Я с теми, кто вышел строить и мечь».

Сегодня кавезнщики тоже прежде всего с теми, кто выметает вздор и сор из нашей нуждающейся в капремонте избы. КВН никогда не был так политизирован и так демократичен. Неслучайно, в зале Дворца молодежи, где, в основном, проходят конкурсы, можно было видеть Б. Н. Ельцина. Будущему президенту России, наверное, интересно было посмотреть на тех, кто не трепещет перед авторитетами, а правильнее сказать — перед авторитарной властью.

Александр Васильевич повезло, что он когда-то давно попал в популярную передачу. Но и передаче повезло, потому что у Саши Маслякова оказался удивительный запас прочности. Он долго сохранял передачу, а потом сумел ее возродить. Послед-

нее оказалось беспрецедентным чудом.

Удивительно, как нынешнее поколение веселых и находчивых легко нашло с ним общий язык. В каждом кадре чувствуется, что он кумир, они держатся с ведущим почтительно, не скрывают своей симпатии к хранителю передачи. Но вместе с тем они позволяют себе в его адрес легкую иронию, как это и принято нынче у молодых в общении с предками.

Сегодня появились свои звезды КВН — умные, талантливые, обаятельные. Они острят порой блистательно, они пародируют великолепно. Их чувство юмора зачастую превосходит мастерство профессиональных сатириков. Конкурсы веселых и находчивых раз от раза становятся артистичнее, интеллигентнее. В соревнованиях много импровизации и экспромтов, а это самое ценное на телеэкране. Изменился сам характер юмора, он не боится черной краски, а на бессмыслицу многих социальных акций реагирует комедией абсурда.

Слава пришла к Саше в юности и никогда не покидала его. Вы хотите стать звездой эстрады или телевидения, а лучше всего того и другого вместе? Учтите, бремя популярности носить нелегко. Конечно, поначалу приятно, что тебя узнают на улице. Но вообразите, что знаменитость всегда на людях живет как бы в кадре. Его всегда будут сравнивать с эталоном. Он? Не он? Похож? Или совсем другой? За спиной всегда будут слышны реплики доморощенных комментаторов.

Ну, конечно, другой. Акте играющий в театре Раскольников, после спектакля не занимается рэкетом. Ведущий кавезнских конкурсов дома соревнования по юмору не проводит. Над же когда-то и расслабиться. Когда Александр Васильевич отдыхает, он скорее серьезен, нежели весел. Дома вообще не принято говорить о телепроблемах, хотя его жена Светлана тоже работает в Останкине. Она режиссер публицистических передач, которые обычно идут в прямом эфире. Светлана привыкла к этому еще со времен КВН, где она начала работать, когда все передачи шли живьем.

Самый заядлый кавезнец в доме — шестиклассник Александр Александрович Масляков, который не пропускает ни одну запись и помнит наизусть все лучшие шутки Донецкой, Днепровской и всех других команд.

Сегодня принято жаловаться на то, что во времена застоя не признали, не отличили, не наградили. Жалуются, как правило, те, у кого регалий и званий хоть отбавляй. У телекомментатора молодежной редакции никаких званий нет, хотя он ли не заслужил признания в народе. Но он никогда не сетует, ему жаловаться некогда. Он работает, делает новые передачи. У него одно звание, которое дали ему его родители: Александр Васильевич, а для близких — просто Саша.

Владислав ПРОНИН
Фото Анатолия ЗЫБИНА

ПЛЮНУТЬ И ПОСЛАТЬ

Ира ЛОБУСОВА, 17 лет
г. Одесса

Всех! Надолго! Чтобы никого больше никогда не видеть и не слышать! А школу взорвать! Ну, естественно, со всеми! Потому что ненавижу! Домой не хочется... Плечусь по улице как можно медленнее. Интересно, кто этот козел так из меня смотрит? Ненавижу такие взгляды — липкие, раздевающие, облизывающие. Убить готова! Ну, естественно, отвернусь с презрением. Ублюдок! Кажется, пришла. Вот мой так называемый дом. Не, вообще-то ничего, жить можно, нет, нельзя. Так предки жились! Поднимаюсь. Впечатление, что на тебя обрушился мир, беснуется. Надо еще ключи в сумке отыскать. Так, нашла. Бывает. Мамаша дома. Сразу же хочется сделать как-то мамаше и поэтому стараюсь ежесекундно бесшумно пробраться в свою комнату. Заснять бы на видео свои кадры! Ну да, как же. Открывается дверь. На пороге — мамаша!

— Пришла? Ну, как дела в школе?

Пытаюсь что-то буркнуть в ответ, но выходит такое жуткое коровье мычание. Она несет что-то про еду, но я говорю, что ела в буфете, и не голодная. Уже мышь пробираюсь в свою комнату. Ох уж мне этот ее сладкий доверительный тон и ее опека! Швыряю сумку. Кажется, под диван. И сажусь на пол. Обняв колени. Буду так долго, долго сидеть и смотреть в окно. На зеленое деревце... Ненавижу всех! Дали бы мне автомат! Открывается дверь.

Возникает маман.

— Ты уроки сделала?

Молчу. Как рыба. И даже не смотрю в ее сторону.

— Это что, новая мода? На полу сидеть? Ты слышишь, что я тебе говорю?

Молчу. И немножко раскачиваюсь. Послать бы... Подальше.

— Со своим роком совсем уже идиоткой стала! Я сейчас вызову карету, чтоб тебя увезли в психушку!

Молчу. Не реагирую.

— Это ужасно! Почему ты молчишь? Дожилась, вырастила, вскормила! Почему ты, дрянь, уходишь с уроков? У тебя по физике уже восемь пропусков, по географии — шесть, по алгебре — тройка!

Ну все... Конец. Выть начала. Это надолго. И ужасно действу-

ет на нервы. Ах, встать бы, заорать, побить посуду, но нет сил. И потом, нужно выдержать характер. А что выдерживать? Ведь все параллельно...

У меня в глазах закипают слезы. Сейчас польются. Ну нет, не дождется, не заплачу! Мамаша бегаёт вокруг меня, визжит, нудит, жестикулирует и кричит о том, что я такая неблагодарная, что ее деньги, на которые я живу, не пахнут, что я позорю ее доброе имя и т. д. и т. п.

Это длится уже около часа! Невыносимо... Наконец она выскочила, хлопнув дверью. Я могла бы оправдаться, рассказать, но ее сочувствие и участие для меня хуже всего на земле, хуже всех бедствий. Я могла бы признаться о моем горе кому угодно, только не ей. Я даже не предполагаю, как поступила бы эта женщина, расскажи ей все. Мы — разные люди, у нас разные интересы и взгляды. Мы — просто две чужие женщины, носящие по какой-то роковой случайности название мать и дочь. Она выскочила из комнаты. Слезы льются по щекам, и моя французская тушь стекает, оставляя на белой блузке черные следы. И поэтому я шепчу дивану, магнитофону, занавескам, книгам, кассетам, деревьям за окном о моем горе. Меня бросил парень! Просто взял и бросил! Что же делать дальше? У меня не найдется сил что-либо предпринять.

А ведь так просто! Ведь так просто — плюнуть и послать! Все неприятности и обиды, горе, боль, отчаяние, одиночество! Но это невозможно... У меня больше нет сил... Есть силы только молча ненавидеть. И плакать. Но так, чтобы никто не видел. Потому что для окружающих я сильная! Очень сильная. Звоню. Телефон, Кажется, меня. Мамаша открывает дверь и зовет меня к телефону. Я быстро хватаю какую-то тряпку, вытираю лицо и иду.

— Да?

— Ира? Привет, это я. Ты знаешь, я хотел бы с тобой поговорить. Я тебе все объясню. Мы могли бы сейчас встретиться? Ты свободна?...

Это он. Он. Господи... У меня открывается второе дыхание. Я смотрю, нет ли поблизости мамаша, и твердым, спокойным, уверенным голосом говорю:

— Да пошел ты...

И добавляю еще кое-что, что писать не принято. Бросаю трубку. В ажиотаже говорю телефону: «Козел», и на моем лице разливается облегченная улыбка. Сразу легче! Улыбаюсь. Улучшается настроение. Я захожу к матери в комнату и говорю: «Я не буду больше срываться, мам...» Возвращаюсь к себе и на всю мощь врубаю звук. Потому что только это может меня успокоить...

КАЖДЫЙ МОЖЕТ, КАК НАПОЛЕОН. ТОЛЬКО БЫСТРЕЕ

Наталья БУКИНА

Читать умеют все. Во всяком случае — люди грамотные. В этом, как и подавляющее большинство читающей публики, я была абсолютно уверена и в неведении своем даже не подозревала, насколько далека от истины. А истина, простая и вместе с тем достаточно парадоксальная, состояла в том, что подавляющее большинство из нас не умеет грамотно читать. Впрочем, если уж быть совсем точной, не владеет культурой чтения. «Эти добрые люди и не подозревают, каких трудов и времени стоит научиться читать, — сказал великий Гёте. — Я сам на это употребил восемьдесят лет, и все еще не могу сказать, что вполне достиг цели».

Да, читать грамотно, или, как говорят специалисты, рационально, — это большое искус-

ство. Овладеть им может практически каждый, но владеют, увы, немногие. Может быть, потому, что долгое время наши ученые не занимались всерьез этой проблемой, учиться культуре чтения было негде, да и учить некому.

Пожалуй, многие из нас впервые услышали о методике рационального чтения в октябре прошлого года, когда общеобразовательная программа Центрального телевидения организовала цикл занятий, включенный в передачу «Разминка для эрудитов», в помощь тем, кто занимается в ШРЧ, так сокращенно называется Всесоюзная школа рационального чтения, руководит которой кандидат физико-математических наук Марат Александрович Зиганов.

Те, кто смотрел фильм «Щит

и меч», вероятно, помнят эпизод, когда советский разведчик в считанные доли секунды пробегает глазами две страницы машинописного текста и запоминает номера и местоположение лагерей смерти. Зрителям могло показаться, что потрясающая способность Иоганна Вальда — выдумка сценариста или режиссера. Оказывается, это совсем не сложно, и при соответствующей подготовке почти каждый может сделать то же самое. Конечно, есть люди, обладающие уникальными способностями, и для них не нужны никакие специальные занятия или тренировки. Например, некто Э. Гаон знал наизусть все две с половиной тысячи книг, которые он прочитал, более того, он мог без особого труда вспомнить из них любой отрывок.

Бесспорно, такие люди — исключение. Но вот что интересно. В начале восьмидесятых годов известный математик и кибернетик фон Нейман сделал сенсационное сообщение. По его расчетам, человеческий мозг способен вместить примерно 10^{20} единиц информации. Иначе говоря, каждый из нас при желании и соответствующей подготовке может запомнить всю информацию, содер-

жащуюся в миллионах томов крупнейшей в мире Библиотеки имени В. И. Ленина... Как же велики человеческие возможности! Но как мало знаем мы о них и, к сожалению, почти не умеем по-настоящему использовать.

Умение читать быстро — это тот самый золотой ключик, который помогает открыть потаенную дверь в неисчерпаемую кладовую интеллектуальных возможностей человека. Это свойство высокоорганизованного ума, концентрированного внимания, натренированной памяти и обостренного зрения. Этим умением обладали лучшие умы человечества: Наполеон, например, прочитывал две тысячи слов в минуту, Бальзак — целый роман за полчаса. Но, как утверждает директор ЦРЧ Марат Зиганов, выпускники их школы могут читать куда быстрее, чем великий полководец.

При нынешнем лавинообразном потоке информации скорочтение — не увлечение или хобби единиц. Это насущная необходимость, неотъемлемая часть общей культуры человека. В США скорочтение давно уже стало частью национальной общеобразовательной программы. Во Франции, например, не-

возможно получить место преподавателя даже в начальной школе человеку, не владеющему скоро чтением. В нашей стране скоро чтение начало свое развитие в шестидесятых годах, но только сейчас оно становится по-настоящему массовым и обретает все новых и новых поклонников. И это понятно. Скоро чтение нужно всем — школьникам, студентам, аспирантам, деловым людям, литераторам, журналистам, людям разных специальностей и всех возрастов.

Всего за полтора месяца занятий в школе рационального чтения можно научиться читать в пять — десять раз быстрее обычного. Причем методика обучения, разработанная директором школы Маратом Зигановым, с использованием опыта, накопленного зарубежными специалистами, несмотря на ее оригинальность и эффективность, чрезвычайно проста и основана на развитии при чтении памяти и внимания. Это чтение с минимальными затратами времени и сил и максимальным усвоением прочитанного. Обычно у тех, кто приступает к занятиям, скорость чтения составляет от двухсот до восьмисот знаков — букв, цифр — в минуту, а коэффициент усвоения —

от двадцати пяти до пятидесяти процентов. Выпускники читают со скоростью полторы тысячи — шесть тысяч знаков в минуту, а коэффициент усвоения достигает у них девяноста процентов.

Сегодня Московскую школу рационального чтения закончили уже около трехсот тысяч человек. Среди них и доктора наук, и артисты, и журналисты, дипломаты и студенты, специалисты по маркетингу и школьники. Кстати сказать, по инициативе ШРЧ в июне 1990 года создана Советская ассоциация «Чтение», объединяющая специалистов, работающих над совершенствованием методов обучения и изучающих сам процесс чтения. В планах ассоциации — разработка общенациональных программ по преподаванию скоро чтения, изучение чтения как культурного феномена и социально-психологического процесса, участие в международных программах ЮНЕСКО. И один из первых практических шагов ассоциации — проведение широкомасштабного эксперимента по внедрению быстрого чтения в школьные программы Красногвардейского района Москвы.

Кто-то скажет: «Повезло сто-

Чтение для ума — то же, что физические упражнения для тела.

Д. АДДИСОН

личным школьникам!» Однако не стоит завидовать. Поступить в школу рационального чтения может каждый, тем более, что оплата по нынешним временам — символическая. Для желающих обучаться заочно сообщаем адрес:

121151, Москва, Кутузовский проспект, 24. ШРЧ

**Телефоны для справок:
249-99-84 122-04-52**

Для поступления в ШРЧ нужно написать заявление с просьбой о приеме и обязательно вло-

жить в письмо конверт со своим адресом. В ответ вы получите рекламный буклет с условиями приема и обучения.

Заочное обучение по переписке — три месяца.

Итак, школа рационального чтения — это:

- **скорочтение** (увеличение скорости чтения в пять — десять раз)

- **укрепление памяти** (девятьдесят процентов усвоения прочитанного)

- **аутотренинг**
ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

Андрей МАКСИМОВ

СМЕРТЬ ВСЕГДА В ПРОШЛОМ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Вот вам еще одна история о комиссаре Гарде. Если вы вдруг позабыли предыдущие, напомню: чуть-чуть мятый костюм, чуть-чуть небрежно повязанный галстук, чуть-чуть тоски в глазах, чуть-чуть седины на висках... Это и есть комиссар Гард — на чью долю всегда достаются дела, в которых реальное и фантастическое переплетается столь сильно, что уже не отличить одно от другого.

Историю эту читать не надо: вы вряд ли найдете в ней что-нибудь особенно интересное. Ну разве еще раз убедитесь в прозорливости комиссара Гарда, который меняет времена проживания столь же легко, как одежду, но в каждом времени проявляет свою прозорливость.

А так... Что за история? Сюжетец, надо признать, весьма незатейлив. Намек на детектив серьезно воспринимать не следует — с и есть намек, не более того. Да и пишу я вовсе не для того, чтобы читали. Я пишу для того, чтобы было. Пусть себе пылится в дальнем ящичке какого-нибудь одинокого стола или хранится в памяти старого компьютера. Главное: зафиксировать правду об этих событиях, которые уже обросли массой домыслов и легенд. Здесь же не будет ни одного красивого, но не проверенного факта. Ни словесной лжи. Ни полслова фантастики, вообще — фантастики никакой. Только правда.

...В то утро комиссар Гард полетал на ракете по близлежащим планетам — такая у него была привычка — и занимался тем, чем привыкли заниматься все комиссары по утрам: он читал газету и пил кофе.

Как догадался проницательный читатель, я рассказал об этом только для того, чтобы написать фразу: И ТУТ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН. Что ж это за комиссар, который с чашечкой кофе в руках не бросается по утрам к телефону?

Правда, Гард бросился к видеотелефону. Уж если быть совсем точным. Уж если не врать и не сочинять.

— Слушаю, — сказал комиссар.

И увидел на экране толстое лицо своего начальника — префекта полиции... Как вы знаете (не из жизни — так из литературы), что префекты полиции — люди не особо симпатичные. Поэтому лица у них бывают, как правило, либо чересчур толстыми (у плохих, но добродушных), либо чрезвычайно худые (у совсем-совсем плохих). У этого было толстое: щеки с трудом помещались на экране.

— Ну? — спросил Гард.

— Отдыхаешь? — спросило лицо и улыбнулось, отчего щеки исчезли с экрана вовсе — остался только рот с ровным рядом искусственных зубов. Рот спросил: — Гард, ты, конечно, слышал об этой странной смерти в прошлом?

Гард, конечно, не слышал, но ответил, разумеется:

— Да.

— И что ты обо всем этом думаешь: это, действительно, подвиг или убийство?

«Интересная, видно, история», — подумал Гард, а вслух сказал:

— Я думаю, дорогой префект, что убийство в наше время штука столь редкая, что это наверняка несчастный случай.

— Вижу, я тебя заинтересовал, — сказал рот, и щеки вернулись на место. — Вот и займись.

— Это приказ? — спросил Гард на всякий случай.

— Увидишь Марию — передавай привет, — ответил префект и отключился.

«Глупости, — подумал Гард. — Во-первых, с чего это мне видеть Марию, а, во-вторых, с чего это мне взбрело бы в голову передавать ей приветы от всяких толстых префектов».

Занятый такими размышлениями, он открыл газету на первой полосе и увидел огромный заголовок: «ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ В XIX ВЕКЕ».

Надо ли добавлять, что комиссар — разумеется, невольно — почувствовал легкий холодок в районе виска? Известное дело: у комиссаров полиции непременно где-нибудь холодит, когда речь заходит о настоящем деле.

Директор Института Истории Земли встретил комиссара Гарда с той нарочитой вежливостью, какую во все времена используют интеллигентные люди дабы показать, насколько им неприятен собеседник.

— Садитесь, милейший, в креслице, — улыбнулся Директор.

Однако проницательный Гард заметил в его взгляде недобрую мысль и поэтому сразу перешел к делу:

— Мне хотелось бы подробнее узнать обстоятельства смерти Александра Мака.

— Мне тоже хотелось бы, миленький вы мой. Только вот, увы, сие невозможно. И я могу повторить только то, что вы знаете и так:

в машине времени произошла поломка, после чего Александр Мак самоуничтожился. Это настоящий подвиг, доложу я вам. Не каждый ученый способен на такое.

— Зачем он убивал себя? В конце концов, лучше жить в прошлом, чем не жить вообще.

— Миленский вы мой. — сказал Директор тем тоном, как обращаются к неполноценным. — Если вы не понимаете, я вам объясню, Дорогуша моя. Прошлое было таким, каким оно было, и другим оно быть не может. Это понятно? Фантасты об этом много писали. Или комиссары не читают фантастику?

Гард не ответил, потому что, как вы понимаете, он не привык отвечать на вопросы — он привык их задавать.

— Любой, даже самый молодой исследователь прошлого понимает: никогда и ни при каких обстоятельствах в прошлое вмешиваться нельзя, — продолжил Директор. — И уж тем более недопустимо, чтобы в прошлом жил человек, который на самом деле там и не жил никогда. Невозможно жить и вообще никак на прошлое влиять. Вы это понимаете? Александр Мак совершил великий подвиг ученого — он уничтожил себя, чтобы не уничтожить историю. Это понятно?

— Непонятно другое, — Гард из-за всех сил делал вид, будто его не раздражает тон Директора. — Что за поломка была в машине времени?

Директор рассмеялся:

— Дорогуша моя, может, вам еще принцип машины времени рассказать? Если у вас есть в запасе неделька-другая — пожалуйста, я могу. Тот большой агрегат, который находится в нашем институте, и, благодаря которому работают индивидуальные машины времени, к счастью, не поломался. Его поломка была настоящей трагедией. А вот индивидуальная сломалась — ученый погиб. — Вдруг улыбка исчезла с лица Директора. — Повторяю вам: Александр Мак совершил великий подвиг, а в подвиге копаться не надо. Ясно вам? Не стоит порочить подозрениями имя великого ученого. Еще есть вопросы?

Директор говорил так, что его хотелось подозревать. Это настроило опытного Гарда. Так они и разговаривали теперь — с повышенной осторожностью.

— Да. У меня еще есть вопросы. Чем конкретно занимался Александр Мак?

— Если объяснять так, чтобы даже вам было понятно... Александр Мак проверял легенды прошлого. Ясно?

— Не совсем, — усмехнулся Гард. Ему в голову пришла блестящая идея: попросить своего приятеля из финансового управления устроить в этом Институте ревизию: даже если ничего не найдут, нервы Директору попортят, это уж точно. Такая мысль успокоила

комиссара. — Не совсем ясно, — повторил Гард. — Туповат я, извините, потому что — полицейский. Объясните проще.

— Попробую, милейший. Вы, конечно, знаете, кто такие Моцарт и Сальери, и, разумеется, убеждены, что Сальери отравил Моцарта...

— Признаться, я всегда именно так и думал, — сказал Гард, который понятия не имел, ни кто такой Моцарт, ни кто такой Сальери, ни зачем понадобилось одному травить другого.

— Так вот, Мак проверил, как оно было на самом деле, и выяснилось, представьте себе, что Сальери Моцарта не травил. Впрочем, думаю, что про первое открытие Мака знаете даже вы. Оно касалось XX века, а если еще конкретней — поэта Евтушенко. Вы знаете, кто такой Евтушенко?

Кто такой Евтушенко, знал даже Гард.

Директор и не сомневался в этом, поэтому продолжил:

— Как вы знаете, исследователями считалось, что Евтушенко был нищ, жил на грани бедности и умер от голода. Да и разве могло быть иначе, дорогуша моя? Не мог же поэт, который конфликтовал буквально со всеми режимными — это видно из его творчества, — жить богато? Оказалось: ммм. Маку, конечно, никто не поверил, но он представил неопровержимые доказательства, целый фильм. Удивительно, не так ли? Открытие это перевернуло все представления о русской литературе XX века. Еще вопросы, милейший?

— И таких примеров много? — спросил Гард для поддержания разговора.

— Работа Мака, по сути, еще только началась. А что, это может помочь следствию?

На этот вечный вопрос у Гарда, как и у всякого уважающего себя комиссара, нашелся вечный ответ:

— Следствию может помочь буквально все. Любая деталь.

Тут Директор понял, что наступило время послать Гарда к кому-нибудь, и он не замедлил это сделать:

— Вы можете пойти к профессору Кински, он разбирает архив Мака, у него есть последняя видеозапись последнего путешествия Мака, а следствию, как вы очень точно заметили, может пригодиться любая деталь.

— Благодарю, — комиссар встал и направился к двери.

Как вы понимаете, у самой двери его остановил голос Директора:

— Послушайте, комиссар, вы зря стараетесь. Мак погиб. Его машина уничтожена. Он — герой. Вот и все. Мне кажется, я уже говорил вам это? Так что не тратьте время напрасно.

И комиссар Гард твердо понял, что тратит время не напрасно.

Разумеется, что после всего этого комиссару не оставалось ничего другого, как вернуться домой — Кински подождет, — выкурить

в машине свою любимую дешевую сигарету (а настоящие комиссары других не курят), и залезть под душ, ибо именно под душем любят раздумывать все комиссары.

Раздумывал комиссар о возможных версиях.

Версия первая: Александр Мак погиб от того, что в машине времени случилась некоторая поломка.

Версия вторая: Александр Мак, действительно, погиб сам, обнаружив поломку в машине времени, но поломка эта была несчастна.

Версия третья: кто-то прилетел в прошлое к Маку, убил его, а все остальное — инсценировал.

Комиссар вышел из ванной, выпил стакан вина, и подумал, пожалуй, больше вариантов нет.

Поскольку комиссар Гард ощущал себя героем детектива, первую версию он сразу отверг. Стоило ли, как говорится, огород городить, если бы Мак погиб сам?

Выпив еще полстакана, Гард понял, что склоняется к третьей версии, хотя она и казалась довольно странной. Однако, допив второй стакан, комиссар смог объяснить себе, что ему не нравится во второй версии.

Известно, что в прошлое посылают только людей с крепкими нервами, исследователи прошлого проходят специальные испытания. Увы, прошлое нашей Земли таково, что встречу с ним выживает не каждый. Чтобы такой человек, едва обнаружив поломку, покончил с собой? Вероятно, конечно, но не очень.

И еще. Комиссар Гард прекрасно знал: когда человек любит свое дело — для него процесс важнее результата. Ведь и комиссар, как ни странно, не любил те минуты, когда ему становилось все ясно в очередном деле. Он любил расследовать, исследовать, искать. Мак, наверняка, тоже был фанатик, иные в прошлом суются. И вот такой фанатик-исследователь попадает в мир, который ему очень интересен. Пусть он не может передавать результаты своих наблюдений в Институт, но вовсе отказаться от исследований? Вероятно, конечно, но не очень.

Кроме того. Откуда Мак узнал, что его машина времени сломана? Он уже собирался в обратный путь? Значит, уже окончено развенчание очередной легенды? Какой именно? Может быть, кто-нибудь очень не хотел, чтобы результаты этих исследований стали широко известны?

Предположим, кто-то проник вслед за Маком в прошлое, убил его, уничтожил машину времени, а потом на своей вернулся назад. Машина времени, как известно, двух человек перенести не может. Правда, неясно: зачем убивать Мака в прошлом, когда проще это сделать в настоящем?

И все же, если эта версия верна, то круг подозреваемых стано-

вится чрезвычайно узок: ведь попасть к машинам времени может только специалист. А все специалисты по изучению прошлого работают в институте. Итак, надо проверить версию, что некто, работающий в институте, полетел в прошлое и там убил Мака.

«Хорошо бы это оказался Директор», — подумал Гард и улыбнулся.

После этого он выпил еще полстакана и спросил сам себя: «А почему, собственно, я так уверен, что Александр Мак погиб? Ведь труп его никто не видел?»

От этого вопроса Гард чрезвычайно расстроился. Он решил немедленно позвонить Марии и устроить себе сегодня отдых.

Что и проделал с большим удовольствием.

Наутро после отдыха тело болело, а голова воспринимала окружающий мир, как затуманенную картину, от которой, к тому же дурно пахло.

И поэтому, когда профессор Кински предложил комиссару рюмочку виски (профессора, как известно, любят пить именно виски, и именно рюмочками), он сразу расположил к себе Гарда.

— Значит, вы заинтересовались этим делом, — вздохнул Кински. — И будете задавать мне все возможные вопросы...

Комиссар отхлебнул виски и хрипло спросил:

— Вы близко знали Мака?

Этот простой, и вроде бы ни к чему не обязывающий вопрос, почему-то заставил профессора Кински встать, и зашагать по комнате с таким видом, будто ответ требовал очень серьезных раздумий.

— Знаете что, комиссар, — сказал наконец Кински. — Давайте не будем устраивать смешной допрос. Я сам расскажу вам все, что, как мне кажется, может вас заинтересовать, потом мы посмотрим последнюю видеозапись Мака — хотя на ней нет ничего интересного — а уж потом, если у вас появятся вопросы, я на них отвечу. Договорились?

«Какой милый человек, — подумал Гард. — Он как будто знает, что меньше всего на свете мне хочется сейчас открывать рот».

Вслух, однако, комиссар сказал следующее:

— Как вам будет удобнее, профессор.

— Что я могу сказать об Александре Маке? — начал Кински. — Сухой, педантичный человек. Если вы хотите знать мое мнение, то такие люди не должны заниматься историей. Вы хотите спросить: «Почему?» Объясню коротко. История — не математика, историю делают люди, а не цифры, а людьми движут чувства. Историю нельзя понять — ее нужно непременно почувствовать. Александр Мак бы на это не способен. Впрочем, обязанности свои он выполнял добросовестно.

Вы пейте, пейте виски, комиссар. Что такое рюмочка виски для комиссара полиции?

У вас возникает вопрос: «Убийство это или не убийство? А если убийство — то кто мог убить Мака?» Могу вам сказать определенно: врагов у него не было и не могло быть, ибо у него не было друзей. Александр Мак жил совершенно замкнуто.

На ваш вопрос: «Можно ли повредить индивидуальную машину времени?» Могу ответить утвердительно: можно. Правда, как именно это сделать — не знаю, но зато уверен: все, что построено человеком, — можно испортить.

Что еще?

Виски приятно пилося, кресло было мягкое, и комиссара превозжило только одно: как бы не заснуть ненароком.

Профессор Кински между тем продолжал:

— Вам должно быть интересно, что я узнал, разбирая архив Мака, — ведь следствию, насколько мне известно, может помочь любая деталь? Так вот, представьте, ничего интересного я не обнаружил. Никаких посторонних записей. Самое интересное, пожалуй, список легенд, которые Мак хотел проверить. Вас интересует, какие именно легенды хотел проверить Мак в первую очередь?

Комиссар неопределенно кивнул. Впрочем, может быть, у него голова свесилась — Гард боролся со сном.

Профессор, однако, решил, что это был утвердительный кивок.

— Мак, например, хотел проверить: правда ли, что композитору Гектору Берлиозу снились сюжеты его будущих музыкальных симфоний? Правда ли, что великий сказочник Андерсен не любил детей? Правда ли, что замужнему русскому химнику Менделееву его таблица привиделась во сне? Правда ли, что Александр Македонский придумал цензуру и мороженое? Правда ли, что Эштер Гюго обстриг себе полглавы и полбороды, а ножницы выкинул в окно и таким образом запер себя в кабинете на две недели, чтобы дописать очередной роман? Правда ли, что изобретатель космического топлива, величайший ученый XXI века Серов покончил с собой из-за того, что его бросила жена?

От обилия имен, большинство из которых он слышал впервые, у Гарда закружилась голова, и чтобы прервать поток, он заметил:

— У Мака были весьма обширные планы.

— Увы, им не суждено сбыться никогда.

Это замечание удивило комиссара.

— А разве вы не будете продолжать дело своего друга?

— Во-первых, Мак не был моим другом, — Кински снова улыбнулся, но на этот раз почему-то улыбка у него получилась виноватая. — А во-вторых, я уже вам, кажется, говорил: у нас с ним расходились взгляды на историю... Насколько мне известно, в институте Мака никто не поддерживал... Впрочем, мне кажется, я ответил на большинство ваших вопросов, и вам, конечно, хочется посмотреть последнюю видеозапись Мака?

— Пожалуй, — несколько вальяжно ответил Гард.

На огромном экране, который занимал всю стену, шел высокий, несколько несуразный человек. Он шел не по асфальтированной дороге, а прямо по земле. Вокруг него цвела буйная растительность. Никогда в своей жизни Гард не видел столько зелени одновременно.

— Это и есть Александр Мак, — заметил Кински. — Его последние исследования были связаны с именем великого русского поэта

Пушкина. С именем Пушкина связано множество легенд. Мак проверял их.

— А Пушкин жил давно? — спросил Гард.

— В XIX веке, — ответил Кински.

А Мак между тем все шел и шел. Казалось, у его пути не никакой цели, и путь этот не кончится никогда.

Периодически сбоку от дороги возникали какие-то люди в грязных одеждах. Люди копошились в земле и не обращали на Мака ни малейшего внимания.

Будто угадав его мысли, Кински спросил:

— Исследователи прошлого невидимы. Это единственный способ не оказывать никакого воздействия на окружающую жизнь.

А Мак все шел и шел.

Потом он повернул и пошел обратно.

— И долго он так ходить будет? — спросил Гард.

— Во-первых, он дышит воздухом. В XIX веке, скажу вам, был потрясающий воздух. Тот воздух имел вкус. А во-вторых, изучает обстановку, атмосферу. Вы хотели посмотреть его последнюю видеозапись, пожалуйста. Но это скучное занятие. Когда исследователь находится в прошлом — съемка ведется постоянно. Это важно для самого исследователя, вернувшись, он все может подробно рассмотреть. Подобные, с позволения сказать, фильмы, как правило смотрят только сами исследователи... Вот, кстати, видите рядом с Маком проскакал на лошади маленький человечек, похожий на обезьяну? Это Пушкин. Будем продолжать просмотр? — поинтересовался Кински.

— А еще долго?

— Часа три. Может, чуть больше. Но ничего интересного вы тут не увидите.

Если бы Гард не чувствовал себя столь погано, он бы, конечно, встал, поблагодарил Кински и ушел домой с чувством выполненного долга. Но комиссар чувствовал себя плохо. Значит, относился к самому себе с повышенным вниманием. Боялся самому себе дать поблажку.

— А нельзя прокрутить? — спросил комиссар.

— Пожалуйста. — Кински был сама любезность.

Мак быстро забегал по земляной дороге туда-сюда, а потом быстро-быстро направился к усадьбе, белеющей вдали.

Кински включил нормальную скорость и заметил:

— Комиссар, поверьте, вы напрасно тратите время. Здесь нет ничего интересного.

— Давайте посмотрим последние кадры. Самые-самые. Последние, в которых оборвалась жизнь Мака.

— Пожалуйста, — согласился Кински. — Хотя и в них вы вряд ли увидите что-то криминальное.

Александр Мак по-прежнему шел по дороге.

— Ну как? — спросил профессор.

— У вас в прошлом — приятная работа, — заметил Гард. — Ходи себе, дыши вкусным воздухом. — Вдруг он впился в экран взглядом, потом вскочил со стула и заорал. — Стоп! Стоп! Стоп! Остановите, умоляю вас!

На экране шло лишь белое изображение пустоты.

— Немедленно верните последние кадры, — голос Гарда срывался.

— В чем дело? — явно растерялся Кински.

— Верните, я сказал.

— Я спрашиваю вас: в чем дело? — Кински посмотрел на Гарда, и в его взгляде комиссар увидел испуг.

Но Гарду было не до этого.

И снова Александр Мак шел по дороге, вот он обернулся так, будто его позвали.

ОН ОБЕРНУЛСЯ ТАК, БУДТО ЕГО ПОЗВАЛИ.

— Стоп! — снова крикнул Гард. — Вы видели?

— Что такое?

— Вы заметили его реакцию? Заметили? Так реагирует человек, когда его позвали. А вы, скажите, может окликнуть человека-невидимку?

— О Господи, комиссар, — Кински опустил в кресло. — Я и не подозревал, что в полиции работают такие фантазеры. О чем вы? Мало ли что могло отвлекать Мака? Может быть, топот копыт или крик человека.

Гард выпил виски, потом спросил:

— Давайте еще раз.

Комиссар забыл про усталость: он напал на след. А настоящие комиссары не могут чувствовать усталость и след одновременно.

Снова пошло изображение.

— Пожалуйста, в замедленном темпе, — Гард уставился на экран. — Смотрите, смотрите внимательно. Видите, Кински, видите, вот он поворачивается. Стоп! Да остановите вы! Дайте крупно его глаза. Так. Еще крупней! Вам не кажется, что так смотрит человек, когда он узнал кого-то? Давайте изображение дальше. Вам не кажется, что так поднимает руки человек, когда он хочет кого-то приветствовать?

И опять — белая полоса.

— Жаль, что машина времени сломалась, — вздохнул Кински.

— Вам не кажется, что она сломалась очень вовремя?

— Но, комиссар, признаться, я не увидел ничего такого, что увидели вы.

— Именно поэтому, профессор, вы — историк, а я — комиссар полиции. Если угодно, факт убийства не оставляет у меня сомне-

ний, и я намерен просить у вашего директора карамболь.

— Не даст,— уверенно сказал Кински.

С тех пор, как появилась машина времени, полицейские стали использовать ее в своих целях. Ну, право слово, как просто: отодвинуться чуть-чуть в прошлое, самому попасть невидимым на место преступления, и все увидеть своими глазами. Операция по проникновению в прошлое ради добычи криминальной информации и зашифровывалась словом «карамболь». Имелось в виду, что никто из посторонних не догадается, о чем идет речь, когда какой-нибудь полицейский скажет эдак небрежно: «Я вчера карамболился немного. Очень устал».

Как вы понимаете, едва слово стало секретным — все сразу узнали его истинное значение.

Разрешение на карамболь давал лично Директор Истории Земли. И это было правильно: во-первых, если каждый желающий полицейский полезет в прошлое — машина будет работать только на полицию. А во-вторых, карамболь внес большую путаницу в жизнь: некоторые полицейские, прыгая в ближайшее прошлое, там и оставались, чем нарушали нормальный порядок вещей, а другие, благородно, вместо того чтобы внимательно проследить за преступником, предотвращали преступления, снова мешая нормальному течению истории.

— Директор на «карамболь» разрешения не даст,— повторил Кински.

— Придется его уломать,— возразил Гард.

— Не удастся.

— Тогда придется на него повлиять как-то иначе,— Гард закурил свою дешевую сигарету. Так всегда в трудную минуту поступают комиссары.

— Значит, вы твердо решили карамболиться в прошлое? — Кински пододвинул комиссару пепельницу и закашлялся от дыма.

— Благодарю вас, профессор, вы мне очень помогли,— Гард поднялся и протянул Кински руку.— Поверьте, мне было приятно с вами познакомиться.

Но профессор протянутой руки не взял. Он посмотрел на Гарда, словно оценивая, и сказал:

— Вижу, комиссар, что вы не отступите. Вы не только наблюдательны, но и упорны. Что ж, значит, лучше решить все сразу. Карамболь вам предоставляю я.

— А вы имеете такие права? — наконец опустил руку Гард.

— Я имею такие возможности. И давайте не откладывать. Сегодня вечером вас устроит?.. И прошу вас, приходите один, потому что если кто-нибудь узнает, что я дал вам карамболь... В общем, сами понимаете.

— Спасибо, профессор.

— На здоровье, комиссар Гард. Мне ведь и самому небезынтересно узнать, кто убил Александра Мака... Если его, конечно, убили. Ну так что, договорились?

И они пожали друг другу руки.

Вечером когда все коридоры Института гулко отдавали пустотой, Гард подошел к кабинету профессора Кински. Постучал. Ему никто не ответил. Постучал настойчивей. Тишина.

Комиссар открыл дверь. Вошел.

— Закройте дверь, комиссар, — раздался в темноте голос. — И имейте в виду: одно неверное движение, и вы будете убиты.

Комиссар закрыл дверь.

— А теперь бросьте, пожалуйста, пистолет, — вежливо попросил Кински. — И второй — тоже. Третьего, я надеюсь, нет. Смешно, комиссар, не так ли: столько напридумывали всего, даже машину времени, а для честного мужского разговора нет оружия лучше, чем пистолет.

Вспыхнул свет.

— Присаживайтесь, — Кински сидел в дальнем углу комнаты, наставив пистолет на Гарда.

— Александра Мака убил я, — спокойно сказал Кински.

— Профессор, я хочу предупредить вас, что дом окружен, и вы не выйдете отсюда, даже, если убьете меня.

— Я вас не собираюсь убивать, комиссар. Зачем заманивать вас в Институт, чтобы убить? Для этого можно найти какое-нибудь более подходящее место, и способов есть множество... Но самое интересное, комиссар, не то, что я вас не убью, а то, что вы меня отпустите. Если, конечно, вы нормальный, умный человек, то есть именно такой, каким кажетесь. И не надо мне возражать. Мне кажется, мы неплохо поговорили днем, когда я говорил, а вы молчали. Может быть, продолжим в той же манере?

— Признаться, не люблю разговаривать под дулом пистолета, — усмехнулся комиссар.

— Тут уж, комиссар, вам придется потерпеть. До поры, конечно. Ведь стоит мне опустить пистолет, вы можете Бог знает чего натворить.

— Обязательно натворю.

— Вот видите. Поговорим спокойно. Итак, я убил Александра Мака. И не жалею об этом. Не надо на меня так смотреть: я не маньяк, не сумасшедший, и вообще лично у меня к Маку не было никаких претензий. Я убил Александра Мака как ученый, потому что не мог ему позволить надругаться над историей. Вот так. Теперь я могу убрать пистолет, потому что вы готовы меня слушать, не так ли?

Профессор Кински говорил уверенно, спокойно, и комиссар

Гард понял, что будет слушать этого человека — человека, который явно знает цену своим словам.

— Что такое исторические легенды, комиссар? Это душа истории. Душа ведь тоже — казалось бы — не нужна, она никаких функций не несет. Но без нее нет человека. То же — и в истории. Какая разница: правда или нет, что Александр Македонский изобрел мороженое, и что он читал письма своих солдат домой, введя, таким образом, цензуру? Как без этих легенд понять Александра Македонского? Ну доказал бы Мак, что на самом деле не волчица вскормила Ромула и Рэма, и не от них возник Рим? Уверяю вас, что-то в самом городе исчезло бы, во всяком случае в нашем восприятии его. Теперь мы не можем читать стихи Евтушенко, потому что не верим им. И кому от этого хорошо?

— Но ведь это же правда! — закричал Гард. — Вы что, против исторической правды?

Тут уже настал черед орать Кински:

— Правда? О какой такой правде вы говорите? Легенда — вот правда истории. Поймите вы это! Правда в том, что Бальзак — был такой французский писатель — выпивал на ночь литры кофе, — потому что без этих литров нет писателя. Правда в том, что у Гогена была любовь с таитянской, и потому только мог он рисовать свои великие картины, которых вы, комиссар, не видели никогда! Вот историческая правда! А все остальное — даты, факты, — на самом деле не имеют к истории отношения. То есть имеют, конечно, но... Если бы Мак остался жить — история была бы уничтожена, потому что большинство легенд, разумеется, не подтвердилось. Люди придумывают про героев прошлого только то, что им самим очень хотелось бы в них видеть. Легенды — это, своего рода, осмысление прошлого, понимаете? А Мак не понимал.

Кински опустил в кресло, выпил стакан воды и продолжил:

— Я бы мог убить Мака тысячами способов, но я выбрал такой, чтобы о Маке сохранилась легенда. Знаете ли вы, что наш Институт собираются назвать именем Александра Мака? Его имя могло войти в историю, как имя ученого, пожертвовавшего собой ради науки. Но тут явились вы... Правда, и я идиот: стерев финальные кадры с последней видеозаписи, не стер его реакцию на мое появление. А вы еще оказались так некстати наблюдательны.

— Послушайте, Кински, — в Гарде наконец-то заговорил профессионал. — Первая же экспертиза показала бы, что вы стерли пленку.

— Она и показала. Экспертизу проводил Директор... Только не надо его привлекать за соучастие в убийстве... Или сокрытие, как это у вас называется? Директор выполнил свой долг ученого — вот и все.

Представьте, комиссар, вот вы возьмете сейчас пистолет, аре-

стуете меня. Что дальше? Вас похвалят. Меня, в лучшем случае, казнят, в худшем — отправят маяться в сумасшедший дом. Это неважно. Важно, что как только правда откроется, начнутся диспуты: кто прав, Мак или я? У Мака, разумеется, появятся последователи, которые ринутся в прошлое за тем, что вы называете исторической правдой. И снова душа истории окажется в опасности. Однако, найдутся и такие, кто поддержит меня. В общем, дальше можете фантазировать сами.

Гард поднял с пола два свои пистолета и сказал:

— Все, что вы рассказали, очень логично. Но, скажите, неужели вам не страшно жить после того, что вы сделали? Вы убили своего коллегу, вы...

Но Кински не дал ему договорить.

Он поднял на комиссара глаза и сказал тихо-тихо, почти шепотом:

— Пошли вы к черту. Вы все равно не понять, что остается мне во сне. Вы не знаете, что я уже казнил себя. А сейчас убирайтесь к черту... Пожалуйста.

Утром Гарда разбудил звонок.

На экране видеотелефона улыбался префект.

— Ты, конечно, читал сегодняшние газеты? — спросил префект, хотя прекрасно видел, что Гард еще не поднимался с постели. — В этом Институте Истории Земли какой-то парень сошел с ума и взорвал себя вместе с машинкой времени, с тем главным агрегатом, который теперь придется ремонтировать несколько лет. Я надеюсь, Гард, что ты тут не при чем?

— Как фамилия парня? — спросил Гард, прекрасно зная, что ему ответят.

— Сейчас посмотрю, — шеф шелестел газетой. — Кински. Профессор Кински. Он еще оставил записку. Сейчас прочту. «Не надо исследовать прошлое. Остается в истории достойного только то, что осталось в памяти людей, в их легендах». Псих какой-то... Ну так как, комиссар, продвигается дело с этим Маком?

Гард посмотрел на огромное улыбающееся лицо своего шефа и ответил:

— А никакого дела нет. Александр Мак покончил жизнь самоубийством. Это точно. Он останется в истории, как великий ученый, отдавший свою жизнь науке, — и комиссар выключил видеотелефон.

Вот так все было на самом деле. Все, что вы прочли, — чистая правда. А остальное, что вы наверняка слышали про эту историю, — домыслы, сказки, не имеющие к истине никакого отношения. Уверю вас.

Сергей ЦЕБАКОВСКИЙ

ПОИСК АВАРИЙНЫХ НЛО

3. МЭДЖЕСТИК — 12

Джайме Шандера, телепродюсер... Имя ровным счетом ничего не говорило уфологам тогда, да и теперь говорит лишь о том, что в 1984 году в руки этого человека попали секретные документы об НЛО, преданные гласности тремя годами позже.

Сам по себе случай утечки секретной информации для Америки последних десятилетий не столь уж редкий. Многие политические, экономические и военные тайны становились явными при посредничестве журналистов. На этот раз произошла утечка информации о летающих дисках. Как и от кого были получены документы, осталось неизвестным. Очевидно, это было условием их передачи. Для комментирования и публикации были привлечены два человека: Уильям Мур и Стэнтон Фридман.

К концу 70-х годов Мур и Фридман собрали по городам и весям Америки девяносто два

свидетельства, прямо или косвенно подтверждающих аварию одного или нескольких дисков в штате Нью-Мексико. Треть свидетелей, по их словам, лично участвовала в поисках, предварительном изучении дисков или в операциях прикрытия.

Сенсация была велика. Семь листов секретных документов на миг приковали к себе внимание мировой прессы. Но официальное опровержение не заставило себя долго ждать — документы были названы фальшивками. Само опровержение, как обычно, было сдержанным, немногословным. Спокойно, с достоинством приняли это опровержение и уфологи, прекрасно знавшие цену таким опровержениям. Серьезные уфологи, кстати, не торопились безоговорочно принимать обнародованные документы. Так что и нам при знакомстве с этими бумагами не следует впадать в крайность, а постоянно помнить как об официальных опровержениях, так и о добром совете — не торопиться с окончательным суждением.

Что же собой представляют

Продолжение. Начало в № 9, 10.

эти семь листов? Начнем с последнего, он объясняет появившиеся предыдущих.

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ
Белый дом, Вашингтон**

24 сентября 1947 г.

**МЕМОРАНДУМ
ДЛЯ МИНИСТРА ОБОРОНЫ**

Как и было условлено в недавнем нашем разговоре на эту тему, настоящим вы уполномачиваетесь со всей возможной поспешностью и предусмотрительностью продолжить ваши мероприятия. Впредь всё, относящееся к данному предмету, будет именоваться Операцией Мэджестик Двенадцать. Как и прежде полагаю, что любые распоряжения, касающиеся конечного решения вопроса, должны исходить от Президента после предварительного обсуждения с вами, доктором Бьюмом и Директором Центрального разведывательного управления.

Гарри Трумэн

Итак, президент предлагает министру обороны завершить создание некоей секретной группы под кодовым названием Мэджестик, что в переводе означает «величественный», магическое число двенадцать — количество ее постоянных членов, а предмет изысканий группы, как станет ясно из дальнейшего, аварийные диски.

Из Белого дома меморандум вышел два с половиной месяца спустя после Розуэллского инцидента. Стало быть, такая группа, пусть не в полном составе, фактически уже существовала, участвовала в предварительном изучении потерпевшего аварии диска. Теперь ее надлежало оформить на основании негласного указа президента.

1947 — год рождения многих

существующих поныне ведомств. Во исполнение принятого ранее закона о национальной безопасности в сентябре были учреждены Совет национальной безопасности, Министерство обороны. Тогда же возник самостоятельный род войск — Военно-воздушные силы, входившие прежде в состав сухопутной армии. В сентябре же было создано и Центральное разведывательное управление. И хотя последующая деятельность этих ведомств так или иначе оказалась связанной с неопознанными летающими объектами, синхронность их учреждения с группой Мэджестик-12 скорее всего случайность.

А вот другое событие, почти совпавшее с датой президентского меморандума, вряд ли случайно. Накануне, 23 сентября 1947 года начальник Главного технического управления ВВС генерал-лейтенант Нейтан Туайнинг направил командующему ВВС письмо о летающих дисках. Подлинность письма, долгие годы охранявшегося грифом «секретно», сегодня никто не оспаривает. Письмо пространно, приведем лишь свод цитат из него:

Феномен, о котором идет речь, представляет собой нечто реальное, а не является плодом воображения или вымысла... Существуют объекты, по своей форме приближающиеся к диску, размерами столь значительные, что как будто не уступают рукотворным летательным аппаратам... Научно-технический потенциал США позволяет при условии интенсивной и планомерной разработки создать пилотируемый летательный аппарат, который в общих чертах соответствовал бы вышеописанному... Настоящим рекомендуем:

создать первоочередной секретный под кодовым пазвипием проект для тщательного изучения феномена в целях обобщения всех относящихся к делу данных с последующей их передачей в различные центры... В ожидании специальной директивы Главное техническое управление продолжит в пределах своих возможностей исследования с тем, чтобы полнее выявить характеристики этого феномена.

Секретные проекты, предложенные Туайнингом, были учреждены. С начала 50-х годов американцы безуспешно пытались создать некое подобие летающей тарелки, известной под названием V2—9V AVR O. После десяти потраченных лет и выброшенных на ветер десяти миллионов появилась модель, сумевшая оторваться всего на три фута от земли при скорости 35 миль в час. Слабым утешением явилось то, что в продолжение какого-то времени Пентагон, манипулируя слухами об экспериментальном самолете-диске, за его счет описывал многие наблюдения НЛО.

Другой предложенный Туайнингом проект — для сбора и обработки информации о летающих дисках — возник в конце того же 1947 года и под различными кодовыми названиями — «Сайн», «Градж» и «Синяя книга» — существовал более двух десятилетий. Но, если верить публикуемым документам, все три разноименных проекта служили прикрытием для других, еще более засекреченных подразделений, руководимых группой Мэджестик-12.

Приступим к чтению. Лист первый:

ИНСТРУКТИРУЮЩИЙ ДОКУМЕНТ: ОПЕРАЦИЯ МЭДЖЕСТИК-12 ПОДГОТОВЛЕН ДЛЯ НОВОИЗБРАННОГО ПРЕЗИДЕНТА ДУАЙТА Д. ЭЙЗЕНХАУЗРА: (ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ)

18 ноября 1952 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Это СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫЙ — ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ документ, содержащий важную для национальной безопасности США информацию ограниченного пользования (compartmentalized information). ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ГЛАЗ строго ограничен лицами, входящими в Мэджестик-12. Воспроизведение в любой форме — от руки или механическими средствами копирования строжайше запрещено.

Таков полный текст первого листа, если на считать сверху и снизу отпечатанных и затем — опять же сверху и снизу — дополнительно проштемпелеванных гриффов и особых помет. Разобраться в них важно хотя бы потому, что гриффы и особые пометы стали предметом споров при обсуждении подлинности документов.

Главный заряд секретности таится в триаде:

TOP SECRET/MAJIC
EYES ONLY

Первые два слова означают «Совершенно секретно». За собой чертой кодовое название группы и операции — «Мэджестик», но для краткости слово усечено и в результате из «величественного», превратилось в «магический».

Вторая строка — «Только для глаз» — относится к разряду помет. Смысл пометы вроде бы ясен, все же в тексте даются исчерпывающие пояснения, что говорит о новизне пометы в те годы. Иначе зачем объяснять? Сейчас помета общепринята.

В военной документации нередко встречается, например: Officer's Eyes Only — Только для (глаз) офицеров.

Серьезные возражения у критиков подлинности документов вызвало словосочетание, равнозначное русскому «информация с ограниченным пользованием» — compartmentalized information, точнее, первое слово, производное от «compartment», что значит «отделение», «отсек». Смысл термина очевиден: любая секретная информация распределяется по «отсекам», и сотрудник секретного ведомства, пусть даже имеющий допуск к совершенно секретной информации, вправе знать только то, что относится к его отсеку. Уловка эта стара, как мир. Но критики уверяют, что понятие «отсека» в документации появилось только в 60-е годы и, следовательно, его использование в документе, относящемся к 1952 году, изобличает его подложность.

Если даже «отсек» появился в годы президентства Ричарда Никсона, если даже термин введен был конкретной инструкцией с указанием точной даты, все равно довод звучит не слишком убедительно. Словечко могло сначала промелькнуть и лишь затем закрепиться в бумагах того или иного ведомства, постепенно расширить свой ареал и наконец войти в обиход разведслужб и высоких учреждений. Учредители этого квазиновшества могли и не знать первоисточника.

Так, считалось, что легкомысленный термин «летающие та-

релки» возник в разговоре репортера с Кеннетом Арнольдом после его сенсационного видения над горою Рейнир 24 июня 1947 года. Позже отыскивали тахасскую газету «Геральд» почти семидесятилетней давности, в ней фермер описывал увиденное в небе такими же словами. Эдвард Руппельт, руководитель проекта «Синяя книга», утверждал, что придумал и ввел в оборот термин «неопознанные летающие объекты». Когда рассекретили бумаги предшествующих проектов «Сайн» и «Градж», стало ясно, что термин этот употреблялся и раньше. Вначале тайный, за семью печатями, постепенно он становится обычным, рутинным.

Помимо грифов и помет на каждом листе документа в правом верхнем углу стоит: «В единственном экземпляре». В целом же обилие помет и грифов заставляет вспомнить слова доктора Сарбэчера: все, имеющее отношение к НЛО, засекречено на два порядка выше, чем водородная бомба.

Лист второй:

СОДЕРЖАНИЕ: ОПЕРАЦИЯ МЭДЖЕСТИК-12. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУКТАЖ ДЛЯ НОВОИЗБРАННОГО ПРЕЗИДЕНТА ЭЙЗЕНХАУЭРА

Документ составлен 18 ноября 1952 г. ИНСТРУКТИРУЮЩИЙ ОФИЦЕР: АДМИРАЛ РОСКО Х. ХИЛЛЕНКОТТЕР (M-1)

ПРИМЕЧАНИЕ: Этот документ составлен как предваряющий инструктаж. Его следует рассматривать введением к последующему ознакомлению с операцией.

ОПЕРАЦИЯ МЭДЖЕСТИК-12 — СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНАЯ операция Экспери-

ментально-исследовательского комитета и разведки, подотчетная исключительно и непосредственно Президенту Соединенных Штатов. Операции этого проекта проводятся под контролем Группы Мэджстик-12 (Мэджстик-12), созданной на основании специального секретного указа Президента Трумэна 24 сентября 1947 года по рекомендации доктора Вэлпелара Буша и министра Джеймса Форрестала (См. приложение «А»). Членами Группы Мэджстик-12 назначены...

Далее следуют фамилии. Достаточно пробежать глазами список, и становится ясно: тут не придется гадать — а это кто такой? Почти все имена мы отыщем не только в американских справочниках «Кто есть кто», но и в любой универсальной энциклопедии. Ни в одном издании, однако, не найдется ни строчки о связи этих лиц с интересующим нас вопросом. А потому есть смысл пройтись по списку и высветить именно эту сторону биографии членов группы Мэджстик-12.

Вице-адмирал **РОСКО ХИЛЛЕНКОТТЕР**, М-1, в годы второй мировой войны один из руководителей разведки на Тихоокеанском театре военных действий. С мая 1947 года возглавлял Центральную разведывательную группу, вместе с Управлением стратегических служб она послужила фундаментом для созданного осенью того года Центрального разведывательного управления. Хилленкоттер стал первым директором ЦРУ и оставался в этой должности до 1950 года.

Как и положено профессиональному разведчику, долгие

годы Хилленкоттер держался в тени. Немного о нем можно было бы сказать вообще и совсем ничего — по интересующему нас вопросу. Но во второй половине 50-х годов, после его выхода в отставку, имя Роско Хилленкоттера оказалось неожиданно и подчас скандально связанным с неопознанными летающими объектами. Бывший директор ЦРУ появился в правлении НИКАП'а — Национального центра по исследованию атмосферных явлений — самой влиятельной, самой воинственной уфологической организации, обвинявшей ВВС и разведслужбы в преднамеренном сокрытии информации о летающих тарелках. Уж одно это было сенсацией, однако Хилленкоттер не просто заседал в правлении в качестве свадебного адмирала, но делал заявления, коробившие Пентагон: о том, что «настало время сказать правду», что «люди наконец должны узнать, откуда к нам являются НЛО и каковы их намерения». Хилленкоттер утверждал, что летающие диски существуют, что это разумно управляемые корабли, что военные скрывают правду о наблюдениях, стремятся опорочить и высмеять квалифицированных наблюдателей-очевидцев, все сводя к иллюзиям и мистификациям. И это утверждал человек, которому еще недавно были ведомы все государственные тайны.

22 августа 1960 года Хилленкоттер направил Конгрессу США письмо с требованием незамедлительно принять меры для

устранения опасности, возникшей из-за политики секретности по отношению ко всему, что связано с НЛО. Суть опасности Хилленкоттер определял так:

Риск случайной войны в результате ошибочного отождествления НЛО с внезапным нападением СССР.

Возможность того, что Советское правительство в критический момент прибегнет к блефу, объявив НЛО секретным русским оружием, против которого у нас нет защиты.

Из рассекреченных ведомственных бумаг становится ясно, что подобные страхи одлевали высокопоставленных военных и правительственных чиновников. В основном с этих позиций вопрос об НЛО обсуждался в Конгрессе США — в апреле 1966 года в Комиссии по делам вооруженных сил, затем в июле 1968 года в Комиссии по науке и астронавтике.

Но Роско Хилленкоттер к тому времени уже вышел из НИКАП'а. В прощальном письме директору этой организации адмирал неожиданно взял под защиту ВВС: «Для них это (изучение НЛО) явилось нелегкой задачей, и я полагаю, мы должны прекратить критиковать их методы расследования». Высказывались предположения, что Хилленкоттер подвергся сильному нажиму со стороны властей предержавших. И было бы странно, если бы такого нажима не было.

За годы членства в НИКАП Хилленкоттер сказал многое. Однако не сказал того, что мог бы сказать, будь он действительно М-1 действительно существовавшей группы Мзджестик-12. Про-

тив этого, впрочем, могут быть выдвинуты резонные возражения: хотя Хилленкоттер и делал шокирующие власти признания, но, если подойти к вопросу формально, присяги хранить доверенные ему государственные тайны он не нарушил. Отставной адмирал и разведчик выступал против секретности в вопросах об НЛО, выступал как гражданин, пекущийся о безопасности страны. Эту озабоченность, теперь мы это знаем, создавали и разделяли его преемники на посту руководителей ЦРУ.

Доктор ВЭННЕВАР БУШ, М-2. Известный ученый, организатор науки. После войны руководил Объединенным Экспериментально-исследовательским комитетом. Цель этих учреждений была одна — собирать и спланировать ученых, инженеров, конструкторов для решения насущных задач. Детищем одного из возглавляемых Бушем комитетов стал проект «Манхэттен», создавший атомную бомбу. Вплоть до начала 80-х годов мало кому приходило в голову соотносить имя доктора Буша с такими несерьезными вещами, как летающие тарелки. Однако еще в 1950 году об этом узнал канадский инженер Уилберт Смит, о чем тогда же известил свое правительство. Тридцать три года спустя этот факт подтвердил доктор Роберт Сербэчер.

ДЖЕЙМС ФОРРЕСТОЛ, М-3. До того как стать министром обороны, возглавлял морское министерство. По инициативе Форрестала, говорится в меморанду-

ме Трумэна, и возникла группа Мэджестик-12.

Когда в ноябре 1952 года готовились документы об этой операции, Форрестола не было в живых. По общепринятой версии, 22 мая 1949 года он в состоянии глубокой душевной депрессии выбросился с шестнадцатого этажа морского госпиталя с криком «Они уже здесь!». «Они», конечно же, — «русские», «коммунисты». Так обычно обыгрывали этот эпизод журналисты, все объяснявшие психозом холодной войны. Теперь же, зная об иных заботах бывшего министра обороны, мы, пожалуй, могли бы сказать, что «они» — это инопланетные пришельцы с их кораблями. Если бы только версия о душевной ущербности и самоубийстве Форрестола сама по себе не страдала серьезным изъяном.

В конце второго листа примечание: «1 августа 1950 года вместо покойного Джеймса Форрестола постоянным членом группы назначен генерал Уолтер Б. Смит».

УОЛТЕР Б. СМИТ — заслуженный генерал второй мировой войны. Вхождением в группу обязан назначением его в 1950 году директором ЦРК. Можно смело утверждать, что помимо всего прочего генералу Смиту пришлось изрядно заниматься и проблемой летающих дисков. 1952 год — пора небывалой активности НЛО — приходится на его директорство. Но имя Смита не давало повода для каких-либо уфологических комментариев, пока не стали появляться по решению

суда рассекреченные документы. Тут замелькало имя Уолтера Б. Смита на меморандумах, ему направляемых и от него исходящих, с пометой в графе «содержание» — летающие диски. В одном из таких меморандумов Смит писал в 1952 году директору Отдела психологической стратегии:

Сегодня я направляю в Совет национальной безопасности ряд предложений, связанных с проблемой непознанных летающих объектов, которые, как мне представляется, имеют отношение к психологической войне, а также и к разведывательно-оверативной работе... Предлагаю на ближайшем заседании Отдела обсудить возможность использования этих явлений для ведения психологической войны как в наступательном, так и оборонительном плане.

НЕЙТАН Ф. ТУАЙНИНГ, М-4, — еще один боевой генерал, отличившийся в годы войны. С 1945 года начальник Главного технического управления Армейских воздушных сил со штаб-квартирой на базе Райт-Паттерсон, близ города Дейтон, штат Огайо, той самой авиабазы, с которой уфологический фольклор связывает хранение плененных летающих дисков и гуманоидов. Неудивительно, что Туайнинг всегда привлекал к себе внимание уфологов. Повышенный интерес к нему возник сразу после того, как возник слух о его письме к командованию с признанием реальности летающих дисков.

Но есть в том письме строки, бросающие тень на подлинность всех документов о группе Мэджестик-12. Высказав убежденность в реальности летающих дисков,

Туайнинг тут же счел нужным отметить «отсутствие вещественных доказательств». Если история с аварийными дисками чего-то стоит, рассуждали критики подлинности документов, то в сентябре 1947 года генерал Туайнинг не стал бы вводить в заблуждение начальство и писать, что неопровержимых доказательств не существует, ибо они хранились в двух шагах от его служебного кабинета на авиабазе Райт-Паттерсон. Критики правы с точки зрения здравого смысла, но не более.

Как раз потому, что Туайнинг входил в группу Мэджестик сн по рукам и ногам был связан грифами секретности и полусомнам не смел обмолвиться о существовании обломков диска. Письмо было адресовано командующему воздушными силами и помощнику начальника штаба бригадному генералу Шульгену. Ни тот, ни другой отношения к операции Мэджестик не имели, но если бы даже имели, все равно Туайнинг умолчал бы про захваченные диски: письмо преследовало цель получить «добро» и деньги на учреждение проектов по изучению НЛО и, следовательно, могло быть прочитано не только этими двумя высокопоставленными лицами.

Из сказанного вовсе не следует, что Туайнинг играл с начальством в прятки. Генерал Шульген был осведомлен об имевшихся вещественных доказательствах. Это видно из добытого стараниями уфологов меморандума за подписью Шульгена от 28 октября

1947 года. В нем развивается та же тема, но звучат и новые мотивы.

Хотя и сохраняется возможность русского производства (летающих дисков), основанного на перспективных разработках и реальных достижениях немцев, по мнению некоторых подразделений, означенный объект представляет собой инопланетный корабль того или иного рода.

И далее Шульген уверенной рукой делает набросок такого корабля:

Комбинированная или сэндвичеобразная конструкция с использованием композитных материалов, фанеры, пластика и, возможно, бальзового дерева или подобного материала...

Откуда такие подробности мог знать генерал Шульген? Положим, представление о сэндвичеобразной форме можно было составить по многочисленным визуальным наблюдениям, а вот фольга, пластик и главное — бальзовое дерево! Где мы это уже слышали? Именно такими словами описывали подобранные обломки Уильям Брейзел, Джесси Марсел и все, кому довелось держать в руках странные обломки с пастбища «Фостер плейс». А Шульген об этом узнал от или через генерала Туайнинга.

Еще один эпизод, связанный с Туайнингом, прочно вошел в анналы уфологии. 15 мая 1954 года Нейтан Туайнинг, тогда уже полный генерал и начальник штаба ВВС, выступал на авиабазе Амарилло, Техас, перед военнослужащими, выступал, можно сказать, как свой среди своих, а потому тон его был доверительный. Трудно сказать, о чем конкретно

говорил Туайнинг, но в тот же день агентство «Юнайтед Пресс Интернешнл» на весь мир разнесло слова начальника штаба американских ВВС, возможно, оброненные вскользь или в ответ на заданный вопрос: «Лучшие умы ВВС пытаются разрешить проблему летающих тарелок». Эту фразу подхватили и на все лады комментировали журналисты и уфологи, ибо смысл ее находился в кричащем противоречии с тем, что о летающих тарелках твердили различные представители ВВС на пресс-конференциях и в печати: вздор, массовый психоз, обман зрения, одержимость саморекламой... И вдруг этим вздором, по заверениям Туайнинга, занимаются «лучшие умы ВВС»!

Вторая процитированная агентством новостей фраза из его выступления также прозвучала откровением: «Если они прилетели с Марса, то настолько нас опередили в своем развитии, что нам вовсе не следует их опасаться».

ХОЙТ С. ВАНДЕНБЕРГ, М-5. В 1947 году назначен начальником штаба только что созданных ВВС. В историю уфологии генерал Ванденберг вошел своим неординарным приказом. В августе 1948 года АТИС — Центр авиационно-технической разведки представил командованию доклад о летающих дисках, известный под названием «Оценка ситуации». Составлялся он на основании многочисленных свидетельств высококвалифицированных наблюдателей — ученых, пи-

лотов, радистов, авиадиспетчеров. Конечный вывод был однозначен: летающие диски суть инопланетные ксрабли.

Ознакомившись с докладом, Ванденберг приказал уничтожить все имеющиеся экземпляры. Но как уничтожить документ с грифом «Совершенно секретно»? Поэтому доклад сначала рассекретили, затем сожгли. Произошло это в начале 1949 года. Утверждают, что один экземпляр доклада все же сохранился. Уже после кремации его видели по крайней мере три офицера Пентагона, двое из них этот факт подтвердили письменно.

По одной версии, Ванденберг уничтожил доклад с завиральными выводами, желая уберечь свое ведомство от насмешек. Другое объяснение вытекает из принадлежности генерала к группе Мэджестик-12: он знал, что выводы верны, а посему доклад следует уничтожить.

Далее следуют четыре фамилии, не требующие пространных комментариев. Специальность или должность объясняют, почему эти люди включены в группу Мэджестик-12.

Доктор **ДЕТЛЕВ БРОНК**, М-6, физиолог и биофизик; доктор **ДЖЕРОМ ХУНЗЕКЕР**, М-7, авиаконструктор; контр-адмирал **СИДНИ САУЭРС**, М-8, ответственный секретарь Совета национальной безопасности; **ГОРДОН ГРЕЙ**, М-9, шеф отдела психологической стратегии ЦРУ.

Доктор **ДОНАЛЬД МЕНЗЕЛ**, М-10, — совсем неожиданная персона в списке. Астрофизик, ди-

ректор Гарвардской обсерватории. Известный на весь мир гонитель летающих тарелок. Автор трех дискоборческих книг. Мензел развенчивал НЛО при каждом удобном случае — на ученых симпозиумах, в печати, с телеэкрана. Он считал их галлюцинациями, обманом зрения, чаще просто обманом и жульничеством, на худой конец космическими или природными явлениями, по ошибке принятыми за НЛО.

Долгие годы доктор Мензел считался авторитетом в вопросах об НЛО, в том числе и учеными, не желавшими или не имевшими возможности разобраться в этом самостоятельно. Да и оспорить взгляды Мензела мог лишь ученый его ранга. Не скоро, но такой человек все же нашелся.

В июле 1968 года на заседании Комиссии по науке и астронавтике Конгресса США доктор Джеймс Макдональд из Аризонского института атмосферной физики, трижды доктор наук в области физики, химии и метеорологии (особенно важна последняя дисциплина, ибо Мензел нередко прибегал к ней, опровергая НЛО) бросил вызов профессору из Гарварда. Макдональд заявил, что он перепроверил все якобы объясненные Мензелом случаи наблюдения НЛО и пришел к выводу, что объяснения, им данные, очень и очень далеки от общепризнанных в метеорологии принципов. Для Мензела это было серьезным ударом. До сих пор спор с ним вели неспециалисты. Помимо всего прочего Мен-

зел неохотно снисходил до разбора конкретных и неудобных случаев наблюдения. Он больше теоретизировал, отрицал все чохом, подыскивал возможные астрономические, метеорологические и чисто бытовые объяснения для заявленных НЛО.

Если Мензел, отстаивая свои взгляды и убеждения, допускал неточности, натяжки, перефразы — это можно понять. Другое дело, если он, член Мэджестик-12, знал правду о потерпевших крушение дисках и в то же время пользовался высоким саном гарвардского ученого для отрицания их существования. Тогда образ Мензела обретает трагическую окраску. Сказать по правде, в это трудно поверить. Легче усомниться в подлинности документов о группе Мэджестик-12.

Однако подозрения, что Мензел играет отведенную ему роль в спланированной свыше кампании по развенчанию летающих тарелок, высказывались и раньше. Уфолог Рэймонд Фаулер не только штудировал книги Мензела, но имел возможность наблюдать за ним вблизи, когда помимо слов много значат мимика, жесты, интонация, и вот Фаулер задолго до того, как стали известны бумаги из досье Мэджестик-12, высказал о Мензеле свое интуитивное предположение: «Его отношение к НЛО казалось слишком негативным. Я задавался вопросом, не служит ли он неким инструментом общегосударственной политики по дискредитации НЛО... не является ли Мензел стью такой программы или же

искренне преисполнен неприязни и отрицания ко всему, что касается НЛО?»

Генерал **РОБЕРТ М. МОНТЕГЬЮ**, М-11, был всего-навсего командующим авиабазой Сандиа, что расположена в штате Нью-Мексико под городом Альбукерке. На ее обширной территории в окружении испытательных полигонов располагаются лаборатории Комиссии по атомной энергии. Авиабаза находится недалеко от Розуэлла и еще ближе от Азтека и нередко отождествляется с местом хранения аварийных дисков.

Доктор **ЛЛОЙД В. БЕРКНЕР**, М-12 — известный физик с внушительным послужным списком, специальный помощник госсекретаря; один из членов секретной ученой комиссии по НЛО — комиссии Робертсона, созванной по инициативе ЦРУ в январе 1953 года.

Так выглядит группа Мэджестик-12. Перечисление имен составляет содержание второго листа. Третий, четвертый и пятый лист посвящены главной теме — аварии летающих дисков. Лист третий:

24 июня 1947 года гражданский пилот, пролетая над Каскадными горами, штат Вашингтон, заметил девять дискообразных объектов, шедших строем и на большой скорости. Хотя это был не первый случай наблюдения подобных объектов, именно он привлек к себе пристальное внимание средств массовой информации. Последовали сотни сообщений о такого рода наблюдениях. Многие поступали от весьма компетентных военных и гражданских лиц. На основании этих допесений отдельные военные подразделения, ру-

ководствуясь интересами национальной безопасности, попытались независимо друг от друга выяснить природу и цели этих объектов. Были опрошены очевидцы, предпринимались неудачные попытки перехвата вышеназванных дисков. Реакция общественности временами граничила с истерией. Несмотря на все усилия мало что удалось выяснить, пока некий фермер не сообщил, что один такой объект разбился в пустынной местности штата Нью-Мексико, примерно в семидесяти пяти милях северо-западнее авиабазы Розуэлл (в настоящее время авиабаза Уокер). 07 июля 1947 года была проведена секретная операция по сбору обломков объекта для научного изучения. В ходе операции воздушная разведка обнаружила четыре низкорослых человекоподобных существа, очевидно, выброшенных из летательного аппарата незадолго до взрыва. Эти существа были найдены милях в двух восточнее места крушения. Все четверо были мертвы и находились в состоянии разложения вследствие воздействия грызунов, а также оттого, что около недели пролежали под открытым небом. Особой группой ученых были приняты меры по консервации тел для последующего их изучения (См. Приложение «С»). Подобранные обломки также были доставлены в различные пункты (См. Приложение «В»). С гражданскими и военными очевидцами был проведен инструктаж о необходимости сохранения тайны, репортерам была дана убедительная версия прикрытия, смысл ее заключался в том, что обнаруженный объект оказался вышедшим из-под контроля высотным зондом. Конец третьего листа.

Описываемые события нам знакомы. Это та версия, которую обобщили Чарльз Берлиц и Уильям Мур в книге «Инцидент в Розуэлле». Тощие земли ранчо «Фостер плейс», Брейзел, после грозовой ночи обнаруживший на пастбище странные обломки, Джесси Марсел, доставивший

обломки сначала в Розуэлл, а затем в Форт-Уэрт, где они по мано-вению генеральской палочки превратились в останки высотного зонда... Все это вспоминается при чтении третьего листа. Не сходится лишь одна деталь. Брейзел и Марсел подобрали обломки. Ни диска, ни человекоподобных существ они не видели. То и другое видел милиоратор Барни Барнетт, но в 125—150 милях западнее ранчо Брейзела. А не в двух милях восточнее «Фостер плейс», как говорится в документе. Читаем лист четвертый:

В результате секретных аналитических обследований, организованном уездом Туайнингом и доктором Бронка по прямому указанию Президента, было предварительное и единственное мнение (19 сентября 1947 г.) о том, что диск — разведывательный аппарат ближнего радиуса действия. Такое заключение основывалось главным образом на размерах диска и отсутствии достаточных припасов (См. Приложение «D»). Исследование четырех погибших членов экипажа проводилось под руководством доктора Бронка. Согласно предварительному заключению группы (30 ноября 1947 г.) эти существа, хотя и человекоподобны, но биологические и эволюционные процессы, лежащие в основе их развития, очевидно, были совершенно иными, нежели те, что наблюдаются или отмечаются в homo sapiens. До согласования более точного термина группа доктора Бронка предложила называть их «Внеземными Биологическими Существами» (или ВБС). Поскольку почти наверное известно, что эти аппараты не принадлежат какой-либо стране, было высказано множество догадок относительно того, откуда и как они прибыли. Марс был и остается местом предполагаемого отравления, хотя некоторые специалисты, доктор Мензел в особенности, считают, что скорее всего мы имеем дело с суще-

ствами иной солнечной системы. Среди обломков были обнаружены многочисленные образцы, напоминающие своеобразную форму письменности. Попытки дешифровки пока безуспешны (См. Приложение «E»). Столь же безуспешными оказались и попытки определить принцип действия двигателя или метод трансмиссии силовой установки. Исследования в этом направлении осложнены ввиду полного отсутствия неизбежных, казалось бы, крыльев и пропеллеров, турбин и прочих привычных компонентов силовых установок систем управления, как и отсутствие металлических деталей, электронных ламп или других деталей электроники (См. Приложение «F»). Предполагают, что силовая установка была полностью уничтожена взрывом, явившимся причиной катастрофы.

Конец четвертого листа.

Эксперты в растерянности: что за существа? Как и откуда? Чем движется их аппарат? Ничего похожего на земное! Но именно так описывали впечатления и те очевидцы, которых удалось разыскать уфологам. Все как будто настраивает нас на признаки подлинности документов. С другой стороны, и настораживает. Если не считать того, что связано с группой Мэджстик-12, документ не вносит ни одной новой, ранее не известной детали.

Лист пятый:

Необходимость дополнительной информации об этих аппаратах, их летных данных и намерениях привела к учреждению в декабре 1947 года проекта ВВС, известного под названием САИН. Для сохранения секретности связь между проектом САИН и МЭДЖСТИК-12 была ограничена двумя лицами из разведки Главного технического управления. Их роль заключалась в передаче по каналам определенной информации. В декабре 1948 года САИ был преобразован в проект ГРА. В настоящее время операции прово-

ся под кодовым названием СИНЯЯ КНИГА, связь поддерживается через офицера ВВС, руководителя проекта.

В немногих строчках спрессована почти четырехлетняя (к тому времени) история секретного проекта, или комиссии с менявшимися кодовыми названиями, но неизменной задачей — разгадать тайну НЛО. И вот выясняется, что настоящие секреты сотрудникам секретного проекта доверены не были. О них знали два лица из Главного технического управления. Одним, несомненно, был генерал-лейтенант Туайнинг. Другим, очевидно, начальник разведки этого управления. В ту пору им был и еще долго оставался полковник Харольд Уотсон, после Мензела, пожалуй, самый неистовый отрицатель летающих тарелок.

Третьим посвященным в тайну называется руководитель проекта «Синяя книга» капитан Эдвард Руппельт. Но его книга «Отчет о неопознанных летающих объектах», переписка Руппельта, доверительные высказывания, а главное — личный архив, в который уфологам удалось заглянуть после его смерти, наводят на мысль, что шеф секретного проекта в отношении аварийных дисков оставался в неведении и вынужден был пользоваться слухами.

Второй аздак пятого листа:

06 декабря 1950 г. второй объект того же происхождения, прочертив в воздухе длинную траекторию, врезался в землю в районе Зль Индио — Гуэрреро на границе Техаса с Мексикой. К моменту прибытия поисковой группы то, что осталось от объекта, почти полно-

стью сгорело. Обломки, которые удалось собрать, были доставлены в расположение Комиссии по атомной энергии на авиабазе Сандиа, Нью-Мексико, для изучения.

О какой-то катастрофе близ мексиканской границы было известно и раньше, но все свидетельства не из первых рук или анонимны, как, скажем, показания безымянного полковника в пересказе Тодда Зехеля.

И концовка пятого листа:

Вопрос национальной безопасности по-прежнему является предметом озабоченности, так как мотивы и конечные цели пришельцев нам неизвестны. К тому же возросшая с мая и продолжавшаяся до осени активность этих аппаратов¹ вызвала серьезную обеспокоенность ввиду, как казалось, назревающих событий. В силу этих причин, а также из соображений международного и технологического характера и необходимости любой ценой избежать паники, Группа Мэджестик-12 единодушно полагает, что меры строжайшей секретности должны соблюдаться и при новой администрации. В то же время на случай непредвиденных обстоятельств план MJ — 1949 — 04 P/78 (Совершенно секретно — Только Для Глаз) должен находиться в состоянии готовности, если возникнет необходимость сделать публичное заявление (См. Приложение «J»).

И последний, лист шестой содержит перечень всех упоминаемых в тексте приложений. Они-то и должны заключать в себе самый интересный материал — фотографии, карты, обмеры и описания, результаты анализов. Но приложений нет. Потому что велики по объему и габаритам? К примеру, карты и фотографии,

¹ Речь идет о волне наблюдений НЛО 1952 года.

сообщается в документе, представлены в папке размером инфолио.

А может, приложений нет потому, что их трудно подделать? Тут не обойтись общими словами, нужны детали, подробности. Придумать их нелегко.

Никуда не деться и от вопроса: если документы сфабрикованы, то кем? Но искать ответ на этот вопрос бесполезно. Поэтому сузим его: кто мог это сделать? Прежде всего, конечно, Уильям Мур и Стэнтон Фридман, сами совершенстве владеют материалом. К концу 70-х годов ими составлен внушительный свод независимых свидетельств, так или иначе удостоверяющих факт аварии (или аварий) летающих дисков в штате Нью-Мексико. Документы из досье Мэджестик-12 блестяще подтверждают их версию. Именно это снимает с Мура и Фридмана подозрение. Зачем фальшивкой доказывать то, что они почти доказали свидетельствами очевидцев? Если документы подложны, Мур и Фридман, их публикаторы, стали первыми жертвами фальсификации. В этом случае можно было бы предположить, что документы составлялись в расчете на то, что их подлинность послужит удостоверить эти два человека.

Почему мистификатор не воспользовался эпизодом катастрофы под Азтеком? Объединив обе версии — для краткости назовем их «Розуэлл» и «Азтек», — он заодно получил бы поддержку Уильяма Штейнмана. Но результаты расследования Штейнмана

стали известны лишь в 1987 году после выхода книги «НЛО терпит бедствие в Азтеке». Сами же документы из досье Мэджестик-12 имелись в наличии и ждали публикации уже с 1984 года. Ну а давней скомпрометированной версией Фрэнка Скалли автор или авторы мистификации могли побрезговать.

Но это все только домыслы. Вопрос о подлинности или подложности документов остается открытым. Очевидно одно: в тех семи листах нет ничего существенно нового, ранее не известного, если не считать атрибутики, связанной с группой Мэджестик-12. Но эта часть звучит убедительно. Состав группы логичен. Даже имя доктора Мензела в списке хотя и способно кое у кого вызвать шок, вряд ли можно считать просчетом, скорее психологической уловкой. Словом, грубой фальшивкой документ не назовешь. Такие бумаги мог составить человек, детально изучивший публикации на тему аварийных дисков, а также иерархию имен в госаппарате, разведслужбах и научных кругах конца 40-х — начала 50-х годов. Потребовалась и немалая сноровка при оформлении секретных бумаг, обрамлении их каскадом грифов и помет, о чем уже говорилось.

Прежде чем рассмотреть возможные последствия для двух основных независимых версий «Розуэлл» и «Азтек», последствия, вытекающие из подлинности или подложности опубликованных бумаг Мэджестик-12, с

вежим в памяти документы и свидетельства, удостоверяющие факт аварий дисков.

Это официальное заявление пресс-службы авиабазы Розуэлл о находке летающего диска; свидетельство Джесси Марсела о том, что доставленные им обломки в Форт-Уэрт были подменены обломками высотного зонда; это резолюция директора ФБР Гувера, подтверждающая аварию по крайней мере одного летающего диска; это свидетельство доктора Сарбэчера о том, что аварии летающих дисков имели место, наконец, это показание живых свидетелей, своими глазами видевших странные обломки, испещренные иероглифами или символами (Марсел, его сын, дети Брейзела).

В отличие от анонимных и полuanонимных рассказов, эти свидетельства опровергнуть трудно, да, кажется, никто и не пытался их опровергать. И какой бы приговор ни вынесли бумагам Мэджестик, на судьбе самой легенды о плененных летающих дисках он не отразится.

Теперь о последствиях.

Если документы из досье Мэджестик будут признаны подлинными, восторжествует версия «Розуэлл», и в ней придется лишь уточнить детали.

Зато версия «Азтек» наверняка окажется под ударом. Ведь в документе, исходящем от якобы всеведущей группы Мэджестик-12, говорится, что вторая (именно вторая, а не очередная) авария произошла в декабре 1950 года. Это означает, что ни-

какой аварии под Азтеком в 1949 году, как утверждали Скалли и Штейнман, быть не могло, иначе бы составители не преминули поставить о ней в известность новоизбранного президента. Тем более, что трофеи, добытые под Азтеком, были куда более ценны, чем обгорелые останки диска в районе Эль-Индио — Гуэрреро.

Одно из двух: или семь листов документов — фальсификация, а версия «Азтек» такая же полноправная, как и «Розуэлл», и они обе смогут впредь сосуществовать и утверждаться с помощью новых свидетельств. Или документы подлинны, и тогда устоит лишь версия «Розуэлл», а все, что за четыре десятилетия накручено вокруг «Азтека», — в лучшем случае — операция прикрытия, попытка увести репортеров и уфологов от действительного места катастрофы. И даже весомое свидетельство доктора Сарбэчера не спасает версию «Азтек» — ведь Сарбэчер подтвердил только факт катастроф, не назвав ни места их, ни дат.

Уже отмечалось, что опубликованные документы были опровергнуты властями быстро и немногословно и что уфологи это опровержение приняли почти как должное, ибо оно было не первым и не последним. И опровержения официальными представителями могли быть высказаны вполне искренне, с убеждением, что подобных фактов и документов не существует. А секреты были рядом, только в другом «от-

секе», куда этим представителям не дано заглянуть.

Между тем уфологи продолжали копаться в кипах рассекреченных и разными иными путями добытых бумаг. И вдруг находка — документ Управления специальных расследований ВВС, того самого ведомства, которое, как считают, после упразднения проекта «Синяя книга» занимается НЛО. Документ этот, можно сказать, совсем свежий, от 17 ноября 1980 года, в нем излагались результаты анализа отснятой киноленты с НЛО вблизи авиабазы Кэртланд. Никаких откровенных в анализе не нашлось, но привлекла внимание одна из замечательных фраз: «Официальная политика правительства и все содержание проекта «Эквериес» («Водолей») по-прежнему проходят под штампом «Совершенно секретно» и не подлежат распространению вне официальных разведывательных каналов при ограниченном доступе к Мэджестик-Двенадцать».

О проекте «Эквериес-Водолей» прежде ничего не было известно, а поскольку он упоминался в связке с Мэджестик-12, напрашивался вывод: «Водолей» имеет отношение к НЛО. Был сделан запрос. Управление специальных расследований ВВС невозмутимо опровергло и этот документ — со штампами, грифами, входящими-исходящими, объявив его тоже фальшивкой. Тем самым подразумевалось, что проекта «Водолей» не существует.

Но то была пора, когда энтузиасты, пользуясь поправкой

к закону о свободе информации, продолжали рассылать по высоким инстанциям письма с требованиями выдать те или иные документы, и чиновники на эти письма были обязаны отвечать. Не всегда, конечно, переписка давала желаемый результат, но отрицательный ответ одного ведомства не означал, что и другое ответит отказом. И еще — важно было четко сформулировать требование, письмо не должно было содержать никаких вопросительных интонаций. В противном случае ведомство могло ответить, что в его обязанности не входит давать справки, чем обычно дело и кончалось.

И вот уфолог Тимоти Гуд, большой мастер по части переписки с секретными службами, уже после того как ВВС отвергли подлинность документа с упоминанием проекта «Водолей» решил запросить Агентство национальной безопасности об этом и еще о двух почти мифических проектах — «Сигма» и «Сноубэрд»¹.

Переписка получилась на редкость интересной. Начальник отдела информации этого разведведомства ответил Гуду, что «Сигма» и «Сноубэрд» к Агентству не имеют отношения. Если же он хочет получить материалы о проекте «Водолей», ему следует перечислить пятнадцать тысяч долларов — на розыски и офор-

¹ Молва утверждает, что основанный в 1954 году проект «Сигма» ставил задачу установления контактов с пришельцами. Проект «Сноубэрд», будто бы относящийся к 1972 году, преследовал цель опробовать в полете захваченный летающий диск.

мление материалов. Таким образом, официально подтвердилось хотя бы существование проекта «Водолей», хотя и оставалось неясным, имеет ли он отношение к НЛО.

Соблазн получить документы был велик, но и запрошенная сумма непомерно высока. Гуд извещил Агентство, что он согласен выслать чек в обмен на досье проекта «Водолей». Вскоре пришел ответ такого содержания:

Документ, затребованный вами в письме от 7 марта (1986), был завоено просмотрен Агентством в свете требований Закона о свободе печати, и при этом было установлено, что документ по-прежнему классифицируется как совершенно секретный, поскольку имеются основания полагать, что разглашение содержащихся в нем сведений способно нанести чрезвычайно серьезный урон национальной безопасности...

Неопровержимых доказательств, как видим, нет, есть только догадки, предположения, новые подробности, собираемые по крупице с поистине муравьиным трудолюбием.

Наведенные мною справки во время исследовательской поездки по США в 1987 году вынуждают меня поверить в то, что группа Мзджвстик-12 действительно существовала, и документ мне кажется подлинным. К сожалению, никого из членов группы уже нет в живых, а мои нисыма с вопросами, посланные одному бывшему директору ЦРУ и двум экс-президентам, остались без ответа, что ведь ил должно удивить...

— на такой неопределенной ноте заканчивает Тимоти Гуд ту часть своей книги, где речь идет об аварийных летающих дисках.

Окончание следует

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

ШКОЛА ЭТИКЕТА

Веры
МУРАШОВОЙ

ДОРОГАЯ МОЯ ДЕВОЧКА!..

Ты так быстро взрослеешь. И, признайся, как каждая женщина, в душе мечтаешь о внимании окружающих, тебе так хочется нравиться.

Но почему-то все чаще стали возникать конфликты с мамой, ссоры с подругами, а твой мальчик предпочел тебе другую.

Не огорчайся. Все это легко поправимо. Просто надо немного постараться стать лучше: забыть о своей ершистости и запомнить несколько правил, которые помогут тебе быть ми-

Пятый год существуют в Москве курсы этикета Веры Ивановны Мурашовой. А до этого почти сорок лет Вера Ивановна учила этикету студентов. Одновременно с английским языком, преподавательницей которого была. Теперь на ее курсы едут люди всех возрастов, профессий и со всех уголков страны. Более того, журналисты-иностранцы посчитали, что читателям и зрителям в их странах тоже есть чему поучиться у Веры Ивановны. И рассказали о ней во многих газетах, журналах и телефильмах. У нас пресса тоже была обильной. И создан цикл телепередач «Этикет», который наверняка будет повторяться. А этой осенью Веру Ивановну пригласили к себе народные депутаты из парламента страны. Словом, многие люди понимают, что хорошие манеры —protivники плохой жизни.

Вот и в ваших письмах, ребята, достаточно просьб и свидетельств того, что наука быть хорошо воспитанными людьми вам нужна. И мы попросили Веру Ивановну открыть Школу этикета в нашем журнале. Преподавать основные правила, с помощью которых легче стать свободным и привлекательным человеком, больше шансов иметь успех в любви и делах.

А для москвичей и ребят из Подмосковья, наверное, будет интересна и такая информация. На курсах Веры Ивановны есть молодежные группы. Чтобы попасть туда, надо приехать в какую-либо субботу или воскресенье в Центральный Дом работников искусств, на улицу Пушкинскую, с 11.00 до 13.00. Абонемент на курсы (пять занятий) стоит 50 рублей.

лой, обаятельной и очень женственной.

Наверняка многие из правил хорошего тона тебе знакомы. Например: вежливость — один из залогов твоего успеха у окружающих. «Вежливость для ума, что красота для лица» (Вольтер).

Красота... Конечно, ты понимаешь, что внешний вид многое значит для женщины. С него-то мы и начнем. Мы не станем говорить о том, как пользоваться косметикой и с какого возраста носить каблуки. Я дам тебе несколько других советов, которые, надеюсь, тебе помогут.

* * *

Однажды в метро я обратилась к мальчику с вопросом: «Мальчик, скажи, пожалуйста, ты выходишь на следующей остановке?» — «Я не мальчик, я — девочка»... Признаться, я была очень удивлена и огорчена, что так ошиблась. А потом поняла: у девочки были стриженные «ежиком» волосы, одежда она была в мужскую рубашку и брюки и стояла по-мальчишески, широко расставив ноги.

Милая девочка, ты должна знать, что длинные волосы украшают женщину, это ее бо-

гатство и гордость. Ты ходишь в брюках? Конечно, это удобно. Но не всегда и везде. Если же ты надела брюки, то не забывай, что походка твоя должна оставаться грациозной, и позы — женскими. Мальчики должны видеть в тебе не приятеля-подростка, а очаровательную девушку. Юношей привлекают в девушках, мужчин — в женщинах именно то, что совсем непохоже в них самих, непохоже на их манеру говорить, сидеть, стоять. У мужчин всегда в цене наша им противоположность — наша женственность.

Скажи, приходилось ли тебе наблюдать такую картину: входят в автобус несколько девочек, и все сразу меняется. Девочки громко разговаривают, толкаются, на весь автобус сме-

ются, кто-то, чавкая, жуёт жвачку... Взрослые смотрят на них с укором, а девочкам — ни-почем.

Запомни: можно быть очень милой на вид, но производить при этом резко отрицательное впечатление на окружающих. А ведь мы с тобой решили, что тебе хочется обратного, тебе хочется нравиться. И если мальчику, то мальчику хорошему, а не плохому.

На тебя всегда обратят внимание, если ты будешь вежлива, деликатна, грациозна. Ты можешь восхитить людей одной лишь своей походкой. Как всегда обращает на себя внимание прохожих балерина, не так ли? И ты должна научиться ходить так же легко, прямоспинно. Широкий шаг, опущенные плечи,

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

утиная походка — это не твое украшение. Когда сидишь, слегка облокотись на спинку стула, спина — прямая, колени — вместе. Нога на ногу — можно позволить себе только дома. А знаешь ли ты, что делать с руками? Они всегда должны быть не у лица. Люди должны видеть твое лицо, твои глаза, твою улыбку. А руки на коленях, ладонки крестом, как у Маргарет Тэтчер.

* * *

Теперь поговорим о том, что тебе наверняка известно. Речь о чем ты так часто забываешь, — о культуре речи. Культура человека, его тон, манера говорить определяют уровень его интеллигентности. Поэты говорят негромко, сдержанно и выразительно. Русский язык — целое богатство, в нем найдутся тысячи оттенков и смыслов для выражения мысли. (О том, какое ужасное впечатление производят на окружающих неприличные слова, думаю, говорить тебе нет необходимости). Уверяю тебя, дорогая девочка, что ты уже будешь лучше встречена людьми, если скажешь им: «Здравствуйте», «Добрый день!» вместо фамильярного: «Привет!» И уж, конечно, надо напрочь забыть все эти слова-уроды — «братан», «пацан», «деваха»...

А как ты называешь своих подруг: Аня, Маша? Или: Анька, Машка? Может быть, вообще по фамилии?

* * *

Мой следующий совет: улыбайся! С самого утра. Проснувшись, подойди к зеркалу, похвали себя: «Какая я хорошенькая!» — и улыбнись! Тем более похвали себя и тем более улыбнись, если у тебя пресквернейшее настроение. Вот увидишь, день твой пройдет гораздо легче. Улыбайся, когда встречаешь людей, когда говоришь им: «До свидания!», когда благодарить... «Никто не богат настолько, чтобы обойтись без улыбки, и нет такого бедняка, который не стал бы от нее богаче», — говорит Карнеги.

Итак, улыбка — наш пароль для друзей, близких, деловых партнеров.

* * *

Как-то я стала свидетельницей одного неприятного разговора мамы с дочерью. Девочка кричала, размахивала руками, от гнева и злости лицо ее искажилось... Оказывается, можно стать очень некрасивой и даже отвратительной из-за собственной злости и грубости. Но к тебе это, надеюсь, не относится. Ведь для тебя мама — самый близкий и дорогой человек на свете.

Вообще же человеческой натуре свойственно обвинять кого угодно, только не себя. Все мы, к сожалению, таковы. Но злая критика совершенно бесполезна. Потому что она заставляет человека обороняться, то есть оправдывать себя. Даже если

критикующий во всем прав, он абсолютно зря потратил время. Он не будет услышан.

Вместо того, чтобы осуждать людей, попытайся понять их. Попытайся представить себе, почему они поступают именно так, а не иначе. Это намного полезнее. Для всех. А для тебя так даже интереснее. Анализ, как всякое экспериментирование, очень занимательная вещь. И когда у тебя уже будут какие-то ответы, то ты можешь сказать: «Знаешь, я ведь тоже часто ошибаюсь, но сейчас мне кажется, что...» и поверь, ты многого добьешься. Но если ты сказала: «Ты не прав (не права),» знай: твой собеседник только и будет ждать момента, чтобы отомстить тебе за свое оскорбленное самолюбие, за попрание его чувства человеческого достоинства.

* * *

Особенно будь снисходительна к маме. Может, тебе кажется, что иногда она несправедлива к тебе, напрасно не доверяет, сердится. Но ведь мама очень устает, у нее много забот. Пойми, прости и помоги ей. Ведь ты будущая хозяйка дома и уже сейчас нужно учиться вести хозяйство. А это, поверь, тоже наука. Знаешь ли ты, например, как принимать гостей?

Попробуй устроить свой первый прием. По-настоящему свой, даже если сначала придется быть помощницей мамы.

Но вот стол накрыт. И надо

встречать гостей. Ты сама открываешь им дверь, сама проводишь в комнату, усаживаешь и предлагаешь нехитрые развлечения в ожидании ужина.

Но прежде ты, конечно, знакомишь своих друзей с родителями и друг с другом, если они не знакомы. Как? «Мама, познакомься, пожалуйста, это Сережа». Человек, к которому ты обращаешься, которого ты называешь первым — главный. В данном случае — это мама. Если ты знакомишь своего приятеля с подругой, всегда мужчину представляют первым: «Танечка, познакомься, пожалуйста, это Сергей». В этом случае «главная» у нас Таня. Исключение составляет лишь тот случай, когда молодую девушку представляют пожилому мужчине: «Сергей Иванович, позвольте вам представить мою подругу Таню». Руку для пожатия всегда первой подает женщина.

А кто твои самые почетные гости? Конечно, твои родители. И бабушка с дедушкой, тем более если вы живете вместе. Ты не должна ни в коем случае допустить, чтобы твои домашние ушли. Иначе ты уронишь себя в глазах других, люди подумают, что ты недобрый человек, а вся ваша семья — недружная. Честь твоего дома в твоих руках. Твой праздник — это праздник мамы и всех твоих близких. И твои друзья должны знать, что нужно поздравлять не только тебя, но обязательно и их. И не думай, что близкие

тебе люди недогадливы, забыли свою юность. Они прекрасно все понимают и, побыв с вами, молодыми, потом уйдут.

* * *

А если ты сама идешь в гости, то, во-первых, не забудь, что это праздник. Значит, ты должна быть не в повседневной одежде — джинсах, брюках, а в платье. Не нужно приходить раньше назначенного часа, но и нельзя опаздывать больше, чем на пятнадцать минут. Если же такое случилось, то когда ты войдешь в комнату, обязательно извинись, а когда все встанут из-за стола, извинись еще раз перед хозяйкой и объясни причину задержки. Ведь ты вольно-невольно обидела хозяйку и ее гостей.

Не забудь, что в дом ты должна войти со словами поздравления и сразу же подарить цветы. Естественно, не в целлофане (за исключением роз, чтобы не уколоться, и цветочных композиций в специальной упаковке). А когда разденешься, то здесь же, в прихожей, вручи подарок. Это всегда надо делать без свидетелей. Чтобы кто-то, чей подарок может оказаться похуже, не расстроился, не поскущел.

Если ты впервые в доме, то слегка окинь взглядом комнату и скажи: «Как у вас красиво, уютно!» — и только. Нельзя подчеркнуто разглядывать квартиру, брать вещи, чтобы их лучше рассмотреть. Нельзя включать или переключать те-

левизор. Хорошая хозяйка включит его еще до прихода гостей и позаботится о негромкой, красивой музыке. Уходя из гостей, не забудь поблагодарить хозяйку за приятный вечер и вкусное угощение. Если тебе понравилось какое-то блюдо и ты хочешь узнать рецепт, то это можно сделать на другой день. Тем более, что на другой день хорошо воспитанный человек обязательно позвонит, чтобы еще раз поблагодарить хозяйку и вспомнить с ней приятные минуты вечера, для которого она так много сделала.

* * *

Дорогая девочка, уверяю тебя, если ты внимательно относишься к правилам этикета, ты будешь в любой ситуации чувствовать себя уверенно. Тебя никто не обидит, и ты никого не обидишь, жизнь тебя будет только радовать. Потому что правила хорошего тона — это правила о том, что делать и чего не делать, чтобы сохранить высокий жизненный тонус, доброе расположение духа.

Да, в этикете множество строгих «нельзя» и «нужно». Но никакое правило не случайно. Все имеют прямую связь с нашей психологией. Все продиктованы исключительно соображениями достоинства, свободы, красоты, удобства и порядочности человека.

В следующий раз мы поговорим с тобой об отношениях с молодым человеком, о счастье в любви.

Юрий ЛОБОВ

ВИКТОР ИММАНУИЛОВИЧ

РАССКАЗ

Я уже сейчас не помню, когда этот пес у нас появился, но отлично помню — как.

Мы жили тогда в маленьком и жарком городке, где огромное количество садов нисколько не мешало ему летом утопать в пыли. В центре стояла пожарная каланча, а на зеленом пригорке усадьба-музей Радищева с пасущимися рядом козами. В кинотеатре, сквозь пулеметные очереди и вопли Тарзана, из-за дощатой стены были слышны вечерние крики петуха и мычание коров, идущих из стада. Центральная улица была добротно вымощена бульжником, и на ней так трясло, что у едущего невозможно было разглядеть лицо.

Город спускался к Волге, делившейся на два русла островом, который назывался Собачьим.

В середине мая на Волге начинался разлив. Самое чудесное время в году. Река, всегда бывшая там, у острова, до которой летом топтать да топтать, вдруг прыгала к дому. Днем, сколько ни смотри, она стоит на месте, но утром встал, а она уже у Камешков, на другое утро — уже на Песочках, а еще через день — под окном на огородах. Додри из Затона перегоняются чуть ли не к крыльцу, и теперь можно полужелезничать с книжкой на корме да слушать, как вода хлопает о днище. Пахнет смолой, сыростью и свежим разрезанным огурцом.

В тот день родители ушли и оставили нас, троих братьев да Манюську — младшую сестру, только-только научившуюся говорить. Жара, влажный блеск Волги и прикованность из-за Манюськи к дому — все это навевало преступные мысли. К середине дня,

посоветовавшись и перебрав различные варианты вранья из случай поимки, мы решили отправиться на лодке до Собачьего за тощилиными сережками. Мы их, кажется, ели. Плыть нужно было километра три-четыре против сильного течения, и делать это без взрослых категорически запрещалось, а уж с Манюсюшкой-то вообще голову бы оторвали. Мы укутали ее в старую кофту, на всякий случай привязали веревкой к кормовой банке, взяли черного хлеба, соли и оттолкнулись от берега. Лодка была весельная. Да тогда у всех весельные были. Это сейчас их не найдешь, а в то время до рыбалки нужно было грести километра десять. Пацаны, отцы которых имели лодки, были жилистые и крепкие, как сухие деревяшки.

Отплыв от берега, мы сразу почувствовали огромное пространство и мощь разливающейся реки. Закружилась голова, и стало немного страшно. Гребли по очереди. Володька — старший — больше всех, я за ним, а Милославик, для тренировки Матюсюшку привязанная к корме, и ее дедла, смотрела... Мимо плывут дубы, вывороченные с корнями наизвья, иногда с нелепо-длинными шпандом, медленно вращаясь, как спинка от дивана или запертая дверь с процарапанным на ней «дурак». Попадались еще ельняны — синие, ноздреватые, колючие. К большим мы подплывали, вставали на хрупкую поперечку и даже прыгали... Драть бы да

Деревья Собачьего становились все больше и больше, по дну лодки уже шуршали вершины кустарника, и скоро нас окружила тишина и непривычный приют затопленного леса. Тот лес, по которому мы привыкли летом прогираться сквозь колючки и репы, стал влажно-зеркальным, и только под деревьями было сумрачно и свежо. Сквозь воду к нам тянулась зеленая вершина березы, и, мягко шурша днищем, лодка проплывала над ней. На воде, как на блюде, раскинувшись во все стороны, лежала только крона старой липы. Мы знали ее как облупленную. Мы видели ее до затопления и увидим после. На нее невозможно влезть. А сейчас мы подплывали к вороньему гнезду, испокон века торчавшему на ее вершине, из лодки рассматривали пестренькие вороньи яйца, и нам было приятно. Мы ощущали высоту. В воде отражались облака, похожие на клубы пушечного дыма, и нам казалось, что мы летим медленно и бесшумно. Иногда из глубины, как утопленник, беспомощно тянула свои черные лапы коряга и жутковато скреблась о дно лодки.

Давным-давно нет ни острова, ни деревьев, ни той Волги — все это гниет на двадцатиметровой глубине после строительства ГЭС, — но я помню все так отчетливо, что прямо щиплет в носу.

Кое-где виднелись еще не затопленные, ослепительно зеленые

бугорки, и мы вылезали на них с приятным сознанием того, что мы последние, кто ступил на эту землю, и через час ее не будет.

Когда мы уплывали от такого островка, за кустами вдруг что-то с шумом плюхнулось, зашлепало по воде, и из-за куста выплыл пес. Из воды торчала его рыжая голова. Большие уши относило в стороны. Пес явно хотел нас догнать. Сначала мы подумали, что где-то лодка с хозяином и пес просто перепутал.

— Пошел вон! — кричали мы, но пес упрямо плыл за нами.

Лодки нигде не было видно, спрятаться ей было негде, но мы все равно не понимали, что ему от нас нужно.

— Нищих не принимаем! — кричал Володька.

— Вали откуда пришел! — кричал я.

— Да, вали! — кричала Манюська, привязанная к корме. —

Нищих не понимаем!

Пес, видя, что нас не догонит, вдруг вытянул к нам шею и залаял отчаянно, с привизгом и, уже не веря нам, повернул обратно, но к островку теперь нужно было плыть против течения, и, поняв, что не доплывет, он снова повернул к нам. Он бил лапами по воде и почти не двигался с места. Сил хватало только, чтобы удержаться на поверхности, и он снова в последний раз уже не залаял, а завизжал.

— Назад! — вдруг закричал Мишка. — Назад! — И было видно, что он сейчас заплачет.

Мы не отрываясь смотрели на тонущего пса. Манюська тревожно вглядывалась в наши лица. Володька так налег на весла в обратный ход, что весь надулся и покраснел. Мы не успели совсем немного. Уже у кормы пес погрузился в воду. Мы кинулись... Нет, это я кинулся и сунул руку в воду. Я просто помню, какая жутко ледяная была вода. Руки у меня потом были как ошпаренные, и я согревал их под мышками. Свесившись за борт, я схватил пса за холку. Тут все кинулись и стали тянуть. Это был уже взрослый, здоровенный пес. Вернее, не столько здоровенный, сколько длинный. Мы несколько раз перехватывали, а он все тянулся и тянулся, как червяк из грядки, и мы никак не могли дождаться хвоста. Потом он лежал в лодке и его рвало водой. Он все-таки здорово нахлебался. Манюська гладила его по мокрому хвосту и приговаривала: «Бася, Бася». Так звали соседского пса, с которым Манюська недавно познакомилась, и с тех пор у нее все собаки звались Басями.

На обратном пути мы размышляли о том, как пес мог попасть на остров, и ничего придумать не могли. Видимо, какой-нибудь хозяин, желая избавиться от собаки, завез ее на затопляемый остров.

Воодушевленные своим подвигом, мы повели собаку домой. Мы

не боялись, что собаку не примут. У нас был странный дом. К нам вечно прибывали всякие бесполезные в хозяйстве птицы и животные. Сначала родители заводили их с воспитательной целью, но дух вольницы и некоторой безалаберности, царивший в нашем доме, приводил к тому, что клетки скоро пустели, превращались в хлам и вся живность разбегалась, расползалась и разлеталась по всей территории двора, и всегда у нас под полом или на чердаке что-то пыхтело, шуршало и скреблось. Соседи, приходившие в гости, пугались: «Что это? Где это?», но мы не могли ответить, поскольку и сами не знали, кто там в данный момент находится. В разные времена у нас жили зайцы, ежи, кролики, соны, ястреб-перепелятник, собаки и масса приبلудных кошек. Кошки приходили зимой, и нам не хватало духу выгонять их на мороз, и однажды поселившись вместе со щенком в собачью будку, они вместе выросли да так и остались в ней, прибавляя все новые и новые поколения. Наш домашний кот Ржавый — галабейского происхождения, боец и старый опытный вор, не общался с приبلудными — от них пахло весной.

Я сейчас с удивлением смотрю на фотографии в журнале, где, как чудо природы, изображена кошка, лежащая на спине у собаки. Для нас это был самый обычный «бутерброд». Нельзя сказать, что было такое братство в мире животных, — дрались. Но все-таки каждый находил свое место для жизни. Были и нарушители. Бичом двора был нахальный и бог знает откуда взявшийся ежик. Он нарушал все неписаные законы двора: лез в чужие миски, вырывал куски из чужих рта, и все попытки надавать ему по морде заканчивались жалобным воем и бессильной яростью. Но когда еж завел себе семейство, тут стало совсем невмоготу. Отец ссыпал семью в ящик и отвез на остров. Время от времени такие чистки проводились, потому как — ну, невозможно! — на голову сыпались.

Однажды мать, доведенная до белого каления жалостью соседей, которые имели животных положительных и полезных, живших в хлеву, а не на чердаке или под полом, решила завести поросенка. Помнится, дома начали варить что-то специальное, в большом бачке, но это продолжалось недолго. Нашей маме, любившей читать книжки, а не разводить поросят, все это скоро надоело, и поросенок перешел на общий режим, то есть жрал, что осталось и что урвешь. Ему пошло это только на пользу. Поросянок стал жилистым и шустрым, как фокстерьер. Он стремительно носился по двору, дрался с котами и чуть ли не прыгал через забор. Кажется, он у нас так и не пришел к обычному поросячьему концу. Его кому-то отдали.

В общем, дома мы могли рассчитывать если не на благожела-

тельный прием, то хотя бы на безнадежный взмах руки, означавший покорность судьбе. Так и получилось. Мать только сказала: «Еще одного дармоеда привели» — и все. Потом они с отцом сидели на крыльце и смотрели, как мы его кормим. Ел он так, что во все стороны летело.

— Страшилище, — сказала мать, а отец, всегда старавшийся найти смягчающие обстоятельства, возразил:

— Да нет, пес породистый. То есть в том смысле, что в нем много всяких частей понапихано, но все части породистые. Смотри, на ногах и носу шерсть курчавая — чистый фокстерьер. А уши видишь? Чистый спаниель.

Потом отец нашел несколько кусочков сеттера и порядочную часть добермана-пинчера. Пес действительно был странный. Он походил на собачьего Дон-Кихота — страшно длинный и тощий. Со спины он вроде бы был гладкошерстный, но на ногах и носу у него курчавилась жесткая шерсть. Уши, может, были покорооче, чем у спаниеля, но все равно добрую их треть Манюсяка потом запихивала ему в пасть.

Поев, пес облизнулся, сел на хвост и в упор начал нас рассматривать, как будто ему предстояло решать тяжкий вопрос о нашей дальнейшей судьбе. Мы почувствовали себя представленными перед комиссией.

— Ах ты, нахал! — возмутилась мать и хлопнула в ладоши перед его носом.

И тут он изобразил то, что потом получило название «лебединой стойки»: резко откинул голову назад, отчего грудь выкатилась колесом, как у шахматного коня. Зрелище было бы величественное, если бы он не скосил глаза к переносице. Скажите коту в нос букву «п» — он сделает то же самое.

— Ой! — засмеялась мать. — Вылитый Виктор Иммануилович.

Виктор Иммануилович был Володькин учитель географии и давний товарищ отца по охоте и рыбалке. Потом он и у меня был учителем. Человек он был мягкий, добрый и медлительно-сосредоточенный. Гнев, удивление, радость у него выражались в этом странном телодвижении. Раз лопнула волейбольная камера, тайно надуваемая под партой. Ахнула так, что весь класс подскочил. Виктор Иммануилович мгновенно стал, как взведенный курок — резко назад и вниз на переносицу. Подышал немножко и сказал тихо:

— Это кто же додумался? Выйди из класса.

Я встал и вышел. До сих пор помню.

Мы уже не учились, а у нас начисто выветрился из головы образ учителей. Мы спросили: «Кто, кто?»

— Ну ваш же учитель... — начала мама.

— Катя, Катя! — в ужасе всплеснул руками отец, но было поздно. Взрыв хохота спугнул воробьев с забора.

— Виктор Иммануилович! Виктор Иммануилович!..

Все, имя было найдено.

Справедливо утверждают, что длинные имена животным не прививаются. Назовите корову Эсмеральдой, обязательно потом будет какой-нибудь Эской, но здесь имя приклеилось намертво. Оно шло ему, как портфель министру.

Виктор Иммануилович остался у нас. Делаясь, похорошел. Исчезли волны ребер на боках и обшарпанность пса-бродяги. Его даже стало приятно поглядеть, чего, надо сказать, он не любил или, скорее, не понимал. В своей бродячей жизни редко приходилось видеть ему знаки человеческого внимания. Когда он шёл, он с напряженным вниманием следил за рукой, которая, естественно, никому не нравилось, а ему спешили отдернуть. Она только Манюска и ее компаньоны понимавшие этих тонкостей, такцали пса как хотели. Садилась на него верхом, вешали на уши боковые прищепки. Нельзя было конечно зевнуть — в пасть обязательно совали нечистые руки. Виктор Иммануилович только изредка взвизгивал, но, когда уже начинали ходить босыми пятками по ребрам, тогда он взревывал, голова поднимался, отчего вся компания горохом сыпалась с его спины, и уходил на камень.

Камень был достопримечательностью нашего двора. Собственно, это был не камень, а кусок земли или дома старинной, кирпичной кладки, намертво спаянный известковым раствором. Этот кирпичный комок высотой метра в два большей частью был на нашем дворе, а меньшей за забором, на улице, где в тени соседские куры устраивали пылевые ванны. Нашу сторону камня все ругали, но обойтись без него уже не могли. Отец использовал камень как наковальню, Володька влезал на него и «вдаль смотрел», или же мы сажали на его вершину надоевшую приставаниями Манюску, где она злобно и призывно редела, пока не прибежали родители. Камень был нашим флагом, нашим номером дома, и когда через несколько лет его все-таки снесли, это место зияло пустотой, как выбитый зуб.

На этом камне и устраивался Виктор Иммануилович. Положив голову на передние лапы и расстелив рядом уши, он смотрел на далекую ленту Волги и дремал. Согнать его оттуда мог только ужин в беседке. Летом ужин иногда устраивался во дворе, в беседке, заросшей диким виноградом. Пока носили тарелки, он только внимательно наблюдал сверху, но когда все усаживались за стол, он спрыгивал и садился метрах в пяти на скат от машины, где росли гвоздики, и не для того чтобы нас видеть — чтобы его видели. Видели, как смиренно, но с гордым достоинством он пере-

носит это смертельное оскорбление, когда, разрезая мясо, мы накладываем его к себе в тарелки. Уши траурными флагами спускались к земле, взгляд выражал скорбное спокойствие и готовность нести свой крест.

«Лопаете? — говорил весь его вид. — А бедные псы, значит, помирай?»

За столом нервничали. Кто-нибудь, не выдержав, бросал кусок. Чуть не отхватив себе взметнувшееся ухо, Виктор Иммануилович делал стремительное движение головой. Щелк — и ни одного промаха. Если кусок нельзя было сразу проглотить, понимая, что с жующей мордой он не сможет сохранить лик скорбной укоризны, Виктор Иммануилович уходил за куст сирени, и там слышалось его торопливое глотание.

На камне его впервые увидела Ираида Силовна.

— Ба-атюшки! — сказала она. — Где же вы такого взяли? Да я его, кажись, на помойке у бойни видела. Шкодливей.

Ираида Силовна говорила мирным и ласковым голосом, но всегда неприятные вещи. Мы покупали у нее молоко и яйца, и она бывала у нас часто. Когда она появлялась, мы с братьями старались не попадаться ей на глаза. Ираида Силовна слишком много о нас знала, и знания эти, чаще всего, носили разоблачительный характер.

В нашем маленьком городке, где слышали гораздо больше, чем видели, Ираида Силовна была аккумулятором информации и рупором, через который эта информация распространялась. От Ираиды Силовны исходили флюиды запретов и наказаний. Зимой она посыпала золой и песочком наш самодельный каток, а летом безошибочно определяла расположение наших землянок, которые, после того как туда однажды провалилась корова, нам рыть категорически запрещалось. Особенное беспокойство и непонятную злость у нее вызывала игра в мяч. Мы старались не играть у ее дома, но в азарте постепенно перемещались к ее забору, и лишь только мяч подкатывался к калитке, как вдруг... (здесь только и годится, что «вдруг» да «неожиданно»), как вдруг дверь мгновенно распахивалась, из нее необычайно шустро выскакивала Ираида Силовна и устремлялась к мячу. Мы с отчаянными воплями бросались к нему с другой стороны, но не успевали. Ираида Силовна недаром долго выслеживала нас в щелочку забора и ожидала удобного момента. Она стремительно хватала мяч, хлопала калитку, и все! Никакие «мы больше не будем» и «отдайте, пожалуйста» не помогали. Мы тогда вряд ли читали «Скупого рыцаря», но очень часто, сидя вечером на знаменитом бревнышке, представляли, как Ираида Силовна ночью со свечой поднимается по скрипучей лестнице куда-нибудь на чердак и рассматривает груды мячей, на-

копленных за многие годы. Жаловаться взрослым у нас всегда считалось позорным, да и мы ведь отлично знали, что о нас она может сообщить гораздо больше, чем мы о ней. Да разве могли мы равняться с Ираидой Силовной в искусстве доноса? Делала она это ласково и заботливо.

— Ваши-то, — говорила она, наливая молоко в бидончик, — сделали пулялку — конец железный, остротий. Курочку мою подстрелили мулатку. Да, конечно, Бог с ней, с курочкой-то... любимой, но ведь не ровен час в глаз — это же сразу в колонию.

Во дворе начинались ахи, охи, за курочку выплавалась компенсация, а мы подвергались репрессиям. На своем огороде Ираида Силовна наравне с редиской и морковью лелеяла и крапиву, росшую у забора. Она ее тщательно прореживала, а потом вытянувшиеся стебли оборачивала у корня бумажкой и закрывала тряпочкой, чтобы не унесло ветром. Поймав кого-нибудь из члв у себя в огороде (был грех, был), она не тратила время на посыл рукавиц, а, вырвав уже защищенную стебель крапивы, суетливо и удивленно хлестала нас по голым спицам. Мы летом не носили на спицах ни рубах.

— Я обязательно скажу участковому! — кричала она уже возле забора. — Давно по вам кто-то плачет!

Я не знал, что такое участковая, и мне виделась длинная серая колонна, в которой, уныло звяля декабристскими кандалами, стотыкаясь, бредут Вовка Звяляев и Борька Кейзман, и близняшки Иконниковы, и мои братья, и сам и все, все пацаны города. Хлопанье кнута, розовая пыль в призакатном солнце и бесконечная лента, уходящая к горизонту.

Даже сейчас, когда я встречаю это слово, я сначала вспоминаю тот давний образ, а уж потом настоящее его значение.

Именно Ираида Силовна стала звялятым врагом Виктора Иммануиловича.

Началось все с того, что Виктор Иммануилович пошел по порочному пути нашего kota Ржавого, который прославился тем, что украл кусок мяса из кастрюли с кипящим борщом.

В нашей семье, где все дети кусочничали, то есть вместо нормального обеда хватали кусок чего-нибудь и мчались на улицу, для Виктора Иммануиловича было раздолье. Стоило нам, увлекшись разговором, положить кусок хлеба с повидлом на скамейку, как он, внимательно следивший за нашими руками, мгновенно оказывался рядом. И напрасно потом, в горячке спора, шлепали мы по пустому месту руками и гневно кричали: «Где кусок? Кто стилибонил?» Виктор Иммануилович, еще облизываясь, равнодушно смотрел вдаль, и только капли повидла на усах выдавали похитителя с головой.

Маленький грех был началом большого преступления.

У Мишки был день рождения. Этим дням у нас всегда придавалось большое значение. На кухне шипело, булькало, готовились салаты. Володьку заставили в коридоре палить на примусе курицу. Меня тоже искали, но не нашли. Я прятался за кустом сирени и запоем читал Джека Лондона. Злясь, что поймали его, а не меня, Володька крутил курицу над гудящим пламенем. Запах паленого пера был слышен даже на улице. Вдруг в коридоре раздался сдавленный крик, что-то грохнуло, и по коридору пронесся легкий топот.

— Стой, гад, убью! — рявкнул Володька из сеней.

Я с любопытством выглянул из-за куста. Сначала из открытой двери, фырча, вылетела эмалированная кружка, потом Виктор Иммануилович с именной курицей в зубах и вслед за ними Володька с половником в руке. Издав плачущий стон, он запустил им в похитителя. Тот, колченого култыхаясь в воздухе, догнал вора и ударил по заду. Виктор Иммануилович поддал сильнее. Уши, отяжеленные репьями, трепыхались сзади, как оторванный воротничок. На крыльцо выскочил отец, мать, развешивающая белье, замерла с мокрой наволочкой. Виктор Иммануилович со страшной скоростью мчался к калитке и должен был разбиться об нее в лепешку, если бы метра за два до калитки не прыгнул, вытянув передние лапы. И все равно здорово ушибся бы, но в этот момент калитка сама распахнулась, и Виктор Иммануилович, стремительно проваливаясь и уже исчезая в проеме, вдруг застыл в воздухе в позе лезущего на столб. Мы оцепенели. Так в кино вдруг останавливается кадр, полный стремительного движения. Из-под живота Виктора Иммануиловича торчал какой-то желтый круг, а из-под хвоста нога в резиновом боте. Этот бесформенный комок мгновение был в неподвижности, потом медленно, как во сне, стал крениться на бок и вдруг сразу, с сочным треском рухнул на землю. Перед глазами все замелькало: взметнувшееся ухо собаки, судорожно вытянутая рука, выпученный глаз и нос, сдвинутый набок куриной ногой. Клубок распался, и Виктор Иммануилович, так и не выпустив из пасти курицу, покатился под гору и исчез за углом. А в пыли... В пыли куриных ванн лежала Ираида Силовна. Мы потрясенно молчали. Ираида Силовна, моргая пыльными ресницами, медленно и страшно поднялась из праха. Под ней лежало смятое в комок решето, из которого выползало мисиво раздавленных лиц. Скользящая скорлупа прилипла к юбке и даже немного на голову, будто она только сейчас вылупилась из яйца.

— Это что же это такое? — спросила Ираида Силовна звенящим шепотом. — Это что же это такое, я спрашиваю?! — вскричала она

голосом, каким в военных фильмах поднимают взвод в атаку. Папа вдавился в коридор и исчез, мы рассосались по темным углам, и на дворе осталась только наша многострадальная мама.

Ираида Силовна задыхалась от растерянности. Речь ее была безумна и сбивчива. Она то с воплями хваталась за подол юбки, от которой к пальцам тянулись прозрачные сопли яичного белка, то вскрикивала непонятное: «В суд! В суд!», то яростно убивалась по поводу решета, купленного девять лет назад в Барнауле. Мать тоже, видимо, была несколько не в себе. Она только кивала и на все соглашалась. И на то, чтобы перестрелить всех своих детей, и на немедленную ссылку в колонию Виктора Иммануиловича, и на другие странные предложения. В общем, это был самум, тайфун и землетрясение. Мать застирала подол юбки, закатила за разбитые яйца и отдала самодельное дюралевое решето с тончайшей медной сеткой. Уходя, Ираида Силовна плюнула дверью.

Мы начали выползать из укрытий. Появился отец с красными глазами, но умытый, расчесанный, все еще помытый и подвывая.

— Смешно? — сказала мать. — Сшибли соседку и смешно? Говориваете чувство юмора, вы?

— Да мы-то здесь... — начал отец. Но мама не слушала:

— А ты знаешь, что я заплатила за яйца тридцать рублей и за курицу — тридцать пять, а вы знаете... — Тут мама всплакнула. — А вы сшибли старуху и разве?

— Ну какая же она старуха? — уныло сказал отец, уже соглашаясь с тем, что сшибли мы, а не Виктор Иммануилович. — Лет на пять старше тебя.

Дело поворачивалось какой-то очень неудобной стороной. Мать посмотрела на наши помрачневшие лица.

— Ну ладно, — сказала она, резко переменяв тон. — Отбой. Бог с ней, с курочкой-то — любимой. Чего-нибудь и без нее найдем.

Курицу пришлось заменить жареной стерлядью, которую мы не особенно-то и любили и ели из нее только вязигу.

За обедом отец сказал:

— А эта дрянь придет — я его выдеру.

После обеда мы пошли на улицу перехватчиками, чтобы спрятать пса в укромное место, но Виктор Иммануилович был и сам не дурак и явился только на другой день. К вечеру он уже сидел на камне, четко выделяясь на фоне светлого неба, как герб нашего двора.

— Вон твой любимец пришел, — сказала мать, мывшая в это время крыльцо.

— Явился? — спросил отец, беря хворостину. — Поговорим.

Виктор Иммануилович смотрел на него сверху вниз, как министр на разбушевавшегося дворника.

— Ну, ворюга? — Отец вылез по пояс над камнем. — Как?

Виктор Иммануилович моргнул.

— У-у! — закричал отец и ударил прутом по камню.

Виктор Иммануилович в изумлении сделал стойку.

— Где курица?! — прокричал отец гневный, но совершенно бессмысленный вопрос и опять замахнулся на пса. Виктор Иммануилович нервно облизнулся и переступил передними лапами.

— Вот сейчас как!.. — Отец опять ударил по камню. Потом слез.

— Ну его к черту, — сказал он. — Не могу. Смотрит. Вот если бы побежал, а то... рука не подымается.

— А ну вас всех, — сказала мама.

Казалось, все обошлось, но тут Виктор Иммануилович сделал ошибку. Думая, что гроза миновала, он слез с камня и подошел к крыльцу понюхать где что.

— У-у, курокрад, — в сердцах сказала мама и ударила его мокрой тряпкой по морде. И удивительно: никаких стоек. Вытянув вперед шею и униженно виляя задом, Виктор Иммануилович кинулся в сарай и просидел там до ночи. Там мы его отмыли от присохшей скорлупы, накормили и всячески обласкали. Даже отец на другой день, взяв его за ухо, сказал:

— Что же ты, брат, теток-то сшибаешь... Нехорошо.

Между ними установились дружеские отношения. Часто Виктор Иммануилович подходил к отцу, клал голову на колено и вздыхал. Отец, не отрываясь от журнала, брал его за шею, и чувствовалось, что обоим это приятно. Мир и спокойствие царили во дворе и были нарушены только однажды приходом Виктора Иммануиловича. Имеется в виду настоящий Виктор Иммануилович — учитель географии и приятель отца по рыбалке. Я не знаю, о чем они говорили, но они всегда говорили одно и то же. Что-нибудь вроде:

— А-а, Виктор Иммануилович... Давненько, давненько мы с тобой... Заходи в комнату.

— Да нет, давай на крыльчке посидим... Воздух.

— А Захарыч-то на Клениде в ту субботу десять килограммов взял. Щучку, соменка приличного.

— Это на спуске, где мы в прошлый раз стояли?

— Нет, Виктор Иммануилович, мы стояли ближе к Собачьему.

Тезка, сидевший, как всегда, на камне, услышав свое имя, прыгнул и подошел.

— Откуда у вас такой?

— Да ребяташки притащили, — ответил отец, еще не понявший неловкости ситуации. — Иди, иди, — махнул он на пса рукой. — Так вот, Виктор Иммануилович, нам бы на той недельке...

Пес повернулся и вопросительно посмотрел.

— Чего он? — спросил папин приятель.

Тут отец вспомнил и смутился:

— Да пес его знает. Идем-ка, я тебе блесенку покажу. Немецкая.

Очень оригинальная.

Так бы все, может, и обошлось, но тут внутри дома хлопнула дверь и в сени вышла мама.

— Сережа, — крикнула она из темноты коридора, — где там Виктор Иммануилович? Дай-ка ему косточку.

Учитель заморгал глазами, и лицо его вытянулось. Папа в панике заметался. Мать вышла на крыльцо.

— Здравствуйте, Виктор Иммануилович, — приветливо поздоровалась она, тоже вначале не осознавшая опасности созвучия. Она уже набрала в грудь воздуха, чтобы крикнуть собаке, но вдруг осеклась и испуганно покосилась на сидевших. У папы были страшные глаза.

— А-а, — сказала мама и, неопределенно помахав рукой, поспешно удалилась. Виктор Иммануилович (имеется в виду пес), уже начавший облизываться и вилять хвостом, с грустью и недоумением смотрел ей вслед.

— Пойдем-ка, действительно, пообедаем, — сказал отец, намекая на то, что предложение кости было как бы вступлением к приглашению на обед.

— Спасибо, недавно ел, — отказался Виктор Иммануилович с озадаченным выражением. — Младшая-то уж большая какая. — кивнул он на Манюську, копящуюся рядом в песке, желая как-то выйти из этого непонятного и неловкого положения.

— Да-а, — обрадовался отец — Все уже почти говорит. Ну-ка, Манюська, иди сюда. Скажи-ка дяде Вите что-нибудь.

Манюська, любившая быть в центре внимания, мгновенно оказалась рядом. Учитель сделал умильное лицо и зашевелил пальцами:

— Ух мы какие...

Но Манюська перебила:

— А Вита Мануыльч вчеа куицу укал, — сказала она, кокетливо изогнувшись. Для нее любые яркие события происходили «вчера». Папа от ужаса вспотел и впервые пожалел, что Манюська научилась говорить.

— Маню-уся, Маню-уся! — вскричал он. — Что ты говоришь!.. Виктор Иммануилович!.. Курицу!.. Ребенок, ей-богу... Идем, Виктор Иммануилович, я тебе блесенку...

Недоумение разливалось по лицу Виктора Иммануиловича.

— Ну я пойду, — сказал он растерянно. — Зайду на недельке.

— Заходи, конечно... обязательно... жду, конечно, — бормотал

отец, желая провалиться сквозь землю. Он машинально кивал вслед, молясь всем богам, чтобы все его дети минут на пять онемели.

Потом отец, потрясая руками, ругался на чем свет стоит и нигде не находил сочувствия. Больше всего его раздражало, что вину взвалить было не на кого.

— Что ты находишь здесь смешного? — кричал он матери, которая не могла даже сидеть и стонала на диване. — Да ты понимаешь, что произошло?

Положение действительно было ужасное. Что в таких случаях делать? Честно признаться: «Виктор Иммануилович, мы вашим именем назвали собаку» — в любой форме оскорбительно. Сочинить оправдательную историю? Но я и сейчас не могу представить себе такую историю, которая объясняла бы предложение учителю географии голый реберной кости или кражу им курицы. Впрочем, дружба отца с учителем не прекратилась, но как он вывернулся из этого положения, я не знаю до сих пор.

С наступлением зимы Виктор Иммануилович поселился под крыльцом. Собачья будка была занята кошками. Мы постелили ему сена и всяких тряпок, и он был вполне доволен.

Вскоре Виктор Иммануилович стал нашим постоянным спутником, сопровождающим, телохранителем, и если он не провожал Володьку в кино, то только потому, что провожал меня в школу или Мишку на каток. Присутствие его не замечалось, в отсутствие возникало чувство потери и раздражения.

Виктор Иммануилович прожил у нас недолго, года два-три, и начал сесть. Он ведь и у нас появился уже взрослым.

Последнее лето, которое мы прожили в этом городе, было необыкновенно жарким. Градусник постоянно показывал за сорок. Поползли слухи о повальном бешенстве среди животных. Все стали шарахаться от кошек и собак. Под Елховкой видели бешеного зайца, а в больницу пришла бабка, которую поклевал бешеный воробей.

Городские службы привлекли общество охотников, и бродячих собак стали стрелять прямо на улицах. Мы сделали Виктору Иммануиловичу ошейник и повесили на него жестяную медаль. Но однажды, выйдя из кино, мы не обнаружили ожидающего Виктора Иммануильча. А вечером близняшки Иконниковы сообщили нам, что видели его на телеге с мертвыми собаками. Ни ошейника, ни медальки на нем не было.

Особенно плакал Мишка. Манюське мы сказали, что Виктор Иммануилович ушел сторожить плантации на острове.

А на следующий год мы уехали в другой город и стали жить в большом доме на шестом этаже.

МУКИ ЗВУ...

Когда я впервые услышала и увидела Петра Мамонова с группой «Звуки му» на концерте, меня чуть не вырвало. Музыка похожа на пряник, — слышалось в ушах и казалось, будто этот пряник надкусила и теперь во рту растекается гадость, как от разжеванной жирной навозной мухи. «Это очистительное отвращение, катарсис», — убеждали поклонники «Звуков», но что-то мешало поверить. После недавней презентации фильма «Такси-блюз», где Мамонов сыграл главную роль, когда он выступил в московском кинотеатре «Октябрь» уже в составе «Мамонов и Алексей», точно знаю, что мне мешало воспринимать певца раньше. Аудитория. На афишах концертов хотелось написать: «Люди до 40 лет не допускаются».

Самому Мамонову было тогда немногим меньше сорока. Мне — едва 30. Соответственно казалось, что за сорокалетним рубежом наступает почти небытие, глубокая старость, когда уже все равно — калечь себя любыми

зрелищами, вряд ли что-то изменишь. Великовозрастные ракомати тащились от песен Мамонова, но я глядела на них снисходительно, подозревая, что им уже по годам требуются изощренные способы возбуждения.

А вот детей жалко. Когда 15-летняя сикушка визжит от восторга при виде Мамонова и весело пляшет, повторяя: «У каждой бабы есть свои люляки...»

Я неоднократно пыталась высказать свои соображения в статье. Останавливало то, что в критике «Му» сами собой выплывали аргументы из тех, что извечно бросали в лицо року да и многим эксцентрическим направлениям искусства. Будучи на самом деле поборницей неординарного творчества и признавая за художником право не считаться ни с какими регламентациями, я стыдилась применить методы зашоренных оппонентов. (В конце концов никому еще не удалось определить границу, отделяющую порнографию от зротики, пропаганду насилия от картин ужасов, созданных

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

ради освобождения от страха и его причин, — все это зиждется на восприятии зрителя.)

Однако печальные мысли о «воспитательной роли» мамоновских песен все-таки волновали. Он смотрится престарелым растлителем, за углом спускающим штаны при виде молодой девчонки. Поглядев на его персонаж, возненавидишь любые интимные, да и просто человече-

ские взаимоотношения. Это с возрастом вырабатывается иммунитет к подобным хохмам. Узнаешь, что любовь и грубая обыденность не исключают друг друга. Люди, прожившие долгую семейную жизнь, готовы воспринять как шутку почти неизменные штрихи супружеских отношений вроде: «Только не лезь ко мне со своей бесконечной едой» или «У нас была любовь, а те-

перь — ремонт». Однако персонаж Мамонова возводит в главное качество человеческих чувств параноидальный рык — «Отвяжись!»

Сам Мамонов настаивает, что смысл его песен возникает на дистанции, разделяющей сценический образ и личность артиста. Когда я впервые зашла за кулисы познакомиться с Мамоновым и по традиции рокерского пани-

братства спросила, могу ли называть его Петей, он сказал: «Зачем же, я — Петр Николаевич, так и зовите». Ему явно не слишком импонировала вульгарная манера молодежи вопить из зала: «Петя, давай!» Нынче посмеивается: «Про «Такси-блюз» говорят — Мамоныч себя сыграл».

Впрочем, «Звуки му» при энергичном содействии своего басиста Александра Липницкого долгое время поддерживали легенду о полной идентичности Петра Николаевича с его песенным псевдонимом. Так казалось интереснее. Одноклассников Петю и Сашу выгнали из 30-й московской школы. Без определенных занятий они продолжали обретаться в родных местах, в Большом Каретном переулке (воспетом Высокким, а ныне переименованном в улицу Ермоловой). Вязались с дворовой шпаной, с которой Мамонов и начал музицировать в группе «Экспресс». Первую песню сочинил в 1981 году, развлекая приятелей на кухне. («Му» появились в 1984-м.) Гримасничал, фиглярничал, передразнивал алкашей, изображал сценки вроде нынешней «Денег, вышли мне денег!» — в общем, корешам нравилось. Эдакие будни и праздники знаменитого района Хитровки, прямо в записную книжку дяди Гиляя.

Согласитесь, куда более за-

нятно, чем рассказать, как Мамонов закончил полиграфический техникум. Что с помощью мамы он освоил скандинавские языки и нередко работает переводчиком. Что у него трое детей. Гитарист Алексей, оставшийся в теперешнем составе с Мамоновым, — его брат, хотя фамилию носит — Бортничук.

«Мамонов поставил над собой эксперимент погружения на самое дно жизни», — декларировал Липницкий. Эка невидаль, подобные опыты производит над собой чуть ли не каждый в нашей стране. Оживление коммерческой жизни заставило Липницкого изменить отношение к Мамонову. Липу начала возмущать неорганизованность приятеля, на котором стало возможно делать деньги. Периодически Петр Николаевич появлялся отмытым, остекленевшим, свежезашитым. И это тоже как-то не устраивало, вовсе испарялся темперамент.

Идя до конца по логике добровольного саморазложения сознания, в выступлениях Мамонова той поры мне больше всего нравился его конферанс между песнями. Это было какое-то нечленораздельное икание, полное самоуничтожение персонажа, «абстракционизм» в роке.

Впрочем, думаю, для «Звуков» первое перестроенное оживление не стало воистину звездным часом. В океане выплеснувшихся

на подмости и экраны помоев они чуть не потерялись. На время показалось, будто мужеством является уже не ерничество и юродство, а хватка преуспеть на празднике жизни. Мамонов не нарочно, но органически халтурил, найдя успех у юношеской аудитории, часто склонной воспринимать творчество лишь по первому плану.

Рассуждения Петра Николаевича в пору, когда, судя по телевизионным передачам, валютная проститутка стала символом прогресса, не звучали убедительно. «Да он валютных никогда не видел, — оправдывал друга Липа, — он знает и любит настоящих изгоев, трехрублевых».

Мы сидели с Мамоновым в символическом месте, у фонтана на площади Пушкина. Он парил про Русь с судьбой Сони Мармеладовой, а я вкручивала ему, что он потрафляет подонкам. Его персонаж не просто признается во всех смертных грехах:

*Я самый плохой,
я хуже тебя,
я самый ненужный,
я — гадость, я — дрянь...*

Он гордится этим: «ЗАТО я умею летать!» Способность летать как бы обуславливается необходимостью вывалиться в дерьме.

И вот я слушаю Мамонова

в зале «Октябрь». Выйдя к respectable зрителям киношной премьеры, он немного смутился, а затем, вероятно мысленно переодев всех в домашние халаты, завел задушевный разговор. Обращение к более зрелой публике дало исполнению Мамонова нужные подтексты, воздух, глубинный план. Это уже и впрямь — Галич, Высокый...

Изменилось время. Мамочке рефрен чудом спасшегося после вчерашнего «парашютиста» — «А утром мне скажут, что у нас все в порядке» — уже не спускается очередной отповедью в адскую лживой застойной прессе. Образ приобрел новую актуальность.

В давнишней нашей беседе Мамонов признался: «Я вообще не читаю газет и журналов, там все — сенсации». Тогда признание не стало для меня открытием, его можно было вычислить хотя бы по песне Петра Николаевича «Союзпечать». Сегодня убедилась, дарование Мамонова в принципе не стыкуется с ажиотажем.

Я спрашивала у Мамонова, как правильно писать название его бывшей группы: считая, что это недоговоренное слово «музыка» или аббревиатура «московских улиц»? «Просто — «му», — ответил он.

Злобный Му, темный Му — «я ничего тут не пойму». Рядом с ним всегда маячит фигура

с приятным расширением пониже тонкой талии, которую приятно наклонять, нагибать, опрокидывать, пока все не выпито и порожнюю бутылку не тащить сдавать за медную мелочь. «Необходимые встречи с необъяснимым концом... встречи... с концом... если девушка с другом, сразу лечь... вдвоем... за рольсы. Ложись, встречай!» «Стану хорошим... Хороши оба до хорошего гроба». «Скорее пришла бы суббота... пойти на работу». «Все, кто послушался маму, роют себе канаву». И как единственным выходом и выходом — «Му вам на воротник».

Когда еще казалось не бесполезным зажигать огни по другим поводам, спички, лирически горящие в честь «Цветов в огороде», смотрелись непотребным гимном наркомании. Когда снова становится скучно и беспросветно, идея посеять мачок на пяти сотках уже не кажется дурацкой.

*Не верь, если я краснею,
когда на тебя залез...*

просто это диатез...

зайди зимой с любимой

в мой подъезд,

там ты поймешь,

что такое мой диатез.

Му — персонаж дней печали. Когда ухарски восклицаешь: «Что наша жизнь? Каких-нибудь несколько десятилетий «секса с самим собой».

МЕЛЕТ ЖИЗНИ

Алексей ПЬЯНОВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЫБОРАМ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

I
Бил он в цель прямой наводкой,
Всех щедрей в посулах был,
Но, увы, дешевой водкой
Президентства не купил.

II
Был по-солдатски прост его девиз:
«Россия,
в две шеренги становись!»
И все ж не избран
командир пехотный:
Мы нынче строим ходим неохотно.

РЫНОК И КОРЗИНКА

Главная примета рынка —
Эта, судя по всему:
Продуктовая «корзинка»
Превращается в суму.

ЧИТАЯ ПУШКИНА

I
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»
«Над вымыслом
слезами обольюсь...»

II
«Театр уж полон...
...всё кипит».
В передних креслах —
Общепит.

III
«— Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь вакхальны припевы!»
— Опять вздорожали у нас
И водка, и нежные девы.

О СВОБОДЕ В ПЕРЕХОДЕ

Ликование в народе —
Мы свободу обрели!
Голых девок в переходе
Предлагают за рубли.

КОМАНДА ИЗ ВОСЬМОГО «Б»

На небольшом пустыре, рядом с новыми домами, только что закончился азартный поединок двух импровизированных команд.

— А ты классно играешь. Здорово помогал этого парня. Ты из какого?

— Из седьмого «А». А ты?

— Из восьмого «Б».

— Прямо как мастер водишься.

— Да ну. Вот Сергеев — это да! Какую штуку забил!

— Он тоже из восьмого «Б»?

— Не-е, из восьмого «Д».

— Что надо игрок!

— Вот жалко, еще Смирнов не было. Бьет как из пушки. Мы ему все штрафные даем. Пенальти с закрытыми глазами забивает.

— А он из вашего?

— Из нашего.

— А вратарь?

— Лешка-то? Лешка из пятого. Маленький, да удаленький.

— Как кошка бросался.

— Он всегда так. После школы в физкультурный хочет идти.

— Молоток. А того вон Ромкой звать?

— Ага. Он похуже соображает. Больно неповоротливый. Из седьмого «Б» он.

— А от ворот до ворот, как метеор носился, — это Женька?

— Мы его Жекой зовем. Этот нашеньский. Лихо бегал. Только техника слаба. Все больше пыром бьет.

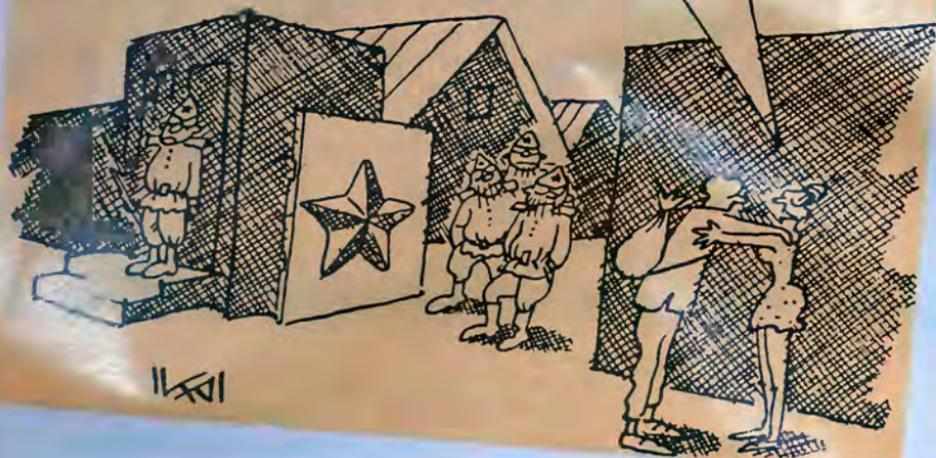
— А в красной майке, который в защите стоял?

— Сашка-то? Тоже наш. Мы с ним уроки вместе делаем — в одном подъезде живем. Только мы ведь больше у нас во дворе играем. Приходи к нам.

— Ладно. А где дом-то ваш?

— Вот смотри. Видишь, там пятиэтажный с зелеными балконами? Это восьмой. Ты дальше пойдешь. За ним десятый «А» стоит. Ты еще дальше пойдешь, мимо двенадцатого «Г», наискосок к пятнадцатому «Г», а там спросишь — кто-нибудь тебе наш восьмой «Б» и покажет. Он там недалеко, около двадцать девятого «В». Понял?

... Если смерти, то мгновенной,
Если раны — небольшой!

Ирина АКОЛЬЗИНА, 15 лет
г. Зеленоград

Вредные Советы

Подражание Григорию ОСТЕРУ

Если вас на алгебре вызвал вдруг учитель,
Весело и радостно топайте к доске.
Ничего не бойтесь, в руки мел берите,
И писать начните заданный пример.
Если шепот слышен в классе — сразу уши затыкайте,
И не слушайте подказки, потому что все равно
«Пять» поставит вам учитель, так как вы, не сомневаясь,
Всё писали честно сами, хоть неправильно совсем.

Рисунки Александра Зайца КОВА

Если так уж получилось, что никто из класса,
 Ну совсем не догадался вас поздравить с Новым годом,
 Сразу вы на всех надуитесь, только не говорите,
 А обидевшись, тихонько вы у всех вынете сумки
 И несите их к помойке: по два по три — все несите.
 И с улыбкою довольной загружайте их в контейнер.
 А потом, когда ребята будут их везде искать,
 Вы тихонечко посмейтесь и в сторонку отойдите —
 Со спокойною душою можно вам идти домой.

Если как-то вы пошли на английского урок,
 И учитель не поймет, кто такой вы и откуда,
 Не успеете вы даже сесть на место и вздохнуть,
 Как понявший все учитель сразу вызовет к доске.
 Тут же смело выходите, не теряйтесь, не смущайтесь,
 Говорите, что хотите, по-английски всё, конечно,
 Пусть загадочные речи педагога не смущают,
 Даже если он случайно разберется ксе в чем.
 Вы с победною улыбкой говорите что угодно,
 И, сказав всё что хотели, быстро к парте пробирайтесь,
 И пускай потом учитель ртом хватает теплый воздух,
 Потому он и не сможет «двойку» жирную поставить.

ИЩУ ДРУГА

Помните ли вы, дорогие читатели, старинный анекдот о кошке, которая ловила мышку, гавкая у ее норки? И ловила причем очень удачно. Вот как хорошо знать иностранные языки, говорила кошка. Журнал «Мы» присоединяется к этому мнению. Мы получаем письма из-за рубежа, авторы которых хотят переписываться с мальчиками и девочками из нашей страны, но просят писать им на английском языке, например. Так что, если хотите найти друзей по всему миру, — учите иностранный язык. Хотя бы в размере школьной программы. Поверьте, это в жизни пригодится.

В этом номере мы публикуем адрес 14-летней девочки из Югославии, которая любит писать и получать длинные письма. Ей хочется, чтобы ее корреспонденты были людьми оптимистичными и очень любили животных. Итак, те, кто знает английский, пишите:

Ranka Grubescic
Primorska 3,
410000 Zagreb
Croatia, Yugoslavia

Лиля и Вероника просят ребят, пишущих музыку, связаться с ними. У них в планах — запись магнитоальбома. А репертуар, о котором они мечтают, должен быть написан их сверстниками.

111538, Москва, Вешняковская ул., 27-4-188. Лиля К.

18-летний одессит ждет писем от доброй и застенчивой девушки, его ровесницы. Он любит животных, занимается атлетизмом, слушает классическую музыку и «металлические» ансамбли. «Ненавижу живодеров, ханыг и разный сброд», — пишет он.

270059, Одесса, ул. Крапивникового, 24/26, кв. 132. Кулаков Сергей.

Писем от девушек ждет парень из «мест не столь отдаленных» — из воспитательной колонии. Андрею 17 лет, все, кто дружил с ним, бросили его, даже любимая девушка. Надеюсь, у него появится много новых друзей.

424000, Марийская ССР, г. Йошкар-Ола, п. Светлый, а/я 81 «ч». НВТК. Алексеев Андрей.

«Металлисты» и «металлистки»! Только от вас ждет писем 16-летний Лешка, откликающийся также на имена Алексей и Леха. Других ребят просят не беспокоиться.

183150, г. Мурманск-150, ул. Флотская, 4, кв. 53. Ковалев Алексей.

Максим, к сожалению, не указавший своего возраста, считает, что настало время создать новую детскую организацию, отличную от пионерии и комсомола. А пока он хочет посоветоваться со сверстниками — какой должна быть новая молодежная организация, на каких принципах действовать, какой иметь устав, герб, гимн... Те, у кого есть мысли по этому поводу, пишите:

320006, УССР, г. Днепротровский, ул. Шмидта, 37, кв. 29. Максиму Д.

У поклонников Брюса Ли есть коллега в далеком Норильске. Дмитрий хочет обмениваться фотографиями своего кумира и статьями о нем.

663306, г. Норильск, ул. Котульского, 15, кв. 71. Коваленко Дмитрий.

У 12-летней Светланы — удивительная собака. Удивительная потому, что ест соленые огурцы и прочую еду, совсем для собак не аппетитную. Света просит писать ей всех, кто любит зверей — и диких, и домашних.

452950, Башкирская ССР, г. Нефтекамск, ул. Социалистическая, 60, кв. 153. Бутурина Света.

Наш следующий корреспондент всем хорош — 15-летний симпатичный веселый парень, остроумный и не курит. У него один недостаток — тройка по русскому языку. Надеемся, это исправимо...

г. Одесса, ул. Свердлова, 100, кв. 3. Макаренко Дима.

Еще один 15-летний юноша просит написать ему тех, кто увлекается историей авиации. С ним найдут общий язык любители авиамоделирования.

198328, Ленинград, Петергофское шоссе, 11/21, кв. 248. Илья.

15-летняя Лена неожиданно увлеклась лекарственными растениями и хочет узнать о них как можно больше. Как звать — может быть, это ее призвание?

614051, г. Пермь, ул. Пономарева, 65, кв. 5. Хлыбова Лена.

*И вдруг, о, радостная весть,
Мне почтальон спешит принести
Не «Огонек» и не «Аврора»,
А мой любимый «Мой журнал»,
в котором, напечатан адрес
Наташи, сочинившей эти вирши.
Наташа ждет писем от
парней 16—18 лет («настоящих
парней», уточняет она, пусть не
сказочных принцев, а просто
хороших ребят).*

111396, Москва, Союзный просп., 9, корп. 1, кв. 27. Лебедева Наташа (16 лет).

«Человеколюбие — первейшая из добродетелей». Такого жизненное кредо 15-летнего Антона. А еще он собирает марки, любит играть с детьми. «Я успокаиваюсь, когда работаю», — утверждает он.

46001, г. Оренбург, ул. Чкалова, 46, кв. 132. Бефилов Антон.

А вот еще одна проблема. «Хочу дружить с девчонкой. Казалось бы, это несложно. Но мне надоело дружить от силы неделю! У меня есть друг, он ходит с одной и той же девчонкой уже два года. Я ему завидую: у них — любовь... А у меня рекорд — 10 дней. Все надоело, каждый день одно и то же. Хочу найти человека, с которым можно поговорить обо всем... Мне 16 лет, люблю собак».

398001, г. Липецк-1, ул. М. Горького, 13, кв. 130. Андрей Ч.

А это объявление адресовано одному конкретному человеку. Саша Н. из Ленинграда, чье письмо «Не хуже других» опубликовано в № 4 нашего журнала! Тебе хочет помочь доктор Зулейхат Муталибовна Тутунова. Напиши ей.

734024, г. Душанбе, ул. Салтыкова-Щедрина, 59. З. М. Тутунова.

Желаем успехов!

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Летний сезон 1991 года был назван американской кинопрессой «сезоном продолжений» («sequel season»), и не даром.

На зрителя были брошены друг за другом — «Хищник 2», «Терминатор 2: Судный день», «Подразделение Дельта 2», «Бесконечная история 2», и, наконец, «Чужой 3»! Видеорынок нашей страны, как бычно, отреагировал своевременно. Естественно, не все новинки 1991 года оказались нам доступны, но, тем не менее, и для Советского Союза лето текущего года принесло целый ряд новых встреч с давно полюбившимися героями.

ВИДЕООБЗОР

Ураганом действия, ужасающими перестрелками из всех возможных видов огнестрельного оружия и... потоками видеозурной брани встречает зрителя Лос-Анджелес 1997 года — место действия «Хищника 2» полицейский (Дэнни Гловер, запомнившийся как партнер Мела Либсона по «Смертельному оружию») продолжает себя достойным продолжателем дела Арнольда Шварценеггера. В свою очередь Хищник, уничтожив в течение первой половины фильма организованную группировку ямайско-колумбийской мафии, переходит к борьбе с группой Денни Гловера и спецгруппой ФБР, не разбирая, так сказать, кто прав, кто виноват. Но против лейтенанта полиции инопланетные ухищрения оказываются бессильны.

Похождение «Американского ниндзя», сержанта сухопутных войск США и одновременно хранителя тайн боевого искусства ниндзя, в своей четвертой части ничего нового не обещают. Попытка ближневосточного террориста испугать всех путем похищения ядерного заряда успеха,

естественно, не приносит. Многочисленные телохранители, несмотря на большие успехи в овладении огнестрельным, холодным оружием и приемами рукопашного боя не выдерживают натиска бравого американского каратиста. После возвращения Майкла Дудикова в качестве американского ниндзя ее спасает картина. Это в очередной раз подтверждает правило, что копия хуже оригинала.

Известный исследователь, নাгражденный историческими призами киносериал «Франсиса Форда Коппола «Крестный Отец» в прошедшем году был продолжен, а возможно, и завершен фильмом «Крестный Отец 3». В завершающей части трилогии действие переносится в 1979 год. Герои фильма состарились, для них наступает время подводить итоги, задуматься о будущем. Но законы мафии суровы — главным героям не удастся найти покоя. Новые проблемы и интриги вновь увлекают их. Созвездие знаменитых актеров — Аль Пачино, Роберт Де Ниро, Алан Гарсия и многие другие, великолепная режиссерская и операторская работа, безусловно привлекут истинных любителей кино.

Среди многочисленных звезд кинобоевиков в 1990 году вспыхнула новая — и, пожалуй, весьма яркая. Нового героя без страха и упрека зовут Стивен Сигал. Один из ведущих в мире мастеров айки-до (разновидность борьбы) в 1990 году попробовал свои

силы в фильме «Нико» (Над законом), повествующем о борьбе против мафии полицейского итальянского происхождения. Впечатление от фильма оказалось настолько сильным, что все последующие работы Сигала считались среди видеолюбителей продолжениями первого фильма («Нико 2», «Нико 3», соответственно). Пожалуй, эта причина не единственная — сюжеты фильмов действительно практически одинаковы. Тем не менее последний из них — «Отмеченный смертью» («Нико 3»), сделан все же более профессионально. Непримируемая борьба офицера полиции и торговцев наркотиками вновь привлекла внимание зрителей. В США картина долгое время входила в десятку самых кассовых фильмов сезона, занимая почетное третье место.

29 августа 1997 года. Свыше трех миллиардов человек погибли в результате ядерного конфликта, развязанного военными компьютерными системами... и только три «маленьких человека» — вернее, два маленьких человека и один могучий киборг — могут предотвратить дальнейшее уничтожение остатков человечества. Именно так выглядит сюжет фильма «Терминатор 2: Судный день», названного «продолжением из продолжений», несомненно, самой ожидаемой и громкой премьеры лета 1991 года. В этом фильме киборг-убийца в исполнении Арнольда Шварценеггера возвращается, чтобы сражаться на стороне добра. Его

задача — защищать главную героиню (Линда Хэмилтон) и ее сына (Эдвард Фурлон) от опасностей, подстерегающих на каждом шагу, и главной из них — усовершенствованного и гораздо более опасного киборга T-1000, обладающего целым рядом невероятных качеств. Джеймс Кеймерон, постановщик «Терминатора», «Чужих», «Бездны» — популярных картин, насыщенных спецэффектами, на этот раз, кажется, превзошел самого себя, затратив на постановку свыше 100 млн. долларов. Результат — яркое, запоминающееся зрелище, новый шаг вперед в кинофантастике, лучший боевик летнего сезона.

Полковник Стивен Мак-Кой (Чак Норрис) и его подразделение «Дельта» в 1991 году отправились на борьбу с наркомафией прямо в гнездо злодеев, расположенных в окрестностях колумбийского города Медельин и прилегающих к нему джунглях. Несмотря на хитроумные козни главаря бандитов по имени Рамон Кота, превосходящие силы противника были побеждены молниеносно и на его территории. Успехом бравого полковника Мак-Коя заинтересовался сам президент Буш и после премьеры фильма в Белом доме всячески хвалил его и ставил в пример американской молодежи. Безусловно, интересно узнать, что же с точки зрения Буша хорошо — а с нашей...?

Юрий БАХЧИЕВ

ХИЩНИК 2 (1991) ***
Predator 2

**ТЕРМИНАТОР 2:
СУДНЫЙ ДЕНЬ (1991) ******
Terminator II: Judgment Day

**АМЕРИКАНСКИЙ НИНДЗЯ 4
(1990) ****
American fighter 4

**ОТМЕЧЕННЫЙ СМЕРТЬЮ
(1991) *****
Marked for death

**ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ДЕЛЬТА 2
(1991) *****
Delta Force II:
The Colombian Connection

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ 3 (1990) ****
Godfather: Part III

**** — отличный фильм

**** — хороший

*** — неплохой

** — ничего особенного

* — плохой

Харьков

Фото Сергея КОСТРОМИНА

1 руб. 30 коп.
индекс 70552